

ISSN 2218-0273

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
Г.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ
ПАЛІТАЛОГІЯ
САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна»

№ 1 / 2014

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь № 94 ад 01.04.2014 г. часопіс «Веснік
Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

V.V. Zdanovich

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Varyl

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

T.I. Yakavuk

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 23-34-29

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2014

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 94 from April 01, 2014, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Онуприенко С.П. Закон возвышения потребностей в условиях современного белорусского общества.....	5
Лепешко Б.М. Судьба и ее смысл в истории	11
Беляева Е.В. Этика социальной работы и ее особенности в модерно-традиционных обществах	19
Климович А.В., Степанович В.А. Неотомизм и русская философия всеединства: элементы сравнительного анализа	25
Даренская В.Н. Научное познание как фактор мировоззренческой трансформации в опыте о. Павла Флоренского.....	33
Лагуновская Е.А. Ценности христианства как система моральных ориентиров-регуляторов индивидуальной и социальной деятельности.....	41

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ротар Н.Ю. Маркеры идентификации в предвыборном дискурсе парламентских партий Украины	54
Храмцова Ф.И. Гендерный подход в политике молодежного кадрового резерва как инновационная политическая технология.....	70
Шевчук Д.М. Особенности проявления «сакрального» и «профанного» в горизонте политического мира ..	78
Белюсова Н.Б. Концепт национальной безопасности в политической культуре общества: европейская и национальная практика.....	86
Фролова О.Н. Информационный кризис как «великое потрясение» современного информационного общества.....	91
Авраменко О.А. Современная экологическая политика под воздействием глобальных процессов	96
Костючков А.Н. Применение языковых средств при формировании имиджа в международных отношениях.....	103

САЦЫЯЛОГІЯ

Бабосов Е.М. Белорусская социология в поисках ответов на вызовы XXI века.....	109
Яковук Т.И. Современный туризм как один из механизмов социокультурной диффузии	113
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Роль общественных инициатив в развитии агроэкотуризма в регионе Припятского Полесья	117
Бабосова Е.С. Этническая идентичность и этнические установки белорусов.....	126
Сухотский Н.Н. Социологическая категоризация образования и религии как социальных институтов социализации молодежи.....	131
Крупнов С.П. Эволюция представлений о гражданском обществе: трудности операционализации понятия.....	140
Кулешов А.А., Расолько И.Д. Возможность введения безвозмездного донорства крови в Республике Беларусь: социологический анализ.....	148

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Решетников С.В. Рецензия на монографию Д.А. Мигуна «Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 г.)».....	158
Звесткі аб аўтарах	160

CONTENTS

PHILOSOPHY

Onuprienko S.P. Law of Increasing Needs in Belarusian Society	5
Lepeshko B.M. Fate and its Meaning in the History	11
Belyaeva E.V. Ethics of Social Work and its Feature in Modern-traditional Societies	19
Klimovich A.V., Stepanovich V.A. Neo-Thomism and Russian Philosophy of Unity: Elements of the Comparative Analysis	25
Darenskaya V.N. The Scientific Knowledge as a Factor of Worldview Transfor Mation in Experience of Pavel Florenskiy	33
Lahunouskaya E.A. Values of Christianity as a System of Moral Compass-regulators of Individual and Social Activity	41

POLITOLOGY

Rotar N.J. Identity Tokens in the Electoral Discourse of Parliamentary Parties in Ukraine	54
Khramtsova F.I. Gender Approach to the Policy of Youth Personnel Reserve as Innovative Policy Technology	70
Shevchuk D.M. The Specific of «sacrum» and «profanum» Manifestations in Horizon of the Political World... ..	78
Belousova N.B. Concept of National Security in the Political Culture of Society: European and National Practice	86
Frolova O.N. Information Crisis as «a great shock» of Modern Information Society	91
Avramenko O.A. Contemporary Ecological Policy Under the Influence of Modern Processes	96
Kostyuchkov A.N. The Application of Linguistic Means in the Process of Forming the Image in International Relations	103

SOCIOLOGY

Babosov E.M. Belarusian Sociology in Search of Answers to the Challenges of the Twenty-first Century	109
Yakavuk T.I. Contemporary Tourism as One of the Mechanisms of Social and Cultural Diffusion	113
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Role of Social Initiatives in the Development of Agritourism in the Region of Pripyat Polesye	117
Babosova E.S. Ethnical Identity and Ethnical Directives of Belarusians	126
Sukhotski N.N. Sociological Categorization of Education and Religion as Social Institutions of Youth Socialization	131
Krupnov S.P. Notion Evolution about Civil Society: Difficulties in Operationalization of the Concept	140
Kuleshov A.A., Rasolka I.D. Possibility of Introduction of Voluntary Unpaid Blood Donation in the Republic of Belarus: a Sociological Analysis	148

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Reshetnikov S.V. Review on D.A. Migun's Monograph «Belarus in German-Soviet Relations (November 1918 – June 1941)»	158
Information about the authors	160

УДК 122/129:316.628.2 (476)

С.П. Онуприенко

ЗАКОН ВОЗВЫШЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В представленной статье имеет место теоретико-методологический анализ специфики открытого К. Марксом закона возвышения потребностей человека и социальной системы в контексте динамики общественных отношений, сложившихся в Беларуси в последние годы. Несмотря на кризисные тенденции, характерные для мировой экономики на рубеже XX–XXI веков, результаты социальных исследований белорусских ученых свидетельствуют о разработке конструктивных действенных стабилизирующих мер реализации положений вышеотмеченного закона и особенностей его преломления в практике современной белорусской действительности.

Введение

Потребности личности и общества постоянно развиваются и изменяются под воздействием материального и духовного производства, науки, политики, культуры, образования и иных социальных факторов. К. Маркс подчеркивал, что «человек отличается от всех остальных животных безграничностью своих потребностей и их способностью к расширению» [1, с. 122]. В связи с этим уровень и направленность тенденций развития общественных отношений в значительной мере определяют действие и действенность закона возвышения потребностей, одновременно способствуя концентрации его активизирующего воздействия на систему потребностей, интересов, ценностей человека и окружающего мира.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности функционирования закона возвышения потребностей в социальной политике Беларуси XXI в.

Закон возвышения потребностей: историко-методологический анализ

Объективная тенденция исторического развития потребностей является общесоциологическим законом, который В.И. Ленин аргументированно обосновал путем теоретико-методологического анализа трудов классиков английской политической экономии, французского утопического социализма, немецкой классической философии XIX в. Он писал: «Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы – сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и начала XIX в. или английского рабочего 1840-х годов и современного. Этот же закон проявляет свое действие и в России: быстрое развитие товарного хозяйства и капитализма в пореформенную эпоху вызвало и повышение уровня потребностей «крестьянства»: крестьяне стали жить «чище» (в отношении одежды, жилища и т.п.)» [2, с. 101–102]. Возвышение потребностей происходит в диалектическом единстве объективных и субъективных факторов вследствие изменения не только условий жизни, но и определенных качеств самого субъекта – носителя потребностей.

Сущность вышеотмеченного закона состоит в том, что вместе с прогрессивным движением материального и духовного производства, развитием культуры, расширением и усложнением человеческой деятельности объективно идет и процесс прогрессивного умножения, обновления и совершенствования потребностей социального субъекта (индивида, социальной группы, класса, общества в целом). Оказывая воздействие на потребности и структуру потребления общества, его социальных групп и индивидов, закон возвышения потребностей проявляется во всех сферах жизни людей: изменяя по-

требности, он изменяет потребление. В то же время, изменяя потребление, он неизбежно изменяет и потребителя. В данном взаимодействии заключена содержательная характеристика диалектического единства и противоречивости сущности потребностных отношений. Действие закона возвышения потребностей вытекает из экономического детерминизма, так как производство обеспечивает потребление, приводя для него материал, определяя способ потребления, возбуждая в потребителе новые устремления и желания их реализации. Это положение в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству, к материальным и духовным потребностям. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д., – указывал К. Маркс, – суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону» [3, с. 117]. Материальное производство создает экономические предпосылки для развития духовной деятельности, стимулирует духовное производство, делает возможным развитие и возвышение духовных потребностей. В свою очередь, духовное производство опосредованно: через систему надстроечных элементов (а наука в настоящее время и непосредственно) оно оказывает существенное, а то и определяющее влияние на материальную сферу. Постоянное увеличение объема материальных и духовных благ в процессе производственной деятельности ведет к возникновению новых и обогащению уже существующих потребностей. Осознание этого процесса побуждает человека к действиям, изменяющим как общество, так и самого человека. Таким образом, закон возвышения потребностей не сводится лишь к взаимосвязи потребностей и производственной деятельности людей, а характеризует всю совокупность факторов человеческой жизнедеятельности. Он отражает относительную самостоятельность потребностей по отношению к производству, вскрывает логику их развития.

Характер социальных трансформаций белорусского общества на рубеже XX–XXI вв. требует пересмотра и уточнения ряда теоретических концептов, законов, понятий и т.д. применительно к нынешней практике структурно-функционального развития. При этом следует заметить, что и в советской научной литературе прошлых лет и в современной отечественной закон возвышения потребностей, механизм его действия, конкретные формы проявления, особенности возвышения потребностей не получили должной научно-аргументированной трактовки. До настоящего времени довольно распространённым остается устойчивое мнение о том, что возвышение потребностей – это процесс их постоянного количественного и качественного изменения. Иные исследователи увязывают динамику возвышения потребностей с тенденциями возрастания свободы личности, ее самореализации и т.д. На наш взгляд, подобные подходы акцентируют внимание на развитии другой стороны рассматриваемой проблемы – системы «производство – личность».

Такого рода обоснование понятия «возвышение потребностей» в общем правомерно. Однако данный подход недостаточно полно характеризует столь сложный процесс. Во-первых, здесь упущен такой важный момент возвышения потребностей, как их облагораживание. Имеется в виду соответствие потребностей росту культурности человека, развитию его интеллигентности как социально-психологического качества, безотнositельно принадлежности его по данным статистики к той или иной социальной группе. Во-вторых, возвышение – это не просто совершенствование одних и тех же потребностей, а возникновение принципиально новых, прогрессивное поступательное изменение всей их системы, основанное на сохранении того ценного устойчивого, что было достигнуто на предшествующих ступенях. По сути, возвышение потребностей – движение в направлении их гармоничности и всесторонности. В-третьих, и это главное, на что следует обратить внимание, возвышение потребностей – процесс внутренне глубоко диалектичный. Важны одинаково оба направления взаимодействия: как производства на потребителя, так и обратный процесс – потребителя на производство с це-

лью соответствия продукции возвышающимся потребностям человека и общественной системы. Негласно культивируемая концепция абсолютного примата производства (производство ради производства) по определению изжила себя еще в XX в.

Неправомерно использование иногда в литературе понятий «возрастание потребностей», «расширение потребностей», «нарастание потребностей» как синонима «возвышение потребностей». Фактически эти понятия отражают в основном количественную сторону процесса развития потребностей, в то время как ленинское понятие «возвышение потребностей» подразумевает не только рост потребностей, но и важные качественные изменения, более того – преимущественно качественные. Возвышение потребностей личности следует рассматривать как закономерный социально-обусловленный процесс всестороннего преобразования их содержания, структуры, уровня и способов удовлетворения, в котором количественные и качественные изменения неизбежно ведут к прогрессивным сдвигам в системе потребностей в целом.

Являясь общесоциологическим, закон возвышения потребностей действует во всех общественно-экономических формациях. Но темпы, формы его проявления, полнота реализации имеют свои специфические особенности, обусловлены уровнем развития общественного производства, характером общественных и, прежде всего, производственных отношений, зависят от основной цели, осуществляемой данным способом производства. Было бы наивным, полагать, что в условиях нынешнего капитализма возвышение потребностей осуществляется исключительно стихийно и не имеет всеохватывающего характера. Тем не менее здесь действие закона возвышения потребностей деформируется основным законом капиталистического производства – получением прибавочной стоимости, в связи с чем возвышение потребностей выступает в двух крайне противоречивых тенденциях. С одной стороны, развитие производительных сил объективно ведет к возрастанию объема материальных и духовных благ и, следовательно, к росту потребностей. С другой – рост нищеты «не в физическом, а в социальном смысле, т.е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс» [4, с. 208]. Отсюда и возникает известное для наиболее развитых стран Запада явление, когда параллельно с увеличением массы вещей, создаваемых обществом массового потребления, растут неудовлетворенность и духовная пустота все более широких слоев населения.

Тенденции возвышения потребностей современного белорусского государства

Как отмечают современные аналитики, белорусское общество на рубеже XX–XXI вв. находится в стадии перехода к рыночной экономике, что неизбежно и в значительной мере представляет аналогию характера социальных отношений, свойственных нынешним капиталистическим государствам. Данный процесс не обошел стороной поэтапность становления, функционирования, развития системы потребностей наших соотечественников. За последние два десятилетия проявление кризисных, деградиционных тенденций отмечаются в различных сферах деятельности, включая производственную, демографическую, просветительскую и иные, белорусского общества, что непосредственно связано с изменениями потребительских характеристик граждан. В этом отношении серьезными показателями являются потребительские отношения или, иначе говоря, «потребительская корзина» белорусов.

Как отмечают ученые Института социологии НАН Беларуси, индексы потребительских настроений и ожиданий в нашей стране практически не изучались, что требует осуществления оперативных мероприятий в области социального мониторинга данной сферы деятельности белорусов. На вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи?» в 2010 г. ответы респондентов таковы: «существенно улучшилось» – 2,8%, «немного улучшилось» – 15,0%, «существенно ухудшилось» – 8,7%. В 2011 г.

цифры следующие: «существенно улучшилось» – 2,0%, «немного улучшилось» – 14,3%, «существенно ухудшилось» – 9,1%. 2012 г.: «существенно улучшилось» – 2,6%, «немного улучшилось» – 14,1%, «существенно ухудшилось» – 17,5% [5, с. 101]. Возможно, семейные проблемы не отражают в полной мере экономико-потребительских отношения всего общества? Попытаемся это выяснить через результаты ответов на вопрос «Как изменилась социально-экономическая ситуация в Беларуси за минувший год?»: «существенно улучшилась» – 2,8% (2010 г.), 2,5% (2011 г.), 2,0% (2012 г.); «немного улучшилась» – 16,1% (2010 г.), 12,4% (2011), 11,1% (2012 г.); «существенно ухудшилась» – 8,8% (2010 г.), 13,0% (2011 г.), 24,2% (2012 г.) [5, с. 101]. Как видим по результатам официальных социологических исследований, экономическая ситуация как на уровне конкретной белорусской семьи, так и на уровне государственной системы имеет устойчивую тенденцию к резкому снижению, что, соответственно, характеризует состояние и перспективы потребностных ориентаций наших граждан. Продолжая исследование актуальной темы анализа потребительских настроений населения, социологи НАН Беларуси систематизировали спектр первоочередных проблем, волнующих всех нас. Например, «ценами на предметы первой необходимости» были обеспокоены 53,4% граждан в 2010 г., 56,9% в 2011 г., 61,1% в 2012 г.; «инфляция» – 21,4% (2010 г.), 29,6% (2011 г.), 40,8% (2012 г.); «уровень оплаты труда» – 45,0% (2010 г.), 40,6% (2011 г.), 40,8% (2012 г.) [5, с. 104].

Таким образом, складывается впечатление, что объективный социальный закон возвышения потребностей как бы «сломался», перестал действовать в условиях постсоветской кризисной ситуации в Беларуси. Кстати, аналогичная обстановка в той или иной степени сложилась во всех нынешних суверенных республиках бывшего СССР. По сути дела, на обыденном уровне осмысления подобной экономической перспективы возникает устойчивый соблазн констатации отмирания либо практической неэффективности данного закона. Научный анализ свидетельствует об обратном, т.к. проявление деструктивных тенденций в одних сферах общественной жизни населения еще не является абсолютным показателем состояния дел в структурно-функциональных элементах всей системы. Наряду с имеющими место дестабилизирующими процессами в ряде экономических областей нашей жизнедеятельности имеют место тенденции позитивного характера, иными словами, определяющие компенсаторные возможности проявления вышеотмеченного закона в иных сферах и отношениях жизни современных белорусов. Например, в последнее пятилетие вырисовываются относительно устойчивые показатели стабилизации среднедушевого денежного дохода, исходя из величины которого расширяются возможности приобретения необходимых продуктов питания. Так, в 2009 г. наши соотечественники могли (условно) приобрести в месяц 386,7 кг хлеба пшеничного, в 2010 г. – 438,7 кг, в 2011 г. – 488,6 кг; в 2009 г. – 419,8 кг муки пшеничной, в 2010 г. – 523,3 кг, в 2011 г. – 623,7 кг; в 2009 г. – 499,1 литра молока, в 2010 г. – 562,7 л, в 2011 г. – 614,8 л [6, с. 175].

Несмотря на «демографические ямы», характеризующие отголоски фронтовых событий прошлого нашей страны, количество студентов остается достаточно стабильным, что свидетельствует о постоянстве потребности в образовании, традиционно свойственной белорусскому народу. Если количество вузов остается относительно неизменным на протяжении последних лет (55), то число принятых студентов также достаточно стабильно: 97,8 тыс. (2009 г.), 100,5 тыс. (2010 г.), 96,0 тыс. (2011 г.). Соответственно, потребность молодежи в получении образования сочетается с потребностью в успешном окончании учебного заведения и приобретении профессии, специальности, квалификации. В 2009 г. диплом о среднем специальном образовании был вручен 42,5 тыс. молодых людей, диплом вуза – 74,0 тыс.; через год соответственно – 45,3 тыс. и 73,3 тыс.; в 2011 г. – 46,2 тыс. и 75,8 тыс. [6, с. 210]. Нельзя не отметить факт возра-

стания культурных потребностей граждан, что проявляется в следующих цифровых показателях:

- 1) число посещений цирковых представлений (тыс. чел.) – 346,3 (2009 г.); 367,7 (2010 г.); 602,4 (2011 г.);
- 2) число посещений музеев страны (тыс. чел.) – 4 586,3 (2009 г.); 4 989,7 (2010 г.); 5 299,4 (2011 г.);
- 3) число посещений концертов (тыс. чел.) – 1 731,1 (2009 г.); 1 930,5 (2010 г.);
- 4) число посещений единиц киносеансов в расчете на 1 000 чел. населения – 947 (2009 г.); 995 (2010 г.); 1 059 (2011 г.) [6, с. 266].

Не менее важная национальная стратегия, а также соответствующая потребность каждого в сохранении и укреплении здоровья, что выражается и в такой форме, как прохождение лечебно-оздоровительных курсов в санаторно-курортных организациях Беларуси. Здесь также отмечается существенный прогресс: 666,1 тыс. чел. (2009 г.); 710,6 тыс. (2010 г.); 813,3 (2011 г.) [6, с. 277]. Перечень подобного рода позитивных устремлений можно было бы продолжать и далее, что в полной мере будет характеризовать положительные тенденции белорусского общества и конкретного человека. В этой связи уместно напомнить, что в динамике исторического развития негативные и позитивные процессы вступают в диалектическое единство. Во времена кризисных состояний многие жизненно важные потребности населения, передовых слоев общества подвергаются деградации, трансформируются, замещаются менее устойчивыми, слабо отражающими прежде всего духовный потенциал (ценности, идеалы) мировой и отечественной культуры. Например, в период оккупации Франции гитлеровскими войсками в 30–40-е гг. XX в. многие представители интеллигенции оказались в психологическом состоянии стресса, апатии, безысходности, что выражалось в смирении по отношению к сложившимся обстоятельствам и даже пропаганде культа смерти (посредством суицида), как якобы достойного средства (реализации потребности) от позора, унижения, сохранения национального и человеческого достоинства. Французский философ А. Камю утверждал, что между ощущением абсурдности и бессмысленности жизни есть прямая связь с отчаянием и стремлением к самоубийству. Как ни странно, но он не призывал своих соотечественников к вооруженной борьбе с врагами, а видел освобождение от них ... в освобождении от жизни [7, с. 15]. По этому поводу писатель и боец за свободу страны А. де Сент-Экзюпери с сожалением отмечал, что Франция была побеждена потому, что многие ее граждане уже потерпели поражение в своих сердцах. Физические, психические страдания серьезно подрывают волевые качества людей, что не может не отразиться, не воплотиться в их мире потребностей, установок, ориентаций. Эти психолого-физиологические состояния необходимо учитывать в деле целенаправленного формирования прогрессивных устремлений человека и общества, чтобы всякого рода политические, экономические, нравственные искушения, пусть даже обусловленные разумными доводами, не смогли внедрить сомнение, разлад в духовную сущность предназначения человека. Набатом предостережения звучат слова великого Антуана де Сент-Экзюпери: «Искушение – это соблазн уступить доводам Разума, когда спит Дух» [8, с. 316].

Заключение

Закон возвышения потребностей имеет ряд фундаментальных особенностей.

Во-первых, он не обладает абсолютными аксиоматическими признаками, так как в случае отсутствия его носителей (людей), а следовательно, и их потребностей, его простуту нет, не имея реальных возможностей реализации в ком-либо или через кого-либо;

Во-вторых, механизм его действия определяется двоякофакторными причинами. С одной стороны, возвышению потребностей содействует вся система обществен-

ной жизни, включая структуру народонаселения, производства, культуры, морально-этических норм и т.п. С другой стороны, весь комплекс механизмов его функционирования проявляется исключительно через сознание конкретного человека, его психолого-физиологическое, эмоциональное, интеллектуальное состояние. Исходя из вышеописанного, данный закон не может нормально работать вне постоянно сбалансированного равновесного действия двухсторонних факторов, где серьезное отклонение одного приводит к смещению, деградации пространственно-временных, содержательных, прогностических и иных характеристик последовательного, равномерного становления, развития, отмирания потребностей. Таким образом, данный закон в принципе функционален в любой общественной системе, но с условием сочетания в той или иной степени личных и общественных потребностей. Примером может служить главная потребность всех нас – в здоровье. По мнению известного российского врача А.Н. Крайнова, суть реализации этого пожелания не только и не столько в современных клиниках, поликлиниках, медспециалистах (со стороны общества). «Ваша решимость быть здоровым, тот настрой на жизнь, который присущ Вам» – вот основная установка, фокусирующая все уровни и виды потребностных качеств человека [9, с. 42].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Капитал. Книга первая / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 49. – С. 3–136.
2. Ленин, В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958. – Т. 1. – С. 67–122.
3. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К.Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф.Энгельс. – 2-е изд. – М., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
4. Ленин, В.И. Рецензия. К. Каутский. Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1959. – Т. 4. – С. 191–210.
5. Сечко, Н.Н. Потребительские ожидания населения Беларуси / Н.Н. Сечко // Вестник БГЭУ. – 2013. – № 1 (96). – С. 100–105.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012 / Отв. за выпуск Е.М. Палковская. – Минск : Нац. статистич. комитет РБ. – 2012. – 742 с.
7. Camus, A. Le mythe de Sisyphe / A. Camus. – P. : Lechevalier, 1942. – 215 p.
8. Сент-Экзюпери, А. де. Военный летчик / А. де Сент-Экзюпери // Сочинения. – М., 1964. – С. 294–419.
9. Онуприенко, С.П. Стратегия экологической безопасности / С.П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – 304 с.

Onuprienko S.P. Law of Increasing Needs in Belarusian Society

In this article there is a theoretical and methodological analysis of the specific public law by Marx elevation of human needs and social system in the context of the dynamics of social relations prevailing in Belarus in recent years. Despite the crisis tendencies inherent in the global economy at the turn of the XX–XXI centuries, the results of social research Belarusian scientists suggest develop meaningful measures of effective stabilizing implementation of the law and the provisions of the above-noted features of its refractive index in the practice of modern Belarusian reality.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.03.2014

УДК 124.6 + 930.1

Б.М. Лепешко**СУДЬБА И ЕЁ СМЫСЛ В ИСТОРИИ**

В статье рассматривается категория «судьба» в системе исторического знания. Анализируются рационалистические и метафизические основания данного понятия. Обращено внимание на мистический контекст проблемы. Приведены примеры, характеризующие степень и уровень решения вопроса в рамках отечественной историософии. Проведена параллель между пониманием категории судьбы и характером национальной идеи. Высказаны идеи о различном понимании сущности данной категории со стороны современных философских школ.

Понятие «судьба» – пария среди категорий отечественной философии и тем более отечественной истории. Рационалисты, эмпирики разных эпох, позитивисты, марксисты последних двух столетий упоминали про судьбу разве что тогда, когда надо было критиковать теоретические ошибки, недостатки того или иного типа мышления. До эпохи постмодерна, предложившей новую парадигму знания, судьбе противопоставлялся факт, «чистая» рациональность, причинность, детерминизм и, в итоге, торжество закона. Судьба – это символ непонятного, даже мистического, поэтому нет ничего странного, что строгое (сугубо рациональное) мышление всегда испытывало дискомфорт при обращении к этой дефиниции. Да и как назвать судьбу дефиницией, ведь даже для этого до сих пор нужна определённая теоретическая смелость. Судьбе как искусству вне-рационального понимания, предвидения, предопределения, предчувствования противопоставлялось мышление, основанное на строгом следовании законам логики, мышление, системное по своему характеру, сциентистское по сути, великими представителями которого были, например, И. Кант, Г.-В.-Ф. Гегель, Ф. Шеллинг. Однако в гносеологическом процессе всегда присутствовало строгое мышление, и было чувство, имели место ясные и внятные определения, и неподдающиеся описанию внутренние закономерности. Была рассудочность, законосообразность и было художество, творчество. Причём это касалось не только эстетической сферы, но и всех гуманитарных наук. И, как афористично заметил О. Шпенглер, «человек, подобный Канту, всегда будет чувствовать своё превосходство над Бетховеном, как взрослый над ребёнком, что не помешает, однако, Бетховену отвергнуть «Критику чистого разума» как убогий способ мировоззрения» [1, с. 176–77].

Особую роль понятие «судьба» всегда играло в истории. Синонимами судьбы был исторический фатализм, понимание того, что судьба людей и народов решается на небесах, что есть, существует некий фатум (рок, Немезида у античного человека; кismet у арабов), который не просто туманное предчувствие, но и некая реальность, часто грозная. Особенно это проявлялось в эпохи, переломные по своему характеру, когда ломался общий строй рационалистических, всё объясняющих рассуждений, когда было непонятно, почему вдруг падали, как глиняные истуканы, империи, ранее казавшиеся незыблемыми, почему над ещё вчера могучей цивилизацией торжествовали варвары и уходили в прошлое могучие государства. Вспомним, как до сих пор объясняют гибель СССР: ведь, по сути, вновь звучит апелляция к судьбе. То есть у всех известных империй такая судьба, все погибли, все ушли в никуда, почему у Советского Союза должно быть иное предначертание? Говорят ведь не только о продажности элит, экономических трудностях, политических ошибках, происках могущественных врагов, но и о судьбе. А ведь как чётко в том же «позднем» СССР был расписан «объективный» ход истории, как ясно и доказательно звучали аргументы о неизбежности «просто» социализма, затем социализма «развитого», а в качестве итога – торжество светлого комму-

нистического завтра. И где этот рационализм ныне, чего вдруг «забуксовали» объективные законы истории?

Такого рода подход основывается на известной традиции. Скажем, Блаженный Августин, потрясённый гибелью античного Рима, пишет ряд книг, в которых пытается найти объяснение происходящему и, как следствие, рождается новая концепция мировой истории, христианская по сути, но идея судьбы, предопределения здесь звучит достаточно недвусмысленно. В иную историческую эпоху Василий Розанов в своих работах говорит о судьбе как о той фатальной неизбежности, которая сопровождает как отдельного человека, так и целые народы. Он не ищет ясных объяснений, да и как их можно найти в ситуации, когда человеческий ум не может осознать сути происходящего. Причём судьба сопровождает не только каждого человека, но и народ, нацию. Автор «Уединённого» писал: «Национальность для каждой нации есть рок её, судьба её, может быть, даже и чёрная. Судьба в её силе. От судьбы не уйдёшь. И из «оков народа» тоже не уйдёшь» [2, с. 140]. Вот и от революции 1917 г. «уйти» не удалось. Причём – если брать рационалистический контекст – существовало ясное и чёткое понимание ситуации, соотношения противоборствующих сил, были «программы», как, скажем, у профессора Победоносцева или у премьера Столыпина, а вот поди ж ты: грянуло и в программы не заглянуло.

Но если это так, то о каких исторических законах мы можем вести речь, ведь закон – это констатация всеобщих и объективных связей, констатация повторяемости основных закономерностей, это возможность верификации, экспериментального подтверждения основных выводов. То есть возникает старая, уходящая в глубь XIX в. проблема о принципиальных различиях между науками о природе и науками об обществе (Г. Риккерт, В. Дильтей, В. Виндельбанд). Это у «физиков» строгая наука, а у историков, философов понимание исторического прошлого должно быть «завязано» на понятии искусства, творчества, судьбы. Помнится, был такой интересный аргумент в этом споре, когда реальном, когда виртуальном. Пока «физик» занимается своим непосредственным предметом исследования, он на твёрдой почве непреложных фактов, рационалистического объяснения происходящего, он экспериментирует и проверяет свои данные. Но как только он пытается написать очерк развития своей собственной науки, описать путь физики, то сталкивается с теми же проблемами, которые присущи истории. То есть ответить на вопрос, почему именно сейчас, в эту эпоху рождена та или иная идея, почему именно в данной стране появился на свет великий преобразователь, почему яблоко, грубо говоря, упало на голову именно Ньютону и именно Архимед полез в легендарную ванну, ответить, оставаясь на почве исключительно рационализма достаточно сложно. Здесь на первый план выдвигается не некий логический принцип, а идея, которую сложно определить в рамках аристотелевской силлогистики, её можно только чувствовать и внутренне переживать, эту идею можно не понимать в привычных категориях, но тем не менее быть убеждённым в её достоверности.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить примеры, говорящие о всесиилии идеи. В нашей недавней истории – это, например, коммунистическая идея, не модная ныне, пока остающаяся в прошлом вместе с идеологией, её родившей. Но сложно отрицать внерационалистическую заданность этой идеи, причём именно ту заданность, которая реально «двигала горы». Кто и как мог рационалистически объяснить и растолковать суть этой идеи? Кстати, все теоретические попытки это сделать в итоге выхолили суть идеала и в каком-то смысле стали признаком краха. Парадокс: когда не могли рационалистически объяснить суть идеала, идея жила; как только она получила развёрнутое отражение и обоснование в разного рода «программах», в том числе «развитых», идея умерла. Но речь, конечно, не только о коммунистических взглядах. Вот обратимся к идее евроинтеграции, столь популярной, например, сегодня на Украине. Не-

сложно заметить: здесь есть рациональный ход мыслей, а есть чувство, идея. Рационалистически всё можно объяснить: и то, что Таможенный союз предпочтительнее иных объединений, и то, что экономическая выгода в этом случае намного существеннее призрачных преимуществ от ассоциации с Евросоюзом, который и сам, к слову, испытывает серьёзные финансовые, иные сложности. И вместе с тем идея евроинтеграции не исчерпала себя, она будоражит умы, её воспринимают так, как социалисты XIX в. воспринимали идеи Р. Оуэна, Ш. Фурье, Н. Чернышевского. То есть как теоретическую и практическую новацию, не имеющую прецедентов на отечественной почве. В неё хотят верить, как верят в новую данность, иной выход, принципиально новый путь. У идеи есть свой ресурс, она живёт и погибает точно так же, как живой организм и потому выражать идею трудно, даже невозможно, путём насильственных действий; идею можно противопоставить только более сильную, более мощную и более «живую» идею. Впрочем, это уже иная тема.

Получается, каждая культура, каждый народ имеет свою судьбу, свою идею, которую в этом случае часто называют национальной идеей. Ведь что такое национальная идея, как не предчувствование своей собственной судьбы, понимание тех перспектив, которые открываются перед народом и желание следовать своей судьбе. К слову, известные слова К. Маркса о свободе, которая есть познанная необходимость, в каком-то смысле перекликаются с таким пониманием судьбы личности и народа. Попробовать узнать, сформулировать национальную идею и действовать в соответствии с ней – чем не попытка всё же принять и осознать то, что называется судьбой? Немецкая нация эпохи Отто фон Бисмарка осознала свою судьбу быть единой нацией, и то, что это единство достигалось «железом и кровью», никого не остановило. Ф. Тютчев, возражавший именно против такого «железного» выбора национального пути, ратовал за «любовь» и полагал, что только таким образом Россия может достичь своих национальных идеалов. Можно спорить о характере известных событий последнего времени, связанных с присоединением Крыма к России, но нельзя не заметить того, что этот процесс национальный по сути, и апелляции к судьбе играли здесь не последнюю роль. «Наша судьба – быть вместе» было написано на многих лозунгах этой поры (весна 2014 г.) и воспринималось нацией (российской) как реализация не только понятных и ясных рационалистических аргументов, но и в контексте метафизического единства страны. Воссоединение Крыма с Россией чувствовалось, понималось у наших восточных соседей не только в геополитическом контексте – речь шла о реализации таким образом понятой национальной идеи. Отсюда, кстати, такой высокий рейтинг президента В. Путина, поддержка абсолютным большинством населения его объединительных усилий, несмотря на жёсткое противоборство со стороны стран Запада, США. Та эйфория, которая имела место в российском обществе, понятна и обоснованна: речь идёт не только о решении судьбоносных задач, но и о единстве нации, чувстве собственного достоинства, о том факте, что череда унижительных поражений (начиная с 80-х гг. прошлого века) сменилась важной и впечатляющей победой.

Заметьте, как долго и мучительно процесс осознания собственной судьбы (и в этом контексте осознание национальной идеи) проходит у нас в стране. В этом нет ничего странного, поскольку это не только процесс озарения, интуиции, но и следствие напряжённой работы всей нации. Ведь О. Бисмарк в Германии должен был появиться, и он появился после И. Гёте, Ф. Шиллера, И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля. Фёдор Тютчев с его прозорливыми философскими откровениями в стихах мог появиться только после П. Чаадаева, А. Хомякова и, конечно же, А. Пушкина, Вл. Соловьёва. Вообще, осознание судьбы (национальной идеи, хотя это, конечно же, не тождественные понятия) есть следствие напряжённой работы нации, работы исторической, духовной, интеллектуальной. Хотя если задаться простым вопросом: а как определить судьбу Беларуси, то ответ не

столь ясен и понятен, как, например, у наших восточных соседей. Быть неким «мостом» между Востоком и Западом? Обеспечить цивилизационное единство двух различных систем миропонимания, религиозного чувства? Не есть ли здесь некая ущербность, некая искусственность и заданность? Скорее всего, речь сегодня идёт лишь о поисках такого рода идеальной мыслительной модели и соответствующей линии поведения. Да и может ли воодушевить всю нацию осознание того факта, что она есть некий «мост»? Сомневаюсь в этом.

Особую роль в понимании характера судьбы в истории сыграли труды Н. Бердяева. Слово «судьба» в его работах повторяется многократно: судьба России, судьба эпохи, судьба Европы, судьба цивилизации и т.д. Иначе и быть не может: «История есть прежде всего судьба и должна быть осмыслена как судьба, как трагическая судьба» [3, с. 161]. В это замечание вкладывается двоякий смысл. Во-первых, судьба человека, нации неразрешима в пределах собственно истории, это метафизический процесс: чтобы понять судьбу, надо заглянуть «за горизонт». Отсюда высший смысл истории, связанный с присутствием некоего высшего смысла, высшей цели, высшего предназначения. Во-вторых, история трагична, потому что она будет, обязана иметь завершение, конец. Этот посыл связан с пониманием неизбежности апокалипсиса, неизбежности завершения земного пути людей и народов. Представить иную точку зрения у такого христианского мыслителя, как Н. Бердяев, сложно. Если ты принимаешь Откровение, принимаешь Христа, то ты принимаешь и страшный суд – здесь альтернатив нет. Но основания такого подхода не только теологические, сугубо христианские. Дело в том, что в исторической судьбе человечества, в исторической судьбе конкретного человека, в сущности, всё не удалось, не удался ни один замысел, ни одну идею не удалось довести до конца. Скажем, революции во имя свободы и братства, равенства заканчивались новым неравенством и новым качеством вражды. Ренессанс провозгласил гуманистические идеалы, но чем закончилось движение к идеалам, что человечество получило вместо этих светлых возрожденческих идеалов? Социалистические идеи, великие в своей простоте и ясности, ведь так и не превратились в заявленные идеалы, не добились реализации ни одной из поставленных проблем, и мы сегодня, в XXI в. переживаем ещё одно разочарование по этому поводу. Да и, например, идеалы перестройки горбачёвского периода: что говорилось, и что имеем? Видимо, нет смысла продолжать, понятно: пессимизм правит бал, поставленные задачи ни одним поколением, ни одним государством не были решены в том объёме (или даже частично), как это провозглашалось. И отсюда естественный вывод: решить эти проблемы можно только вне земной истории – это посыл всей христианской философии истории, позиция Н. Бердяева, в частности. Кстати, здесь есть контраргумент известного свойства: так ведь и дело Христа не имело и не имеет логического завершения в реальной истории. Да, отвечает русский мыслитель, это верно, поэтому и заходит речь о конце истории и её метафизическом характере.

В замечательной работе «Дух и реальность» Н.А. Бердяев, говоря о «новой духовности» и рассуждая о характере нашего познания истории, заметил: «Я имею в виду историю как тайну существования, как судьбу». История тогда имеет смысл, когда дух, духовное существование имеет историческое существование. История не может в принципе быть «замкнута» исключительно на материальных факторах. Почему? Да потому хотя бы, что человек есть тайна, появление его в мире есть тайна, его уход есть тайна. Скажем, к примеру, что современный христианский мыслитель П. Тиллих ввёл специальное понятие «кайрос», обозначая им событие, находящееся и внутри, и вне истории; это точка, в которой история прорывается к своей надвременной основе. Другими словами, попытки рационализации истории (сугубой рационализации) бессмысленны постольку, поскольку история сама по себе есть тайна и не может быть понята (обоснова-

на, раз'яснена) только с помощью умствований в рамках классической рационалистической традиции. Собственно, аргументами здесь выступают два основных фактора: кризис рационалистических методологий (в историческом аспекте) и констатация того, что и ныне приемлемых доктрин методологического характера у нас нет. О втором факторе мы уже не раз упоминали; что же касается первого, то достаточно вспомнить судьбу учения К. Маркса, восходящего к гегельянству.

Говоря о судьбе во вневременном контексте, мы неизбежно должны говорить о мистике, возможностях мистического понимания истории. Лев Шестов, известный российский философ, размышляя на эту тему, считал, что в мистике как своего рода теории познания нет ничего немыслимого. Он писал так: «Я принуждён снова повторить, что всё, что угодно может произойти из всего, что угодно, что А может не равняться А и что логика, следовательно, обязана своей достоверностью эмпирически наблюдаемому закону сравнительной неизменности существующих вне нас вещей. Допустите возможность сверхъестественного вмешательства, и логика растеряет столь привлекающие умы несомненность и обязательность своих выводов» [4, с. 109]. Язык мистики парадоксален, это не язык понятий, здесь не работают законы тождества, противоречия, достаточного основания. Мистику вообще выразить привычным строем слов невозможно. Но это вовсе не означает, что мистика – это нечто запредельное и невыразимое, тайнами знания которой обладают лишь избранные пророки. «Мистика есть пробуждение духовного человека, который видит реальности лучше и острее, чем человек природный или душевный» – это уже позиция Н. Бердяева [5, с. 132]. Не имея возможности развить эту глубокую и сложную тему, поставим лишь один вопрос: а как же связана история с мистикой и связана ли вообще?

Ответ здесь достаточно прозрачен: всё зависит от методологических констант, от выбора теоретических оснований эмпирического исследования. Профессиональные историки, как правило, не понимают и не признают мистических оснований своей профессии. Историки стремятся к факту, хотя есть осознание и того, что сам факт должен быть обоснован и соответствующим образом интерпретирован. Здесь можно говорить не столько о конкретно-исторических исследованиях, сколько о философии истории, о вариантах рассмотрения философских оснований исторического процесса. Вот, например, известный мыслитель К. Леонтьев, пишет так: «Мистицизм (т.е. расположение веровать в нечто таинственное, выше видимого мира и выше нашего разума стоящее) до того теперь нужен человечеству, что не только мистицизм какого бы то ни было христианского оттенка приносит пользу, отвлекая ум от господствующей утилитарной пошлости и мелочной практичности нашей, но даже и всякий мистицизм – мусульманский, буддийский, индивидуально-спиритуалистический и т.д.» [6, с. 238]. Здесь особо хотелось бы обратить внимание на протест против «утилитарной пошлости». Т.е. мистические откровения могут быть востребованы прежде всего в качестве постановки высшей цели, придания историческому процессу смысла, пусть даже кто-то не соглашается с конкретными проявлениями, характеристиками этой цели и этого смысла. На первом месте именно смысл, а не прагматическое желание что-либо обосновать исходя из общественного, иного заказа. Мне представляется очень важной именно такая постановка вопроса. Дело в том, что сегодня решение многих важных исторических проблем не одухотворено постановкой задач более высокого порядка. То есть зачем исследуется та или иная проблема, какой эффект, кроме сугубо прагматического, здесь может последовать, часто неясно. Можно сколько угодно иронизировать, но перед советскими исследователями стояли не только узкоутилитарные задачи, но и цели более высокого порядка. Да, господствовал формализм, «высшие цели» могли не разделяться, но было понимание и иного: есть что-то более высокого порядка, нежели, например, «просто» феодальные отношения и «просто» капиталистическая эксплуатация.

У представителей отечественных мыслителей «серебряного века» эта проблема решалась достаточно просто: пониманием христианской судьбы страны, возможности развития и процветания исключительно в рамках христианского мировоззрения и миропонимания. Достаточно вспомнить ключевые имена (Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Хомяков, К. Аксаков, В. Соловьёв, А. Ильин, Н. Бердяев, П. Флоренский, десятки иных), чтобы убедиться: высшая цель присутствовала, было понимание неизбежности определённой судьбы (страны, Европы, мира). К слову, это нисколько не мешало быть и доказательным, и убедительным (рациональным). Зачем было, скажем, «западнику», «европейцу» Владимиру Соловьёву постоянно говорить о судьбе и на полном серьёзе описывать свои мистические потрясения («когда я переплывал через Босфор, на меня в каюте напал чёрт и стал душить»)? Эпатаж исключается, серьёзность и основательность этого выдающегося философского систематика сомнений не вызывает. Зачем «предвидеть» судьбу страны (в «Трёх разговорах о конце истории»), предвещая ей потрясения и даже гибель? Очевидно, простой ссылкой на «нездоровый интерес к теме» или «объективный идеализм» здесь не ограничишься. Мистицизм в данном контексте означал несколько вещей: во-первых, понимание ограниченности человеческого (рационального) знания, понимание недостаточности наших знаний о сути исторического, не говоря уже о возможности прогностического характера на основе сугубо логики. И, во-вторых, убеждение в том, что нет ничего более убедительного, кроме христианской историософии, которая помогла бы понять суть исторического, смысл истории, осознать судьбу нации, исторические перспективы да и вообще дала бы некий «вечный» ориентир. Причём не надо забывать: мистические откровения тем же Владимиром Соловьёвым воспринимались совершенно серьёзно, в них не было сомнений, несмотря на всю рационалистическую подготовку и юношеский максимализм, когда мыслитель выбросил из комнаты иконы.

«Нерв» этих замечаний очевиден: судьба всегда предполагает понимание тех перспектив развития исторического, которые человеческий разум не в силах осознать и понять во всей глубине и всесторонности. История – это та тайна, которую не разгадать с помощью исключительно рационалистического инструментария. Неудовлетворённость имеющимися вариантами решения проблемы (позитивистскими, марксистскими, иными) вызывало к жизни многочисленные спекуляции идеалистического, мистического толка. Надо привыкать к мысли о вечной тайне истории, которую исключительно рационалистическими способами не решить. Мы привыкли повторять: если я знаю, что знаю мало, то я добьюсь того, чтобы знать больше – и вкладывали традиционно внешне-тафизический смысл в эту фразу. Но её границы надо расширить, допуская возможность иных способов познания.

Что здесь ещё важно отметить: современные, прежде всего постмодернистские толкования понятия «судьбы» фактически смыкаются с позитивистскими, марксистскими толкованиями, правда, на принципиально иной философской основе. То есть если сциентистские парадигмы знания XIX в. отказывали судьбе, мистике в праве на жизнь с позиций естественно-материалистического мировоззрения, то постмодернистские авторы приходят к такому же выводу в результате разрушения целостности человека. Но если нет такой целостности, то нет и целостной (в частности, христианской) судьбы. Должна быть разрушена и христианская историософия. В этой связи достаточно интересно и, может быть, неожиданно кратко вспомнить некоторые элементы художественного творчества П. Пикассо. Великий испанец, рисуя портреты, в начале разрушал привычные образы, что называется, «разделял» людей на составные части и затем перекомпоновывал их. И дело здесь вовсе не в том, что он их так «видел». Это был принципиально новый образ, соответствующий новому миру: пусть дискомфортный, нестандартный, непривычный. Реальные куски металлолома, предметы кухонной утвари

ри, прочую массу вещей Пикассо, как пишет один из его биографов, «наделял совершенно новой индивидуальностью». При этом «следы их происхождения оставались наглядно видимыми как свидетельство чудесной трансформации, ставшей делом рук подлинного кудесника и мага» [7, с. 418]. Здесь, конечно, можно о многом поспорить, например, о сути и характере этого чуда, но для нас главное иное: художник творит новую реальность, он фактически творит новую судьбу предметов, личностей, объектов своего творчества. В этом принципиальная особенность постмодернистского толкования судьбы и факт его «смыкания» с теориями прошлых веков. Если для христианских мыслителей судьба данность, а уровень и характер влияния человека на судьбу может различаться (в разных христианских конфессиях), то для постмодернистов судьбы нет, есть лишь свободное творчество, есть формирование новых сущностей, к числу которых относится и сама судьба. Конечно, П. Пикассо никогда не заявлял о своих постмодернистских предпочтениях, более того, у него много работ реалистических по сути, но нерв его творчества, его суть не позволяет сделать иного вывода.

Величайший кризис культуры, который мы сегодня переживаем, как раз связан не только с атакой на рационалистические ценности, но и падением престижа ценностей метафизического характера. К тому, что возможности человеческого разума могут быть подвергнуты обструкции, мы уже привыкли. Теперь нам приходится привыкать и к тому, что обструкции подвергаются метафизические ценности – та же судьба. Да разве об одной судьбе речь. Наверное, рационалисты и метафизики увлеклись интеллектуальным соперничеством и не заметили, как сформировался новый и могущественный оппонент, пытающийся не оставить камня на камне и от одного течения мысли, и от другого. Судьба – это целостность, это система, это понимание смыслового единства. Ей ныне противопоставляется разобщённость, полифония смыслов, пресловутый плюрализм, который на деле есть не что иное, как ширма для манипуляторов общественным сознанием.

Завершая разговор, необходимо хотя бы кратко ответить на такой вопрос: что нам даёт обращение к теме судьбы, можем ли мы иметь какие-либо практические результаты в случае её вовлечения в гносеологический оборот? Достаточно вспомнить уже имеющийся эвристический опыт для того, чтобы заметить важность такого подхода. Исторически – это непрерывный, на протяжении уже нескольких столетий спор западников и славянофилов (в различных смысловых транскрипциях) о судьбе России, восточного славянства в целом. Назвать его (спор) бесполезным нельзя: выкристаллизовались важные и актуальные идеи, сформировались школы, обозначились политические, мировоззренческие лагеря, сформировалась интеллектуальная элита, начиная от Петра Чаадаева, Алексея Хомякова и Александра Герцена. Кроме этого, споры о судьбе (личности, нации, государства) способствовали осознанию собственных интересов, обратили внимание на феномен ментальности, способствовали глубокой связи между явлениями психологического, интеллектуального, метафизического характера. И когда сегодня мы говорим о судьбе белорусского народа, белорусской нации, мы понимаем и осознаём несколько важных вещей. Во-первых, существует ясность, что это наша персональная судьба, связанная с конкретными фактами, событиями кровавой и беспощадной национальной истории. Она именно такая, и другой быть не может. Во-вторых, уже тот факт, что, несмотря на жёсткие испытания, нация сохранилась в истории, более того, сделала в последнее столетие очень важный, существенный шаг вперёд, говорит не только о реальных достижениях конкретного поколения людей. Речь здесь идёт и о накоплении национальной энергии, её реализации в ясных и понятных государственных формах. Можно называть это «логикой истории», а можно метафизикой, судьбой. Суть дела это не меняет. И третье. Судьба – это ведь не только абстрактная данность, которую можно связывать с предопределением, вмешательством Бога в историю. Судь-

ба – это и наше собственное понимание тех ценностей, которые являются определяющими для абсолютного большинства нации. Это то, что называется свободой воли и стремлением реализовать принципы этой свободы в рамках конкретного социума. Здесь достаточно непростая диалектика, да, диалектика, о которой до сих пор спорят и будут спорить, здесь, в этой части, альтернативы иной нет. Потому что судьба, как и история, – тайна, которую человечество будет разгадывать ровно столько, сколько будет существовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Минск : Попурри, 2009. – 656 с.
2. Розанов, В.В. Избранное / В.В. Розанов. – Мюнхен, 1970. – 567 с.
3. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
4. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления / Л. Шестов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 215 с.
5. Бердяев, Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. – Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2011. – 512 с.
6. Леонтьев, К.Н. Храм и церковь / К.Н. Леонтьев. – Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2011. – 480 с.
7. Пенроуз, Р. Пикассо: жизнь и творчество / Р. Пенроуз. – Минск : Попурри, 2005. – 864 с.

Lepeshko B.M. Fate and its Meaning in the History

The category of «fate» in the system of historical knowledge is examined in the article. Rational and metaphysical foundations of the concept are analyzed. Attention is drawn to the mystical context of the problem. Examples are given to characterize the extent and level of the matter in the framework of the national philosophy of history. Interpretation of the category of «fate» and essence of the national idea are compared. The idea of a various understanding of the nature of this category by the modern philosophical concepts is expressed.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.03.2014

УДК 174

Е.В. Беляева**ЭТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ
В МОДЕРНО-ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ**

Этика социальной работы воплощает ценности нравственности модерна, она предполагает моральную автономию клиента социальной службы и партнерскую модель отношений с ним. В проблемных зонах этики социальной работы возникает пространство для морального творчества работника. К проблемным зонам относятся: противоречие интересов различных индивидов и социальных групп; противоречие функции помощи и функции контроля; противоречие между обязанностью защищать интересы клиента и ограниченностью ресурсов в обществе. В модерно-традиционных обществах проблемной зоной является соотношение справедливости и милосердия как нравственных оснований социальной работы.

Введение

Возникновение социальной работы как отдельной области деятельности и самостоятельной профессии в США и Западной Европе относится к концу XIX в. Происходит переход от благотворительности, мотивированной по-преимуществу религиозными ценностями, к формированию социальных институтов, рационально способствующих разрешению общественных проблем. В этом плане само появление социальной работы представляется феноменом зрелой культуры модерна, в которой изменился не только способ организации помощи нуждающимся, но и его нравственные основания.

Прежде в ситуации, когда богатые помогали бедным, высшие – низшим, подспудно, а то и явно подразумевалась также нравственная иерархия между ними. Осуществлявшие благотворительность выступали как люди милосердные, нравственные, в объектах же их заботы виделись люди, не обладающие добродетелью, по причине отсутствия которой они и впали в нужду. Однако по мере того, как различные социальные проблемы стали восприниматься в качестве неотъемлемой стороны общественной жизни, росло понимание того, что наличие таких проблем в жизни каждого человека в какие-то периоды его жизни почти неизбежно. Как показывают современные данные, до 80% населения нуждается в той или иной социальной поддержке [1, с. 71]. Поэтому социальная работа стала развиваться как форма демократической взаимопомощи членов общества. В ней, как и в биомедицинской этике, произошел переход от патерналистской модели отношений социальных работников с клиентами к партнерской, которая предполагает, что клиент социальной службы является автономным субъектом морали. Во-первых, он имеет собственные представления о благе и принимает участие в обсуждении способов решения своей проблемы, выбирая из того, что может предложить ему общество. Во-вторых, клиент социальной службы – это не пассивный потребитель благ, он способен сам прилагать усилия для преодоления своей неблагоприятной ситуации. В идеале социальная работа направлена на возвращение клиента к нормальной жизни, а потому должна исходить из его нравственной полноценности.

Появление социальной работы как особого вида деятельности выступает индикатором существенных перемен в механизмах нравственной регуляции, свидетельством рационализации такого аспекта нравственных отношений, как помощь людям друг другу в масштабах общества, признаком воплощения идеалов модерна в общественной морали. По мере становления соответствующей профессиональной группы происходило и осознание ее нравственного предназначения, чему в немалой степени способствовало принятие в 1994 г. Международной федерацией социальных работников документа «Этика социальной работы. Принципы и стандарты» (далее – «Декларация–1994»), а также «Этика в социальной работе. Свод принципов» в 2004 г. (далее – «Декларация–

2004»). Российская Межрегиональная ассоциация работников социальных служб также в 1994 г. приняла «Профессионально-этический кодекс социального работника России» (далее – «Российский кодекс – 1994»); появилось понимание того, что нужно не только развивать различные службы социальной поддержки, но и готовить для них специалистов, в обучение которых в обязательном порядке входит и этика. Так к концу XX в. нравственные основы социальной работы были кодифицированы и этика социальной работы стала приобретать те черты, которые присущи всей современной прикладной этике. Одной из них является неотрывность научных исследований в области этики социальной работы от фактического функционирования института социальной работы. Их результатом становятся инновационные учебные пособия, этические декларации, кодексы и другие нормативные документы, посредством которых сообщество социальных работников осознает свою функцию и миссию в современном обществе.

Сопоставление «Декларации–1994», «Декларации–2004» и «Российского кодекса – 1994» позволяет выявить специфику этики социальной работы как самостоятельного вида прикладной этики, не являющейся простым «приложением» уже известных моральных принципов; определить основные проблемные зоны этики социальной работы, действие в которых предполагает ее инновационный характер и творческий подход со стороны социального работника. Лаконичность международной «Декларации–2004» по сравнению с «Декларацией–1994», вероятно, обусловлена желанием предоставить национальным ассоциациям социальных работников возможность не только создавать собственные нормативные базы, но и очерчивать проблемные поля этики социальной работы, характерные для отдельных стран и культур. Сравнение международных деклараций и российского кодекса позволяет показать специфику нравственных оснований социальной работы в модерно-традиционных обществах, к которым относится как российское, так и белорусское.

Нравственные принципы модерна в социальной работе

Хотя социальная работа преследует вполне прагматические цели (разрешать проблемы конкретных людей, уменьшать социальную напряженность, сглаживать конфликты социальных групп), ее мотивом выступают именно этические ценности. Они задают такие способы решения этих проблем, которые одновременно позволяли бы достичь и улучшения нравственного климата в обществе, укрепить общественную мораль. Социальные проблемы, как известно из истории, можно решать и аморальным способом – путем физического уничтожения тех, кто их создает. Социальные конфликты также слишком часто разрешаются насильственно, чтобы недооценивать значимость социальной работы как ненасильственной практики. Этическая чистота средств сама по себе еще не гарантирует нравственного совершенства цели, однако выступает необходимой предпосылкой нравственных результатов деятельности.

Нравственные основы социальной работы прямо связаны с типом личности, доминирующим в современном обществе, с ее достоинством и правами, с ее желанием и способностью к самоопределению и самостоятельности даже в том случае, когда человек нуждается в социальной помощи. В декларациях и кодексах даже «между строк» нельзя обнаружить отношения к клиентам социальных служб как к изживенцам, а тем более нахлебникам. В отличие от нашего политического и публицистического общественного дискурса, в котором речь идет о «социально незащищенных» слоях населения, международные документы предлагают фокусировать свое внимание на *достоинствах* всех индивидов, групп и сообществ, уважать различия и рассматривать даже слабости людей как их *особенности*.

В определении социальной работы, данном в «Декларации–2004», говорится, что она «содействует укреплению способностей к *самостоятельному* функционирова-

нию людей в обществе». Этой теме посвящен также раздел 4.1 «Права человека и человеческое достоинство». Этические принципы социальной работы предполагают, что социальный работник должен «предоставлять клиенту возможность *самому* делать выбор и принимать решения», «возможность быть уполномоченными в принятии любых решений касательно их собственной жизни» [2]. В «Декларации–1994» эта идея выражена не менее явно: «Социальные работники обычно ожидают, что клиенты вместе с ними принимают на себя ответственность за выработку плана действий, направленных на изменение их жизни» [1, с. 182]. Точно так же в «Российском кодексе – 1994» говорится, что «социальный работник должен обеспечивать активную субъективную позицию самого клиента, не допускать унижения достоинства личности клиента формами оказываемой ему благотворительной помощи» [1, с. 192]. Таким образом, изначально все социальные работники солидарны в понимании своих клиентов как автономных субъектов морального поведения. Поскольку этика социальной работы применяется в основном во взаимодействии со взрослыми, самоопределившимися людьми, творческое применение морали помогает установить личностный контакт, в результате которого социальный работник может помочь отчаявшемуся человеку стать полноценным гражданином.

Будучи относительно новой профессией, социальная работа нуждается в повышении своего престижа, чему способствует этическое самоопределение социальных работников, осознание ими своей профессиональной миссии – «борьба за чистоту и неприкосновенность профессии», как говорится в российском кодексе. «Загрязнение» профессии может происходить как из-за непорядочности самих работников, так и по причине системного искажения смысла социальной работы, например, при ее частичной коммерциализации или при скудности государственного финансирования, когда копеечные пособия превращаются в насмешку над реальными проблемами людей. В этом плане миссия (а не функция) социального работника состоит в постоянном переосмыслении проблемы социальной справедливости и напоминанию о ней обществу.

Моральные конфликты в деятельности социального работника

Этическая насыщенность социальной работы не вызывает сомнений: эта профессия есть реализация гуманистической миссии, в которой морален не только результат, но и сам процесс деятельности. Поэтому для социального работника конфликт между выполнением служебных обязанностей и возвышенной сутью его деятельности, между ценностями профессии и бюрократическим функционированием организации оказывается менее острым, чем для других профессий. Поскольку даже формальное функционирование социальной службы уже приносит помощь людям, нравственные ценности присущи социальной работе имманентно. Еще одна этическая проблема, которая реже встречается в среде социальных работников, – это конкуренция между ними в борьбе за профессиональный успех. Не только деонтология социальной работы содержит нормы отношений к коллегам по профессии, запрещающие «тянуть одеяло на себя» или критиковать коллег при клиентах, но и фактически деятельность социального работника протекает более успешно в условиях солидарности и совместной поддержки престижа социальной службы.

Зато в социальной работе есть другие зоны потенциального конфликта и морального выбора, которые воспроизводятся настолько устойчиво, что они внесены в международные декларации и 1994, и 2004-го гг., где обозначены как «проблемные области». В первую очередь, речь идет о «конflikте лояльностей», так как, решая проблемы общественного взаимодействия, социальный работник оказывается на стыке многообразных личных и групповых интересов. Конфликт интересов может возникать между: самим социальным работником и клиентом; отдельным клиентом и другими людьми; группами клиентов; группами клиентов и остальной частью общества; системой учреж-

дений и группами клиентов; различными группами профессионалов [1, с. 182–183]. В задачу социального работника входит нравственное отношение к клиентам и их группам, к коллегам и социальной службе в целом, к обществу в целом и его социальным группам, что может приводить к противоречию между различными моральными обязанностями, разрешать которое ему приходится самостоятельно. В этой сфере никакое готовое «приложение» этических принципов практически невозможно, поэтому в курсе по этике социальной работы неизменно входит тренинг по разрешению конкретных проблемных ситуаций. Конечно, приоритетными являются нравственные обязанности по отношению к конкретному клиенту, что вытекает из приоритета прав человека над интересами социальных групп. Однако даже разумные интересы клиента не могут рассматриваться как единственно значимые, и разрешение любой ситуации предполагает урегулирование не только конфликта интересов, но и конфликта нравственных ценностей.

Вторая проблемная область, согласно международным декларациям, образуется в результате того, что работник социальной службы выступает для клиента, с одной стороны, как помощник, а с другой – как контролер. Таковы издержки партнерской модели их взаимодействия. В патриархальной же модели отношений, к которой подспудно тяготеют модерно-традиционные общества, напряжение между функцией поддержки и функцией контроля в деятельности социального работника будет меньше. Ведь в традиционных обществах «старший» естественно воспринимался и как источник помощи, и как внешний авторитет, контролирующий не только использование помощи, но и образ жизни своего подопечного. Другое дело, что такая модель имеет серьезные издержки в других аспектах, противоречит фундаментальной установке на автономию клиента и возлагает на социального работника несоразмерную ответственность за благополучие своего подопечного.

Третья проблемная область – это конфликт между обязанностью социального работника защищать интересы клиента и необходимостью действовать эффективно и рационально, так как денежные средства в обществе ограничены. Мало того, особенности общественного строя и государственной организации в разных странах привносят в проблему свои нюансы. Так, Белорусское государство, согласно Конституции, является социальным, т.е. оно берет на себя заботу о благополучии нуждающихся в социальной поддержке. При этом оно выступает практическим монополистом в вопросах оказания этой помощи и декларирует патерналистский подход в отношении к своим гражданам. В результате образуется «проблемная зона», обусловленная местной спецификой, когда интересы общества и государства в области социальной работы не разграничиваются. Конечно, различные предприятия и фирмы, развивая программы по корпоративной социальной ответственности, также оказывают помощь своим работникам, но они не имеют возможности сделать социальную работу профилем деятельности фирмы. Однако в любом случае и государство, и частные компании помогают социальным группам, в то время как социальный работник оказывает помощь конкретным людям, что и образует «проблемную зону» для этики социальной работы. Социальный работник стремится наиболее эффективно разрешить проблемы клиента, в то время как материальные ресурсы, отпускаемые для «социальных групп», ограничены.

В этой конфликтной зоне проявляется специфика этических проблем в модерно-традиционных обществах. Сопоставление «Декларации–1994», «Российского кодекса – 1994» и содержания учебных пособий по этике социальной работы позволяет выявить местные особенности в понимании этики социальной работы. В первую очередь, бросается в глаза разница в трактовке того, для чего и для кого осуществляется социальная работа и, соответственно, по отношению к кому у социального работника складываются основные моральные обязанности. В международных документах суть социальной работы прямо увязывается с системой прав человека, поэтому ее объект –

конкретный человек, а долг перед клиентом является первостепенным и ненарушимым. Забота о совершенствовании общественных отношений важна в той степени, в которой это улучшает положение отдельных людей. В российском же кодексе в отдельном параграфе сформулированы этические нормы социального работника по отношению к обществу, а в учебных пособиях зачастую речь идет о долге не только перед обществом, но и перед государством. Отношения с социальными институтами также переосмыслены. Если в «Декларации–1994» выдвинуты стандарты взаимоотношений социального работника с агентствами и организациями, то в российском документе речь идет об обязательствах только по отношению к руководящей организации.

Соотношение справедливости и милосердия в этике социальной работы

Несмотря на то, что проблемы этики социальной работы относятся к проблемам общественной морали, они напрямую затрагивают внутренний моральный мир конкретного работника. В результате в модерно-традиционных обществах одной из наиболее острых и значимых для социального работника оказывается проблема соотношения норм личной морали, фундаментом которой должно быть милосердие, и норм общественной морали, базирующейся на такой нравственной ценности, как справедливость.

В международных декларациях в качестве главной нравственной ценности, лежащей в основе этики социальной работы, выдвигается справедливость. При этом содержание данной категории в силу ее социально-исторического характера не прописано подробно. Формулируются, скорее, признаки несправедливости в общественных отношениях, которые должна устранять социальная работа, и виды несправедливого отношения к людям, которые не должен ни при каких обстоятельствах проявлять социальный работник. В первую очередь, речь идет о недопущении различных видов дискриминации, об уважении культурных различий, о справедливом распределении ресурсов в соответствии с потребностями.

Исходя из концепции прав человека справедливость в отношении к человеку предполагает, что каждый человек ценен своей уникальностью, которую следует учитывать и уважать: надо принимать клиента таким, каков он есть, а значит, не подвергать нравственной критике его жизненную позицию. Поэтому человек, который сам виноват в своих бедах, чьи нравственные качества откровенно низкие и поведение далеко от норм общественной морали, все-таки может получать социальную помощь. В то же время залогом преодоления жизненных трудностей является информирование клиента о его реальной социальной ситуации. Социальный работник постоянно вынужден разрешать конфликт между объективным взглядом на ситуацию клиента и доброжелательным к нему отношением, т.е. находить баланс между двумя подходами к проблеме справедливости. Один предполагает равное отношение ко всем людям как носителям прав, а другой – отношение к людям в соответствии с их заслугами. В последнем случае справедливость в социальной работе должна дополняться милосердием, позволяющим делать добро человеку, вовсе не заслужившему хорошего отношения.

Надо сказать, что ни в одной из деклараций, посвященных этике социальной работы, милосердие не упоминается вовсе, зато эта категория присутствует во всех российских учебниках по данной тематике. Их авторы неизменно увязывают этику социальной работы с личными профессионально-нравственными качествами работника, а кроме того, выводят нравственные основы социальной работы из исторических традиций взаимопомощи и благотворительности. В результате социальная работа трактуется скорее как следствие индивидуальной моральности работника, чем как проявление общественной морали. Представляется, что этические основания социальной работы скорее заложены в личности, чем закреплены институционально.

Конечно, личные нравственные качества – гуманность, милосердие, доброта и любовь к людям, терпение и терпимость, честность и тактичность [1, с. 83–93] – необходимы социальному работнику, однако его *профессиональная* деятельность основывается на рационально обоснованных принципах, «стандартных операционных процедурах» и осуществляется благодаря функционированию институтов социальной поддержки. Т.е. работник может реализовать свои добрые намерения по отношению к страждущим только в контексте общественных представлений о социальной справедливости. Милосердие выступает как личное качество социального работника, а справедливость есть «добродетель социальных институтов». Склонность помогать людям выполняет мотивирующую функцию, но профессиональная деятельность социального работника возможна именно благодаря институционализированной общественной справедливости.

В идеале справедливость и милосердие вовсе не противоречат друг другу, но выступают взаимодополняющими ценностными основаниями этики социальной работы. Между тем социумы с сильным традиционалистским наследием и на уровне общественной морали склонны трактовать социальную работу как проявление общественного милосердия, а не общественной справедливости. В соответствии с этим и клиенты социальных служб продолжают видеть себя в качестве опекаемых, нуждающихся в сострадании. В такой ситуации милосердие диктует безбрежную непрекращающуюся заботу о тех, кто вызывает о помощи, в то время как принцип справедливости предполагает, что помощь должна предоставляться в зависимости от объема социальных проблем человека, но не в соответствии с его нравственно-психологическими запросами. По сути дела, конфликт милосердия и справедливости отражает противоречие традиционной и современной нравственности в вопросе обоснования этики социальной работы. Он требует постоянной артикуляции и обсуждения.

Заключение

Поскольку этика социальной работы базируется на ценностях модерна, постольку само ее внедрение и распространение в социальном дискурсе может стать фактором модернизации общественной морали. В то же время в модерно-традиционных обществах нравственными основаниями социальной работы могут быть и традиционные ценности взаимопомощи и милосердия, составляющие социально-психологическую основу распространения социальной работы и повышения ее престижа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева, Г.П. Этика социальной работы : учеб. пособие / Г.П. Медведева. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 204 с.
2. Этика в социальной работе. Свод принципов. Принято на Ген. ассамблее Междунар. федерации социальных работников (МФСР) и Междунар. ассоциации школ социальной работы (МФШСР), Аделаида, Австралия, октябрь 2004 г. // Бел. ассоциация социальных работников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://baswngo.by/page.php?parent=0&issue_id=2637. – Дата доступа : 23.10.2013.

Belyaeva E.V. Ethics of Social Work and its Feature in Modern-traditional Societies

Ethics of the social work embody values of morality of modernity; it is based on moral autonomy of the client of a social service and partner model of relations with him. In problem zones of ethics of the social work there is a space for moral creativity of the social worker. Problem zones include: the contradiction between interests of various individuals and social groups; the contradiction between function of the help and function of control; the contradiction between a duty to protect interests of the client and limitation of resources in a society. In modern-traditional societies a problem zone is the justice and mercy parity as moral bases of the social work.

Рукапіс надіслано у редакцію 20.01.2014

УДК 2-1 + 141.30 (470+571)

*А.В. Климович, В.А. Степанович***НЕОТОМИЗМ И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА:
ЭЛЕМЕНТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

В статье предпринята попытка сравнения официальной философии католической церкви – неомизма и русской философии всеединства в области онтологии, гносеологии, антропологии и социальной философии. Прослеживается общее и особенное в категориальном аппарате этих учений, выделяются элементы их тождества, обусловленные их общими теологическими основаниями, сформулированными в рамках единой философско-теологической доктрины до разделения христианства на две церкви. Вместе с тем прослеживается их различие, обусловленное большей приверженностью западноевропейского стиля мышления логике и рационализму и приматом чувственно-эмоционального компонента в стиле мышления восточноевропейских славянских народов.

Введение

Религиозная философия, по-прежнему являющаяся одним из влиятельнейших течений современной философской мысли, не является и никогда не была монолитной. Это касается и тех философий, которые возникли на основе одного, казалось бы религиозного учения, что обусловлено наличием множества направлений внутри него. Заметим, что и в православной, и в протестантской религиозных философиях имеется много направлений, но ни все вместе, ни каждое из этих направлений в отдельности не обладает официальным статусом. Только в католицизме имеется официальная религиозная философия – неомизм. Именно эта философия является наиболее авторитетным и распространённым течением теологической философии католической церкви. Среди религиозных философий, возникших на почве православия, но не имеющих официального статуса, наиболее известна русская философия всеединства. На наш взгляд, небезынтересным представляется сопоставить эти религиозные философии, сформировавшиеся в руслах западного и восточного направлений в христианстве, в области онтологии, гносеологии, антропологии и социальной философии.

Онтология

В философии неомизма онтология является главным разделом. Представители неомизма различают то, что обладает бытием, чему присуще бытие (сущность, эссенция), и то, что «есть» (существование, экзистенция). Таким образом, неомисты противопоставляют абсолютное, вечное, сверхъестественное бытие Бога и бытие многообразных вещей, сотворённых Богом, конечных вещей, которые *наделены* бытием. По существу, в неомизме онтология как бы должна быть разделена на две, отличные друг от друга, онтологии. Абсолютное, чистое, несотворённое бытие, бытие как таковое в неомизме – это Бог, и он не может быть познан рациональным путём. Это положение неомистской философии направлено против атеизма и пантеизма. Аристотелевская дихотомия сущности (эссенции) и существования (экзистенции) широко используется философией католицизма со времён Фомы Аквинского и до настоящего времени. В реально существующих вещах нет различия между сущностью и существованием. Здесь возможное мыслится как сущность, ещё не обладающая существованием. Стать существованием можно, только будучи сотворённым. Но быть сотворённым, т.е. обладать сущностью, – это значит быть ограниченным, конечным, т.е. не бытием как таковым, а конкретным, определённым бытием. Бытие в мире существенно отличается, по мнению неомистов, от божественного бытия, в котором нет различия сущности и существования, поскольку нет ограничения бытия, здесь сущность и существование

изначально тождественны. Принцип творения мира из ничего (*Creatio ex nihilo*) был сформулирован ещё Аврелием Августином (до разделения христианской церкви на католическую и православную). Этот принцип утверждает принципиальное различие и разграничение Бога и мира, Творца и его творения (и в теологии, и в религиозной философии). Августин утверждал, что акт творения мира из ничего Богом являлся единовременным, а шесть дней творения, о которых говорится в Священном Писании, – это аллегория, используемая для того, чтобы показать величие Бога. Правда, далее Августин допускает логическое противоречие, говоря, что сначала Бог создал из ничего бесформенную материю, а потом, придав ей форму согласно идеальным образцам, содержащимся в божественном разуме, создал многообразие вещей и тем самым создал весь мир. Католическая же онтология утверждает, что и материя, и мир не совечны Богу, критикует как противные христианству учения, согласно которым мир не имеет ни начала, ни причины, а все изменения в нём происходят как результат действия какой-то слепой силы и вследствие фатальной необходимости. Отсюда – крайняя противоположность материализму, детерминизму. Быть, согласно томистской философии, – это значит быть сотворённым Богом. Так понимается в этой философии единство мира.

Онтология философии всеединства также предполагает разделённость мира на два неравноценных вида бытия: бытие Абсолютного и бытие собственно сотворённой материи. Но эта разделённость весьма относительна, она не предполагает отдельного существования Абсолютного и мира. Понятие «абсолютное» было предметом осмысления всех философов всеединства. Именно оно являлось и отправной точкой, и венцом множества размышлений о начале и конце мира, о человеке и смысле его существования. Абсолютное, согласно философии всеединства, имеет определённый онтологический статус, а вернее, всё определяет собой. Таким образом, Абсолютное означает, во-первых, отрешённое, освобождённое от чего-либо, а во-вторых, завершённое, законченное. Отсюда вытекают два определения абсолютного: 1) как чего-то существующего совершенно отдельно, свободно от всего «другого» как безусловно единое; и 2) оно определяется положительно как обладающее всем, не могущее иметь ничего вне себя. Абсолютное, или же сущее, В.С. Соловьёв называл «безусловно первым принципом» своей философии. Оно не есть настоящее феноменальное бытие, но в то же время – основа всякого бытия. Абсолютное начало не есть бытие именно потому, что оно само не может быть предикатом ничего другого. В самом деле, если считать абсолютное тоже разновидностью бытия, говорит Соловьёв, мы имели бы некое сверхбытие, что само по себе довольно нелепо. Рассуждая таким образом, можно сказать, что абсолютное не есть и небытие, так как нельзя отказать ему в существовании и, кроме того, ведь ему принадлежит всё бытие. Сотворяя мир, Абсолютное как бы само ввергается в него, поэтому говорить о бытии мира, отдельном от Абсолютного, в рамках философии всеединства невозможно. Итак, Абсолютное в философии всеединства полагается единственно возможной основой единства мира. Само оно ни в какой мере не является ни бытием, ни небытием, и в таком своём качестве только и может быть основой бытия. Именно в таком понимании абсолютного воплотилась в философии всеединства давняя платоновская традиция поиска единства в окружающем человека хаотичном мире в чём-то принципиально несводимом к этому миру, в корне отличном от него. Определения абсолютного философия всеединства не дала; чаще всего оно обозначается терминами «единственно-истинно-сущее», «божественное ничто», «безусловное сознание». Абсолютное понимается в философии всеединства как потребность человеческого духа. И высшее предназначение человеческой мысли, согласно философии всеединства, заключается в понимании мира как единого целого через абсолютное. В своём высшем смысле абсолютное является триединством абсолютных истины, добра и красоты. Абсолютное в этой философии совершенно единично. Оно не может развиваться во вре-

мени и пространстве, совершенствоваться, так как охватывает прошлое, настоящее и будущее, концентрируя в себе положительную силу бытия. Абсолютное сочетает в себе трансцендентное и имманентное, эзотерический и экзотерический планы, и это сочетание недосупно для рационального осмысления, оно должно приниматься человеком на веру. Но в то же время абсолютное в философии всеединства не самодовлеюще, оно не мыслится вне связи со своим «другим» – миром и человеком. Таким образом, в философии всеединства абсолютное выступает в качестве понятия, но не живой личности. Оно вызывает к себе религиозное отношение лишь в определённом плане: когда утверждается человеком как единственно достойный смысл своего существования и тем самым определяет основные антропологические идеи философии всеединства. Понятие абсолютного, таким образом, шире понятия Бога, и всё же именно в нём философия всеединства нашла выражение божественной идеи.

Гносеология

В неотомизме познание трактуется как одна из способностей нематериальной души. Разумное познание, согласно неотомизму, обратно пропорционально материальности. С точки зрения последовательного неотомизма познание – это постижение формой формы, его субъект – душа как форма тела; его объект – это тоже некоторая форма. Неотомисты различают три рода познания. Чувственное познание – низшая ступень познания; это, собственно, ещё не познание, это постижение единичного. Этот низший род познания обусловлен несовершенством самого человека, тем, что он не чистый дух, а дух, обременённый телом. Подлинным познанием является второй род познания – познание разумное, ибо это познание общего, преодолевающее ограниченность чувственного познания. Наконец, третьим родом познания является познание по аналогии, которое относится к абсолютному бытию, исходя из того, что бытие Бога является необходимым. Хотя неосхоластика и неотомизм осуждают агностицизм и скептицизм, однако они и сами устанавливают границы познания. Их две: сверху и снизу. Нижнюю границу определяет несовершенство человеческого разума (связанное с тем, что душа человека едина с его телом). Именно материальное тело отягощает и затемняет познание. Чувства могут вводить разум в заблуждение, хотя сами и не могут быть ложными, так как истинными или ложными могут быть только суждения. Верхняя граница познания обусловлена не только возможностью злоупотребления разумом, но и его конечностью, ограниченностью, несовершенством. Естественный человеческий разум не является достаточным в качестве критерия истинности. Над рациональным познанием возвышается вера, божественное откровение – верховный законодатель, устанавливающий нормы и критерии истины: разум подчинён вере. С одной стороны, в неотомистской философии естественное (мир) противопоставляется сверхъестественному (Богу). А с другой – постулируется их единство как Творца и творения. Поэтому в неотомизме и выделяют два вида познания: познание Бога и познание мира. Объекты познания принципиально различны, отсюда делается вывод и о различии истин познания. Существуют недоступные разуму истины, они иррациональны, т.е. разум не может их постигнуть в силу ограниченности субъекта познания (человека) и в силу специфики объекта познания (Бога). Эти истины носят характер божественных, сверхъестественных, они могут быть исключительно предметом веры, но по существу своему они недоступны для науки, находятся вне пределов досягаемости частных наук и философии. Границей познания является естественный мир сотворённых вещей. То, что божественно, не только недоступно познанию с помощью частных наук и философии, но даже не может быть объектом критики, попыток осмысления, уяснения рациональным познанием. Не должны даже и предприниматься тщетные попытки познать сверхъестественное. Таким образом, любые

догматы религии должны быть недоступны рациональному познанию. Однако такая крайняя позиция может быть опасна и для самой теологии, которая признаётся неотомистами наукой наук. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, была создана концепция «аналогии сущего», или «аналогии бытия». Главная задача философии – поиск доказательств и аргументов существования Бога. Мы можем познать Бога, как утверждают неотомисты, по аналогии с естественным бытием, а также благодаря откровению, Священному Писанию, исходящему от Бога. Бог освещает дорогу к познанию не всем людям, а только избранным, одухотворённым, только он и исключительно он решает, кому осветить дорогу к Его познанию. Разуму закрыт доступ к познанию Бога, но на него возлагается обязанность доказательства того, что Бог есть. Эти доказательства исходя из особенностей познания Бога могут быть отысканы на основе миропознания: познание творений должно быть логическим основанием для познания Творца. Ещё Фома Аквинский сформулировал пять доказательств бытия Бога (или «пять дорог» к Богу), которые признаются и в неотомизме.

Философов всеединства мало интересуют вопросы познания вообще, этим она, как известно, и отличается от западноевропейских философий с их развитыми гносеологическими схемами. Гораздо более значимым является здесь вопрос о возможности познания Абсолютного. Если учесть безграничную свободу абсолютного, его возможность из себя создать своё «другое» и сообщить себя ему, то всё это должно предполагать глубокую познаваемость абсолютной истины. Человеческий разум, будучи «прирождённым метафизиком», по самой природе своей не может ограничиться познанием лишь конкретных явлений. Можно сказать, что категория «Абсолютное» занимает центральное место и в онтологии, и в гносеологии всеединства. В онтологии оно выступает как основа бытия. В гносеологии оно есть необходимое предположение и цель человеческого познания. Всё существующее, согласно философии всеединства, определено абсолютной мыслью, и она же есть единственный по существу предмет познания. Абсолютное – это высшая цель человеческой мыслительной деятельности. Познать его до конца человек не в состоянии: оно, не являясь бытием, не может стать содержанием человеческого сознания. В то же время только в человеке, как считали философы всеединства, заложена способность к познаванию абсолютного, в силу чего человек и является связующим звеном между земным и божественным мирами. Не слишком уповая на способности человеческого ума, но и не будучи скептиками, философы всеединства полагали, что человек познаёт абсолютное во всём, что его окружает, в том числе и в себе как свою собственную основу. В этом смысле абсолютное познаваемо человеком. Разум в своей деятельности стремится объективно понять безусловное, «познать сущее в его всеединстве», и неважно, осуществится этот идеал познания когда-нибудь или нет. В этом, как полагали многие мыслители всеединства, жребий человеческой мысли: стремиться к познанию абсолютного, быть не в силах его достичь и не в силах отказаться от познания его. Поэтому главная задача человеческого разума заключается не в том, чтобы изобретать свою собственную субъективную метафизику, а в том, чтобы понять объективные метафизические проблемы, которые перед ним стоят. Только в таком случае возможно устранение пропасти между человеком и тем, что он привык называть божеством. Собственно, все философы всеединства согласны в том, что абсолютное может каким-то образом познаваться человеком, то есть оно не представляет собой при всей его трансцендентности навеки закрытую для человека область. Так, В.С. Соловьёв, разрешая проблему познаваемости человеком абсолютного, говорит о том, что вообще, конечно, абсолютное не может стать содержанием человеческого знания, потому что его содержание нематериально и им может быть только бытие. Но оно познаваемо в другом смысле – как единственный из числа сущих предмет познания. Абсолютное существует вне человека, но тем не менее не может быть непосредствен-

ным предметом человеческого опыта. Человек познаёт абсолютное во всём, что он познаёт, следовательно, ему становятся доступными в познании только какие-то проявления абсолютного. В этом смысле человек познаёт абсолютное как основу того, что его окружает, как нечто, скрытое «под грубою корою вещества». Но абсолютное есть и внутренняя глубинная основа самого человека, и поэтому, познавая его, человек познаёт тем самым себя и осознаёт в этом своё единение с миром и абсолютное как субстанцию этого единения. И только в этом смысле человек может приблизиться к абсолютному. Человек восходит к абсолютному двумя путями: с помощью рационального познания и откровения. Эти пути представляют собой по сути дела два совершенно различных отношения человека к нему. Рациональное познание может проникнуть лишь в экзотерический план абсолютного, откровение же – в эзотерический. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения философии всеединства в компетенции рациональной философии находится обоснование достоверности человеческого познания через абсолютное, и в абсолютном есть область, открытая познающему сознанию независимо от того, насколько религиозно его отношение к абсолютному. Тем самым абсолютное признаётся существующим и для не верящих в Бога.

Антропология

Неотомизм придерживается и в наше время достаточно архаической позиции в учении о растительном и животном мире. С точки зрения неотомизма растения и животные обладают душой: первые – вегетативной, вторые – чувствительной. Только человеку наряду с вегетативной и чувствительной присуща мыслящая душа, проявлением которой является разум. Такая душа не присуща ни растениям, ни животным. Человек – это единство тела и души, но это не простое сочетание двух субстанций, а субстанциальное единство (одухотворённое тело и воплощённый дух). Каждая душа создаётся Богом индивидуально в момент рождения человека, она не существует до человека. Порождённое родителями тело и сотворённая Богом душа с момента рождения образуют субстанциальное единство человека. Каждая сотворённая Богом душа и конечна (поскольку она сотворена Богом перед рождением тела, т.е. имеет начало), и бесконечна, поскольку она бессмертна в соответствии с религиозным учением. Душа для тела является своеобразным двигателем и формой, которая актуализирует жизнь человека. Душа выше тела в иерархии живого, но ниже душ ангелов и Бога, поскольку душа человека ещё соединена с телом, в то время как у ангелов имеется только душа и отсутствует материальная составляющая. Следовательно, человек в лестнице живых существ (Аристотель) занимает промежуточное положение, *уже* обладая мыслящей (разумной) душой, но *ещё* обладая и материальным телом. Благодаря душе человек участвует в экзистенции чистых духовных существ и некоторым образом подобен Богу. Это подобие Богу придаёт человеку большое достоинство и самое высокое в реальном мире совершенство. Человек – существо самодостаточное для своих решений и действий. Никто не может вместо него мыслить и принимать решения о его деятельности и поведении. Он обладает свободной волей и пользуется этой свободой в выборе своих поступков, а поскольку он свободно выбирает варианты своих действий, то человек ответственен за свой выбор. Человек – это личность, обладающая душой, свободой воли, но, с другой стороны, человек имеет также тело, которое налагает на него ограничения и множество связей. Человек – существо и биологическое, и социальное. Согласно неотомизму, мир создан во славу Бога, а не для благополучия и размножения человека. Сам по себе человек ничто. Он стоит перед выбором между посюсторонним и потусторонним благом, т.е. между мирскими ценностями, ценностями его нации, общества, семьи и евангельскими ценностями. Цель нравственного человека – жить с глазами, устремлёнными в небеса. Ещё Августин сформулировал доктрину христианского оптимизма: всё, что

сотворено Богом, есть Благо. Человеческая свобода с точки зрения неотомизма – это продолжение и высшее завершение сотворённого Богом, но спонтанного мира. Личность, по словам Ф. Аквинского, наиболее благородна и возвышенна среди всей природы, ибо только она свободна, только у неё есть внутренний мир и субъективность, поскольку она развивается в себе. Благодаря свободе человек становится автономной личностью, но он, предостерегает классик неотомизма Ж. Маритен, не должен мнить себя центром мира. При этом он рассуждает следующим образом: «Я свободен и уникален. Мне, как и каждому человеку, известно, что мир был до нас, мир есть и пребудет после нас. Я такой, как все, и не лучше других, и не хуже их, и не более ценен, чем другие. Я лишь маленький завиток на гребне волны, которая уходит мгновенно в бесконечность природы и человечества». Это две стороны человеческого бытия: человек и единичное, уникальное, в этом смысле человек экземплярен, он всегда «один из», но одновременно человек и часть человечества, ему присущи черты общего. Он и конечен, и бесконечен. В рамках этой антиномии человек колеблется, как маятник, и в этом трагичность его бытия. И решается эта антиномия только свыше. Стоит признать, что существует Бог, и обе стороны антиномии наполняются смыслом. Не Я, но Бог – в центре всего, и к его трансцендентной субъективности должны быть отнесены все человеческие субъективности. Тогда находится место и человеческой уникальности, не перерастающей в эгоизм, гордыню и самомнение. Только Богу под силу преодолеть объективацию при познании человека. Я ведом Богу, известен Ему, Он знает обо мне всё как о субъекте. Я являюсь ему в своей субъективности, и ему нет нужды объективировать меня с целью познания. В то же время человек «обезбоженный», утверждает Маритен, обречён на одиночество.

Философия всеединства, собственно, так же, как и неотомизм, не рассматривает человека вне его связи с Богом, в отдельности от него. Она признаёт наличие в каждом человеке божественного начала, что тем самым наделяет любую личность какой-то степенью абсолютности. Человек объективно занимает в мире как бы двусмысленное положение: он конец природного и начало божественного мира, причём одинаково принадлежит обоим этим мирам. Кроме того, без человека связь между этими мирами не была бы возможной. Человек оказывается существом с безусловным значением, с безусловными правами и требованиями; и он же только ограниченное и преходящее явление, факт среди множества других фактов, со всех сторон ими ограниченный и от них зависящий. И не только отдельный человек, но и всё человечество. Человек, таким образом, есть живая антиномия: абсолютное в относительном и относительное в абсолютном. Абсолютность человека проявляется прежде всего в том, что он трансцендентен миру, и в этом смысле свободен от него. Определение человеческой сущности именно поэтому нельзя исчерпать никаким *что*, так как она есть абсолютное *нечто*. Осознаваемое противоречие между абсолютностью и конечностью своего бытия при всём его стремлении к Абсолютному вызывает в человеке чувство бесцельности своего существования, а попытки постигнуть абсолютное своим разумом приводят к возникновению антиномий. Разрешить это противоречие «абсолютного в возможности и ничтожного в действительности» можно, по мнению философов всеединства, только путём реализации человеческого абсолютного предназначения, развития его духовного начала (основой которого и является абсолютное). А ведь божественное или абсолютное представляет собой основу человеческой личности, является, собственно, тем, что образует человека, отличая его от остального мира. Поэтому человек не может уничтожить Бога, не уничтожив тем самым самого себя. Абсолютная божественная воля одинаково утверждает бытие и благо всех, поэтому она в философии всеединства определяется прежде всего как безусловная благодать или любовь. Признавая Бога как высшее добро, человек утверждает тем самым себя как существо нравственное. Так, согласно В.С. Соловьёву, человек находится в тройном отношении к абсолютному добру. Во-первых, он осознаёт своё

отличие от него в своём несовершенстве, немощи, злобе. Во-вторых, он сознаёт абсолютное совершенство как то, что истинно есть, и в этом сознании идеально соединяется с ним (это и есть образ Божий в человеке). И, в-третьих, не довольствуясь этим идеальным соединением, человек хочет, подобно Богу, быть действительно совершенным, преобразуя ради этого свою земную жизнь и делая Бога её целью и смыслом. Психологически это религиозное отношение выражается в чувстве любви к Богу, а внутреннее сродство с ним выражается в правиле «имей в себе Бога». Такой человек, всегда помнящий о Боге как своей собственной основе, ко всему будет относиться как бы «с точки зрения абсолютного».

Социальная философия

То, что было истинным по отношению к человеческой природе Каина и Авеля, будет истинным по отношению к природе последнего человека. Этот тезис для неотомистов в применении к философии истории означает отказ от понимания истории как закономерного процесса. Философия истории неотомизма антиисторична. В области философии истории неотомизма отчётливо прослеживается отрицание всякого детерминизма, допущения внутренней закономерности общественного развития, отказ от всякой возможности научного предвидения социальных явлений. Всё в мире заранее предустановлено Богом, а то, что человек принимает за законы истории, – это лишь внешняя оболочка, за которой стоит воля Божья. История в восприятии неотомизма – это исключительно реализация божественного плана. Так, К. Войтыла замечал, что социальная наука католицизма – это не нечто среднее между социалистическим коллективизмом и буржуазным индивидуализмом. Она основана на солидаризме. Солидаризм – это не идеология, а результат углублённой рефлексии над сложностями существования человечества. В основе его лежит согласие с религиозными ценностями и прежде всего с Евангелием, это учение – составная часть нравственной теологии.

В философии всеединства концепция исторического прогресса разрешает проблему смысла человеческого существования, который предполагается в нравственном самосовершенствовании не отдельного индивида, а отдельной личности, т.е. единичного человека совместно, как говорит Соловьёв, с человеком собирательным, или обществом. Отсюда проистекают и представления В.С. Соловьёва о всемирной церкви. Всемирная церковь – категория в философии В.С. Соловьёва, означающая образованную в результате постепенного сближения общность людей, верующих в общечеловеческие религиозные идеалы: Благо, Красоту, свободу личности и в единого Бога. Соловьёв понимал эволюцию природы как постепенное развитие мирового единства, являющегося необходимым условием для достижения божественного добра. Ещё более высокая ступень мирового единства может быть достигнута в жизни человека и особенно в истории человечества. Вступая на путь свободного союза с Богом, человек только и может достичь полноты бытия. Но на пути к царству Божию на земле люди не могут действовать в одиночку, а только совместно составляя одно общество, построенное на принципах справедливости. Идеалом такого общества Соловьёв считал свободную теократию, при которой нравственная власть принадлежала бы церкви. Таким образом, будучи частью органического единства церкви, человек восходит на такую ступень бытия, которая была бы для него невозможной при обособленном, одиночном существовании. Так формируется богочеловечество. Богочеловечество в философии всеединства интерпретируется и как идеальное состояние человечества, как предел, завершение земного исторического процесса, и одновременно как уподобление отдельного человека Богу, как предел развития его личного совершенства. Богочеловечество понимается как особый уровень бытия, восстанавливающий ранее утраченную связь «твари» и творца в историко-эволюционном процессе. Богочеловечество, по Соловьёву, заключается в стано-

влении «свободно-разумной личности», отрицающей в себе злую волю, осознающую себя частью универсальной личности, постоянно соотносящейся с ней. Поднимаясь к богочеловечеству, люди вместе с тем поднимают и природу, которая, в конце концов, обратится в светлую телесность «царства очищенных духом». Достижение человечеством полноты существования (как это вытекает из присущей ему свободы) обусловлено самоотвержением человеческой воли и свободным подчинением её Богу, выбором богочеловеческого пути. Если истинное богочеловеческое (соборное) общество, считал Соловьёв, создано по образу и подобию богочеловека Христа, то оно, очевидно, обуславливается действующей силой божественного начала и содействующей силой начала человеческого. Поэтому требуется, чтобы такое общество, во-первых, сохраняло в чистоте божественное начало; и, во-вторых, общество должно развить со всей возможной полнотой человеческую самостоятельность. Философы всеединства выделяли в качестве характерного признака соборности свободу. Осуществление соборного общества невозможно в полном смысле этого слова, пока сам человек не осознает до конца свою свободу, т.е. осознает себя как изначально свободное существо во всех сферах своей жизнедеятельности и свободно предпочтёт путь своего совершенствования. В таком случае осуществление идеала соборности действительно станет осуществлением его абсолютных, изначальных прав и окажется реальным смыслом существования, который вполне может быть достигнут людьми в пределах их земного бытия. Такое общество – один из вариантов идеалистической модели социальной реальности, которой, собственно, придерживаются и неотомисты, модели, объясняющей социум, обнаруживая в нём высшее духовное начало.

Таким образом, в религиозной философии католицизма – неотомизме – и в русской религиозной философии всеединства, хотя она и не имеет официального статуса религиозной философии православной церкви, можно увидеть как элементы тождества, обусловленные теологическими основаниями этих учений, так и элементы различия, обусловленные приматом рационального в западноевропейском стиле мышления и приматом чувственно-эмоционального в стиле мышления восточноевропейских славянских народов.

Klimovich A.V., Stepanovich V.A. Neo-Thomism and Russian Philosophy of Unity: Elements of the Comparative Analysis

The article attempts to comparison official philosophy of the Catholic Church – neo-Thomism and Russian philosophy of unity in the field of ontology, epistemology, anthropology and social philosophy. Traced general and specific in categorial apparatus of these exercises are highlighted elements of their identity, caused by common theological bases of these teachings. Formulated in the framework of a unified philosophical and theological doctrine of Christianity before the separation into two churches. However, the observed difference between them due to greater commitment to the Western European style of thinking and logic and rationalism primate sensory – emotional component in the style of thinking of Eastern Slavic peoples.

Рукапіс паступиў у рэдакцыю 17.02.2014

УДК 130.2 : 101.9 (092)

В.Н. Даренская**НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ В ОПЫТЕ О. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО**

Статья посвящена анализу экзистенциальных аспектов процесса трансформации мировоззрения П. Флоренского от сциентизма к религиозной вере. Автор рассматривает возможности реконструкции религиозного мировоззрения в рамках современного дискурса. Авторская интерпретация названной трансформации опирается на переосмысление общечеловеческого опыта, который всегда с необходимостью связан с архетипами культуры. Феномен такой мировоззренческой трансформации анализируется в качестве источника экзистенциального опыта для современного человека.

Наука и религия в наше время обычно воспринимаются в качестве абстрактно разделяемых сфер культуры. Однако в реальном опыте людей они часто выступают в качестве тесно взаимодействующих *экзистенциальных факторов*, определяющих внутреннее органическое единство личностного бытия. В опыте о. Павла Флоренского проявилось не просто органическое единство научных и религиозных поисков и открытий как двуединой доминанты творческого мышления, но и обусловленность самого прихода к православной вере рано проявившимся духом научного мышления.

Обращение к личности о. Павла Флоренского для исследования этого феномена особо ценно еще и тем, что этот мыслитель сам произвел самоанализ именно в рамках названной проблемы, изложенный в его записях «Детям моим. Воспоминания прошлых дней». До настоящего времени этот текст, как и сама проблема преемственности научного и богословского творчества о. Павла, почти не становились предметом специального исследования; можно указать лишь на статью А.Н. Павленко «Место и роль науки в мирозерцании отца Павла Флоренского» [5]. Отметим, что сама тема прихода к христианскому мировоззрению в результате развития/преодоления естественнонаучного образа мышления (в частности, физического) в наше время становится предметом философской рефлексии, а тем самым прецедент автобиографического опыта о. Павла приобретает особый интерес [2].

Целью настоящей статьи является анализ содержания тех феноменов внутренней жизни мыслителя, которые четко свидетельствуют о возникновении причин становления его религиозного мировоззрения в процессе кризиса мировоззрения, формируемого наукой. В рамках этой общей цели мы кратко рассмотрим: 1) путь мировоззренческого развития, выраженный в различных направлениях творчества о. Павла Флоренского; 2) конкретные экзистенциально-психологические «механизмы», обусловившие «рождение религиозности из духа науки» в личности о. Павла.

Первоначальное образование о. Павел Флоренский получил на физико-математическом факультете Московского университета; он рано оказывается захваченным философской проблематикой, пытаясь синтезировать математику и философию на основе канторовской «теории множеств». Отсюда созрел переход к поиску основ «общечеловеческого религиозного мирозерцания». Поэтому этап «второго студенчества», учеба в Московской Духовной Академии, был закономерным. О. Павел Флоренский совершил радикальный разрыв со стереотипами тогдашнего образованного общества и научной среды, сознательно порывая с секуляризмом и возвращаясь на стезю предков (по отцовской линии Флоренский происходил из православного духовенства). Но, принимая священство, о. Павел осуществлял синтез церковности и светской культуры не только на практике, но и в своем научном поиске.

Именно тема вхождения в Церковь – центральная во всем творчестве Флоренского. Ей посвящен его главный труд – «Столп и утверждение Истины» (1914 г.), – для которого характерен тон интимности и своеобразного сентиментализма. В дальнейшем Флоренский отказывается от такого «психологизма», предпочтя ему более сциентистский тип исследования в работах из цикла «У водоразделов мысли» и других поздних произведениях. В «Автореферате» для словаря «Гранат» отец Павел следующим образом характеризовал задачи и метод своей работы: «Свою жизненную задачу Ф[лоренский] понимает как проложение путей к будущему цельному мировоззрению. В этом смысле он может быть назван философом. Но в противоположность установившимся в новое время приемам и задачам философского мышления, он отталкивается от отвлеченных построений и от исчерпывающей, по схемам, полноты проблем. В этом смысле его следует скорее считать исследователем. Широкие перспективы у него всегда связаны с конкретными и вплотную поставленными обследованиями отдельных, иногда весьма специальных, вопросов» [6, с. 38].

Собственное философствование он строил в сознательном отталкивании от традиции новоевропейского рационализма. Наибольшее неприятие о. Павла вызывала немецкая классическая философия – вершинное достижение данной традиции. Ее родоначальника И. Канта можно считать его своеобразным «личным врагом». В этом контексте следует рассматривать и весьма критическое отношение о. Павла к соловьевской «метафизике всеединства». Оно объясняется тем, что у Вл. Соловьева мы также имеем дело со спекулятивной философской системой, родственной немецкой классике. Принципиальной установкой о. Павла становится признание «логической обрывочности» («фрагментарности») всего тварного бытия в силу его несовершенства, а противоречивость провозглашается неизбежным следствием самого процесса познания. Поэтому познание всегда оказывается неотделимым от конкретного материала, а развиваемое им мировоззрение в силу этого онтологического факта не поддается систематическому изложению. Причем в ряде случаев речь идет о весьма конкретном анализе, например, иконописи или специальной терминологии.

По учению о. Павла, на низших уровнях знание опирается на модели и схемы, на высших – на символы. Каждое явление («феномен») содержит в себе самом, в своей чувственной форме бытие умопостигаемое («ноуменальное»). Всякий предмет духовного познания всегда выражен в чувственном, дан зримо и пластично. Как отмечают исследователи, «полная представленность мира как целого в единичном, индивидуальном и как бы частном (в символе) – так может быть определена конкретность метафизики по П. Флоренскому» [1, с. 211].

Основным законом мира он считал второй принцип термодинамики – закон энтропии, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Хаосу противостоит Логос – начало *энтропии*. Культура в своей онтологической основе есть сознательная борьба с этим «мировым уравновешиванием» в хаос. «Всякая культура, – писал о. Павел, – представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т.е. служит некоторому предмету веры... Культура, как свидетельствуется и этимологией, есть производное от культа, т.е. упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура» [6, с. 39].

О. Павел, опираясь на достижения науки XX в. (теория относительности, неевклидова геометрия и т.д.), стремился «реабилитировать» космологические представления Птолемея и Данте. Этой теме посвящена его брошюра «Мнимости в геометрии», вышедшая к 600-й годовщине смерти Данте (ср. схожие установки книги А.Ф. Лосева «Античный космос и современная наука»). Будучи антиподом И. Канта, П. Флоренский относил себя к «мыслителям средневекового типа», а свое мировоззрение считал соот-

ветствующим по складу стилю XIV–XV вв. русского средневековья. Однако стоит обратить внимание и на замечания А. Михайлова: «Ум и душа о. Павла лежали не к Средневековью с его суммами знания, а к, если угодно, завершающему и средние века, и целую громадную традицию знания (расходящегося в своем самоуразумении с новоевропейским научным) периоду барокко: если в средние века создаются суммы истинного внутри себя знания, то XVII век начинает раскрываться в историко-культурную ширь, собирать, ставить рядом, синтезировать, энциклопедически оформлять самое разное знание, он продолжает знать и помнить также и свою истину, однако обставляет ее грудами чужого, чужеродного, любопытного, стремится к полноте всего лишь курьезного, всего этого разнобоя» [4, с. 464]. Тем самым вполне обоснованным является соотношение о. Павла с типом универсальных мыслителей XVII в.

Критически осмысливая характер записей «Детям моим. Воспоминания прошлых дней», о. Павел отмечает, что «излюбленная тема критиков – устанавливать вымысленность автобиографий» [7, с. 291]. Признавая, что воспоминания по самой своей природе всегда вносят нечто новое в то, о чем они повествуют, вносят что-то, чего не было в изображаемых событиях и переживаниях, о. Павел считает, что это внесение является не только искажающим, но по сути своей позитивным, поскольку позволяет видеть их последствия, а значит их подлинную, но лишь позднее проявившуюся сущность. Поэтому следует вполне доверять позднейшим воспоминаниям, понимая, что они носят синтетический характер воспоминания-вывода.

Исходной точкой мировоззренческого развития о. П. Флоренского было очень раннее увлечение естествознанием. Как пишет о себе о. Павел, его «научное мировоззрение сложилось и окрепло в неколебимую систему к пятнадцати-шестнадцати годам» [7, с. 263]. Характерно также, что современное ему научное знание о. Павел постигал не в адаптированном изложении учебников, а по первоисточникам, т.е. трудам самих классиков науки. «Небольшое сравнительное число книг первоклассных деятелей физики было мною не только усвоено, но и почти заучено наизусть. Как-то по-своему, но я был тогда на вершине физической мысли. ...После того физикой я не занимался, а университетский курс не дал мне ничего и в счет идти не может. ...Когда же, двадцать шесть лет спустя после того времени, мне пришлось в силу необходимости вновь заняться этого рода вопросами и восстановить усилием памяти забытую физику, основой этой позднейшей деятельности было именно сформировавшаяся в пятнадцать-шестнадцать лет» [7, с. 265]. Вместе с научным знанием как таковым им усваивались и сами методы, и стиль продуктивного научного мышления, особый «творческий дух», который затем мог быть им перенесен и в иные сферы опыта, в том числе религиозного.

Кроме того, в юности о. Павел проявлял своеобразный научный фанатизм: наука фактически стала для него квазирелигией и предметом подвижнических усилий: «Каждая минута была на учете, и все существование было непрерывным праздником науки, который я старался распространить и на невыносимую мне потерю времени в гимназии, обдумывая что-нибудь среди уроков, когда это допускали обстоятельства» [7, с. 279].

Однако, с другой стороны, с самого начала усвоенный от классиков науки творческий дух обусловил особый модус восприятия научных знаний, исключавший какую-либо их фетишизацию. Благодаря этому, как отмечает сам о. Павел, он «не умел и не хотел отдаваться общему потоку научной мысли и дать ему нести меня, без труда и критики с моей стороны» [7, с. 267]. По этому поводу о. Павел делает следующее замечание обобщающего характера: «Орудия научной мысли большинством даже образованных людей берутся или, скорее, получают готовыми из-за границы и потому поработают мысль, которая не способна работать без них и весьма неясно представляет себе, как именно они выработаны и какова их настоящая прочность. Отсюда – склонность

к научному фетишизму и тяжеловесная неповоротливость, когда поднимается вопрос о критике их предпосылок» [7, с. 269].

Исходным мотивом его поисков стала необходимость преодоления этого объективно существующего «научного фетишизма». «Самая же суть этого моего отношения к научному миропониманию, в ее общечеловеческом значении, – отмечал о. Павел, – то есть независимость, некоторая пренебрежительность к понятиям, вызывающим обычно священный трепет, оценка их только как рабочих орудий мысли, – это было важно в моем жизненном пути, и, рассуждая духовно, оно и было оправданием и смыслом моих занятий науками» [7, с. 270]. Современный исследователь психолог А.М. Матюшкин, анализируя особенности мышления о. Павла Флоренского в раннем возрасте, отмечал особый творческий, в некотором смысле *опережающий*, характер усвоения им содержания научного знания, при котором «мысль рождается как своя, не требующая каких-либо дополнительных усилий по ее пониманию и воспроизведению» [3, с. 139]. Именно этой особенностью и объясняется возможность того свободно-творческого, чисто инструментального отношения к отдельным научным понятиям и концепциям, о котором сказано выше. В свою очередь, тот особый способ усвоения научного знания, который у о. Павла отмечает исследователь, обусловлен тем, что наука приобрела для него именно особый квазирелигиозный характер: он буквально *жил* наукой как основным содержанием своего личностного бытия, а не усваивал ее как некий внешний, чуждый себе «материал». Именно такое отношение к науке как некому мировоззренческому и жизненному «абсолюту» затем и приведет к кризису, поскольку такие функции наука выполнять и не призвана, и не может.

Квазирелигиозный характер восприятия научного знания, как свидетельствует сам о. Павел, по сути с самого начала содержал в себе элемент противоречия и кризиса: «Физика, отчасти геология и астрономия, а также математика были тем делом, над которым я сидел с настойчивостью и страстью, друг друга укреплявшими. ... На самом же деле меня волновали отнюдь не законы природы, а исключения из них. Законы были только фоном, выгодно оттенявшим исключения. Мне хотелось знать железные уставы естества. Я запомнил все те постоянства и единообразия, которые естествознание представляло мне как законы. ... И чем железнее мне представлялся мне тот или иной закон, тем с большею почтительною боязнью я ходил около него, с тайным чувством, что этот рациональный с виду закон есть лишь обнаружение иных сил. ... С внутренней тревогой искались мною исключения, к которым данный закон оказывался бы неприменимым, и, когда находились исключения, ему не подчинявшиеся, мое сердце почти останавливалось от волнения: я прикоснулся к тайне» [7, с. 261–262]. Однако само это влечение, как отмечает далее о. Павел, «не имеет ничего общего с желанием опровергнуть закон как таковой, поставить вместо него некоторый новый, расширенный, вообще это было совсем не из области рационального познания природы. Напротив, существующими законами как таковыми я был доволен и заботился об укреплении их ... но тем не менее природа опрокидывает любой закон, как бы ни был он надежен: есть иррациональное. Закон – это подлинная ограда природы; но стена, самая толстая, имеет тончайшие щели, сквозь которые сочится тайна» [7, с. 262–263].

Таким образом, очевидно, что столь раннее научное мировоззрение было своего рода «псевдоморфозой» (О. Шпенглер), т.е. попыткой наполнения религиозной жажды души иным, неадекватным ей содержанием, что было обусловлено условиями социальной среды, в которой он формировался. «Говоря современным языком психоанализа, – свидетельствует о себе о. Павел, – во мне был задержанный аффект религиозного чувства: я был отрезан от религии столь надежно, что силою внутреннего влечения сам надстраивал воздвигнутую между мною и религией стену. Чем большей была религиозная потребность, тем далее я, поставленный на известный путь, добровольно и стреми-

тельно бежал от возможности удовлетворения» [7, с. 147]. Исходя из этого, отмечает он далее, «тогда можно было бы понять мое исконное чувство мистичности многих явлений, мою последующую работу над исключением из правил, – как смутный мне зов Вечности, пробивавшийся, однако, всюду и искавший себе щелей и проходов в здании научного рационализма» [7, с. 272].

О. Павел свидетельствует, что в нем изначально таился особый, самый глубокий опыт мировосприятия, которое не могло найти адекватной формы выражения в науке: «Факты и фикции науки были для меня гораздо менее естественны, нежели мистическая фауна сказок. ... Глубоко затаилось в душе восприятие мира как живого и духовного. ... Этому не было места в области мысли, научное приличие требовало, чтобы об этом не говорилось, с этим не считались и относились как к несуществующему. Но оно не переставало существовать и ушло в подполье. В душевной жизни моей образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии привела к большому кризису» [7, с. 223–224]. Этот кризис будет рассмотрен далее, но прежде следует отметить, что О. Павел не отрицает именно *научной* значимости своего первичного опыта мировосприятия, отмечая, что он как раз оказался более близким образу неклассической науки XX ст., чем те научные знания, которые он жадно усваивал в юности. О. Павел писал об этом так: «В своем сказочном миропонимании находил я совсем иные представления о пространстве и времени и совсем иные предпосылки о строении мира. Конечно, словесно я владел нехитрой механикой возрожденской механики и мог рассуждать пред другими с безукоризненной механической ортодоксальностью. ... Под защитным покровом приятных научных понятий во мне жили, не вполне выраженные и до сих пор, иные понятия. Но я был настолько одинок в них, что не решился бы высказаться, да и, вероятно, не нашел бы соответственных слов. Когда в первом году XX века появились первые сведения об опытах, если не ошибаюсь, Кауфмана, установившего в катодных лучах существование добавочной электромагнитной массы, зависящей от скорости, они блеснули мне чем-то давно знакомым, именно их ожидал я. Дальнейшее развитие этого рода понятий повело к принципу относительности, который был принят мною вовсе не по долгому обсуждению и даже без изучения, а просто потому, что было слабою попыткой облечь в понятие иное понимание мира. Общий принцип относительности есть в некоторой степени обрубленная и упрощенная моя сказка о мире. Но брешь в механике пробита, и теперь открыты выходы и к моим заветным стремлениям» [7, с. 268].

Данное свидетельство весьма важно не только как свидетельство личного опыта, но и для понимания социокультурных предпосылок трансформации научного знания. Оно указывает на тот факт, что уже на уровне первичного нерасчлененного, неразвернутого, так называемого «детского» опыта мировосприятия действительно наличествуют потенциальные возможности формирования самых различных «картин мира», которые затем могут быть актуализированы и использованы в рамках тех или иных научных парадигм.

Однако главное значение «сказочного миропонимания» было именно в его роли в духовном становлении личности: это первичный, «детский» опыт не позволял творческому сознанию замкнуться в искусственных рациональных построениях классической науки. С одной стороны, он подталкивал к поиску расширенной, неклассической рациональности, но с другой – к пересмотру оснований мировоззрения вообще. Однако переход к религиозному мировоззрению был очень непростым и даже мучительным: он протекал в форме экзистенциального кризиса. Кризис, о котором пишет О. Павел, выразился прежде всего в изменении отношения к природе, что было следствием особой *экзистенциальной неудовлетворенности* от того научного понимания природы, о котором было сказано ранее: «Прежде природа приводила меня в экстаз, и сердце готово было разорваться от восторга; теперь я продолжал любить природу, но, оставаясь на-

едине с ней, я стал испытывать особенно острые приступы необъяснимой и беспредметной тоски. ... Уже редко посещало умиление при виде цветка или камня. ... Я усилил свое чтение по философии, бывшее, впрочем, и ранее, но оно оставляло меня холодным и скользило, не задевая души ... я возобновил свое чтение трудов по спиритизму и другим родственным явлениям, но и к ним отношение мое было внешнее. ... Итак, никакие благодетельные толчки извне не облегчали моего выхода из духовных томлений, я оставался предоставленным себе самому, и между мною и мною залегало чуждое мне, но непреодоленное, научное миропонимание» [7, с. 289–290]. Характерно, что в состоянии кризиса не помогали никакие рациональные построения: не только научные, но и философские и даже оккультные. Дело в том, что выход из экзистенциального кризиса возможен только на основе целостного конкретно-жизненного опыта, а не на почве смены используемых понятий. Помогает ему также и знакомство с живыми свидетельствами чужого опыта выхода из подобных кризисов. В частности, о. Павел пишет о том, как «столкнулся с рукописной «Исповедью» Толстого и даже переписал ее, а через Толстого – с «Экклезиастом». ... Эти книги углубляли и расширяли мой внутренний провал и дали возможность ускорить оформление того, что происходило со мною. До них я чувствовал себя одиноким в своем отношении к научному мировоззрению» [7, с. 348].

Принципиальное открытие, положившее начало выходу из кризиса, состоялось у о. Павла в открытии онтологической реальности Слова. На опыте внутренней рефлексии он обнаружил, что полнота познаваемого смысла всего существующего раскрывается не в «законах» взаимной детерминации явлений, а в человеческом слове, схватывающем их целостную сущность, не сводимую ни к каким детерминациям. В этом экзистенциальном открытии можно видеть жизненный исток позднейшей философии имяславия о. Павла. «Обыкновенно, – писал он, – в какой бы области я ни размышлял, мысль шла сама собой и почти без моего ведома, тогда как сознание бывало занято совсем другим, нередко обратным тому, что готовилось на большой глубине. Это была совсем не логическая мысль, а, скорее, присматривание к некоторой новой области, ощупывание ее и внутреннее к ней приспособление. Когда оно достигалось, само собой возникало и **слово** его» [7, с. 299]. Естественно, открытие особой реальности Слова, содержащей полноту смысла, превосходящую любое научное объяснение, не отрицает содержания и ценности научного знания. Они пребывают в отношении иерархической взаимодополнительности. Как отмечал в связи с этим сам о. Павел, «то, о чем говорю я, скорее, должно быть определено как сопребывание двух различных смыслов, принадлежащих к разным планам действительности в одном и том же восприятии, причем один смысл не уничтожает другой, но оба сознаются одновременно, хотя и с различным коэффициентом ценности» [7, с. 300]. В последнем аспекте раннего опыта, как в «зерне», очевидно, заключена вся последующая философия символа, глубоко разработанная о. Павлом. В этой философии, в частности, произошло на новом духовном уровне и возвращение к тому восторженному созерцанию природы, которое вдохновляло его в юности. В статье «Небесные знамения (Размышление о символике цветов)» (1919 г.) в контексте своего учения о Св. Софии – Премудрости Божией – о. Павел рассмотрит природу как *живую проявленность света творения* [8], увидит в ее основе то «сияние Вечности», которое он прозревал ранее лишь в «тончайших щелях» между «железными» научными законами естества, «сквозь которые сочтется тайна».

В проведенном позднее самоанализе о. Павел сам признает, что эта открытость новым реальностям, доверие новому опыту у него были не чем иным, как следствием научного воспитания. Последнее проявилось здесь парадоксальным образом: «мое естественнонаучное воспитание послужило здесь ... службу **против** научной мысли, которую она должна была обслуживать: она заставляла считаться с непосредственно воспринимаемыми фактами более, нежели с отвлеченными понятиями» [7, с. 328].

В самый глубокий момент кризиса, все «здание» научного мировоззрения у о. Павла подвергается радикальной деструкции, по сути напоминающей ту, которую сознательно и методически применил Р. Декарт для установления первичных достоверностей: «В какую-нибудь минуту пышное здание научного мышления рассыпалось в труху, как от подземного удара, и вдруг обнаружилось, что материал его – не ценные камни, а щепки, картон и штукатурка. ...В момент происшедшего обвала, когда мне казалось, что треснул и рушится небесный свод, я не узнал ничего нового для себя. Но коренным образом переверотилось направление воли. ...Произошел глубинный сдвиг воли, и с этого момента смысл умственной деятельности изменил знак. Началось разоблачение здания, сперва только научного, затем и вообще. ...Отрицание знания в самых корнях его доставляло мне радость, в которой удовольствие было от наибольшей степени внутреннего страдания» [7, с. 345–346]. Последний психологический парадокс является характерным признаком интенсивной трансформации мировоззренческих оснований. Но окончательную позитивную направленность эта трансформация приобрела в последующих рефлексиях о природе истины, которые, будучи последовательными, в конце концов привели к осознанию ее религиозной природы: «Я задыхался от неимения истины, – свидетельствовал о. Павел. – Во всем человеческом познании не находилось ни одной надежной точки. ...Постепенно ...мне стало делаться ясным, что истина, если она есть, не может быть внешнею по отношению ко мне и что она есть источник жизни. Самая жизнь есть истина в своей глубине, и глубина эта уже не я и не во мне, хотя я могу к ней прикасаться. Сначала смутно, как сквозь толстую стену, затем все более внятно стал ощущать я какое-то веяние из этой глубины. ...Это было томительное висенье между знанием, которое есть, но не нужно, и знанием нужным, которого нет: ведь несказанные прикосновения к источнику истины не могли оцениваться как знание. ...Но самочувствие мое уже выправлялось на бодрое ...и томление по мысли было деятельным и боевым» [7, с. 349–350].

После похождения глубинной точки кризиса и формирования первичных установок религиозного сознания П. Флоренский свидетельствует о появлении открытости для веры. В этом состоянии случайные, на первый взгляд, события, начинают «прочитываться» как обращенность Слова к человеческой душе. Для П. Флоренского в юности первым таким событием стал внезапно услышанный оклик: «Павел! Павел!». Несмотря на то, что этот голос принадлежал какому-то реальному человеку и был обращен к кому-то другому, но именно в самой «случайности» совпадения эмпирического и духовного события о. Павел усматривает высшую достоверность: «первое и бесспорное в этом случае – духовная реальность голоса горнего, который и направил все внешние обстоятельства так, чтобы наиболее доступным мне образом пробить кору моего сознания» [7, с. 304]. Здесь «сработал», с одной стороны, тот уже приобретенный опыт символизма как самого глубокого смыслового раскрытия бытия, о котором было сказано ранее, а с другой – и тот особый навык видеть закон в эмпирических явлениях, которому его научила наука.

Подводя итог краткому анализу поставленной проблемы, можно сделать следующие обобщающие выводы: 1) религиозное миропонимание может зарождаться в рамках научного в результате внутреннего кризиса последнего; 2) экзистенциально-психологическим «механизмом», обусловившим «рождение религиозности из духа науки» в личности о. Павла было несоответствие рациональной схемы мироздания, создаваемой наукой, первичному бытийному опыту и поиск нового образа истины, отвечающего высшим требованиям человеческого духа (личностность, вечность и абсолютность); 3) многие навыки научного мышления оказались факторами становления религиозного сознания, что указывает на их универсальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асоян, Ю. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков) / Ю. Асоян, А. Малофеев. – М. : ОГИ, 2000. – 342 с.
2. Кулаков, Ю.И. Наука и религия: Почему я христианин? / Ю.И. Кулаков // Наука и богословие: антропологическая перспектива. – М. : Изд-во ББИ св. апостола Андрея, 2004. – С. 17–37.
3. Матюшкин, А.М. Психологические предпосылки творческого мышления (По автобиографическим материалам П.А. Флоренского) / А.М. Матюшкин // Мир психологии. – 2001. – №. 1. – С. 132–140.
4. Михайлов, А.В. О. Павел Флоренский как философ границы // А.В. Михайлов. Обратный перевод. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 459–471.
5. Павленко, А.Н. Место и роль науки в мирозерцании отца Павла Флоренского / А.Н. Павленко // Историко-философский ежегодник. – М., 1994. – С. 170–175.
6. Флоренский, П.А., священник. Автореферат / Священник П.А. Флоренский // Сочинения в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1994. – С. 37–44.
7. Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней / П. Флоренский. – М. : АСТ, 2004. – 374 с.
8. Флоренский, П.А., священник. Небесные знамения (Размышление о символике цветов) / Священник П.А. Флоренский // Сочинения в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 114–118.

Darenskaya V.N. The Scientific Knowledge as a Factor of Worldview Transfor Mation in Experience of Pavel Florenskiy

The article is devoted to the analysis of transformation process of Pavel Florenskiy's worldview from scientism to religious faith. The author considers the possibilities of the reconstruction of religious worldview within contemporary discourse. Author's interpretation of this transformation based on rethinking of universal human experience, which are necessarily linked with a archetypes of culture. The phenomenon of this worldview transformation analyses here as a source of existential experience for contemporary man.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2014

УДК 101.8

*Е. А. Лагуновская***ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА
КАК СИСТЕМА МОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ-РЕГУЛЯТИВОВ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье раскрывается авторское видение ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов индивидуальной и социальной деятельности. Ценности христианства категориально представлены по трем модусам отношения человека: с внешним (природным и социальным) миром, с конкретной социальной действительностью и самим собой. Исследуется влияние христианства как вероучения и социальной практики на реализацию нравственных норм и принципов в повседневной жизни современного общества.

Введение

Важнейшей социально-философской проблемой, определяющей взаимоотношения между миром и человеком является духовная жизнь человека, где основную роль играют те базовые экзистенциальные (смысложизненные) ценности, которые лежат в основе человеческого существования. Христианству более 2000 лет, но его ценности по-прежнему актуальны. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта независимо от конкретного исторического периода. В христианской философии способом духовного освоения мира и человека является разум, а христианство как вероучение осваивает духовный и материальный мир через веру. Духовность понимается автором как категория, характеризующая состояние человека, ориентированного на усвоение огромного культурного опыта человечества, а через него христианских ценностей как его неотъемлемой части. Восприятие данных ценностей в XXI в. рассматривается как уникальный творческий акт, а не прорыв к неким вечным и неизменным идеальным сущностям. Христианские ценности обладают огромным конструктивным потенциалом воздействия на объективную реальность, формирование культуры межличностных и социальных отношений и, главным образом, на внутренний мир личности.

Христианские ценности в социальном пространстве

В социальном пространстве ценности христианства как традиционный в своей сущности феномен предстают как диалектическое единство устойчивости и изменчивости, т.к. выступают в качестве духовно-нравственного идеала, образца поведения и оценочного основания во всех сферах жизнедеятельности социума. Однако характер и формы их репрезентации зависят от конкретных социально-экономических и социокультурных особенностей определенного этапа общественного развития. При этом ценности христианства как система моральных регулятивов признаются всеми христианскими конфессиями и являются их духовно-нравственной основой.

Центральной идеей христианства является идея «завета», связывающая «Ветхий завет» и «Новый завет» и обозначающая взаимное обещание верности союза, который Бог заключает со своими избранниками. Новый завет (Союз) Бога с людьми реализуется через великую миссию и крестную смерть (с последующим Воскресением Иисуса Христа) как основа христианского мировоззрения. Богочеловеческая сущность Иисуса проявляется как воплощенное Божественное Слово (Логос). Логос представляет собой начало всех начал (вначале было Слово) и времен. Такая трактовка открывает пространство для диалога Бога с человеком, человека с Богом и человека с человеком во имя духовного самовоспитания человека. Троичность диалога христианства – основа сов-

ременной культуры, определяющая основные направления и пути развития современного диалога, нацеленного на возвышение духовного начала в человеке. Традиционно духовное начало личности чаще всего связывают с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, с включенностью человека в мир культуры.

Ценности Ветхого завета детерминируют отношения человека с внешним миром и как моральные регулятивы утверждают определенные конструктивные социальные формы поведения, общения, деятельности, отвергая эгоистические и авторитарные нормы и оценки. Ветхозаветный принцип возмездия: «перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Левит. 24, 20) – нацелен на установление справедливости и утверждение ценности человеческой жизни Древнего мира. В напряженных условиях коренных социальных перемен Новый завет постулирует терпение и смирение в отличие от Ветхого завета. Подтверждая ветхозаветные ценности, Новый завет дополняет его принципиально новыми нравственными положениями, отличающими христианскую нравственность от традиционных общечеловеческих норм. Ценности Нового завета, конституирующие отношение человека к социальной действительности и к самому себе, основаны на принципе жертвенной любви и доброжелательного отношения ко всем людям: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Левит. 19, 17–18). «А я говорю: любите врагов ваших» (Мф. 5:21). Для понимания любви к врагам использовано греческое слово *агапе*, раскрывающее отношение, превосходящее психологическую привязанность: оно находится в иной, духовной плоскости. Христианское понимание «агапе» (любовь нисходящая, жертвенная) как духовное единение, направленное на всех людей, на любого ближнего, совершило нравственный переворот в сознании человечества.

Ценность жертвенной любви понимается в Новом завете как основа всех остальных ценностей, квинтэссенция духовности и нравственного совершенства человека. Мучительная смерть Богочеловека во имя спасения человечества является высшим проявлением Божественной любви к людям. Именно Евангельская формула «Бог есть любовь» раскрывает уникальность места христианства в истории религий [6, с. 97].

В древнегреческой философии, в рационализме и идеализме духовность человека часто сводилась к разумности, что определялось спецификой античного мышления, основанного на принципе объективизма. В период Средневековья происходит радикальное переосмысление основополагающих принципов, лежащих в основе духовно-нравственных ценностей и культуры. Идеология христианства выдвигает новые ценности и совершенно по-другому в сравнении со многими античными мыслителями объясняет проблему духовности и составляющих ее ценностей. Созерцательность античности уступает место средневековому рационализму. При этом, несмотря на мировоззренческую и социальную переориентацию в понимании проблемы духовности по сравнению с античностью, существенное влияние на ее осмысление оказывает церковная монополия в духовной жизни общества, христианский Бог как основа внутреннего мира человека. В христианской философии духовность – это самое высокое, конечное, абсолютное, к чему стремится личность, что отражается на ее индивидуальной деятельности. Духовность как противостояние человека бытию, как характеристика сознания, выходящего за свои границы и направленного к сфере трансцендентного, в нравственном отношении предстает как устремленность человека и общества к совершенству. Духовно-нравственные основы христианства как вероучения и практики, с одной стороны, направляют ум человека к возвышенному (идея Бога); с другой – обращаются к повседневности, что выражается в формах нравственного поведения. Таким образом, происходит постоянная корреляция: трансцендентное – имманентное. Если духовность характеризует высшие, «вертикальные» устремления личности, то нравственность – сфе-

ра ее «горизонтальных» устремлений, отношений с людьми и обществом. Согласно принципу реверенциализма источником для познания духовности и нравственности является Библия, признанная всеми христианскими конфессиями: православием, католицизмом, протестантизмом. Также общей особенностью вероучения названных христианских конфессий (и тем, что отличает их от других религий) является вера в Троицу и богочеловечество Иисуса Христа, хотя и с некоторыми особенностями [5, с. 7]. В философии христианства Троица предстает как совершенный абсолют, высшее благо и источник всех остальных ценностей.

Фундаментальное, исходное и непреходящее противоречие в отношении социума к христианству – это, по Достоевскому, «искание Бога». С позиций теологии Бог – это Абсолют, *causa sui* (причина самого себя), субстрат сущего. Отсюда Тертуллиан: «Верую, ибо абсурдно». Но уже Фома Аквинский: «Верить, чтобы знать, знать, чтобы верить». С позиций социальной философии необходимо признание свободного выбора человеком Бога как высшей ценности, примат веры в него. Это экзистенциальный вопрос, связанный с проблемой несоответствия между сущим и должным, неполнотой личной жизни и универсальностью жизни общечеловеческой [8, с. 328]. Однако христианство как индивидуальная и социальная практика не обрело бы мирового признания, если бы сводило понятие «духовность» к определенному религиозному содержанию. Особый социокультурный статус духовности является следствием способности личности конституировать себя как субъективный мир сосредоточения ценностей. В социальном пространстве ценностное отношение человека к миру вообще, другому человеку и себе определяет континуум социокультурного поля значимости, так как ценности обладают значением. Как система моральных регулятивов ценности христианства конституируют отношение личности к внешнему миру, социальной действительности и своему внутреннему миру. Ценности христианства как социокультурный феномен, эксплицируя огромный культурный опыт человечества при всем его многообразии и плодотворности выступают в качестве общего ориентира в конкретных условиях, выстраивающего перспективы для индивидуальной и социальной деятельности.

Христианские ценности, выступая как система моральных ориентиров-регулятивов, корректируют мировоззренческие установки личности, отражая структурные системные связи между ее внутренним миром и социальной действительностью. Нацеленные на согласование повседневных личных и общественных интересов, ценности христианства создают условия для снижения негативных поведенческих интенций человека, несмотря на то, что не фиксируются в законах, т.е. в отличие от политики и права не институционализируются. Определяя понятие нравственной жизни, Г. Риккерт приходит к выводу, что этические блага есть суть личности [10, с. 377]. По мнению С.Л. Франка, грех (игнорирование стремления духовного начала личности к развитию в соответствии с моральными принципами) в социальном пространстве соответствует понятию «моральное зло», не предполагающему религиозных убеждений. Система христианских ценностей предоставляет возможность определения морального зла, действие которого в порядке онтогенетическом (в индивидуальном духовном развитии) и филогенетическом (в историческом развитии человечества) производит определенные психологические, духовные и даже физические изменения в природе человека и социума [16, с. 290]. Моральное зло вносит дисгармонию во внутренний мир личности, оказывает дисбалансирующее влияние на происходящие в нем мыслительные, волевые и чувственные процессы. Отсутствие ориентации на духовные ценности обуславливает нравственную деградацию и усиление деструктивных процессов в системе отношений человека с внешним – природным и социальным миром, другими людьми, самим собой.

Модус нравственного отношения человека к внешнему – природному и социальному миру – христианство как вероучение и практика определяет через библейские за-

поведи, духовно-нравственный идеал, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки. В отличие от других этических систем заповеди христианства детерминируют любое нарушение достоинства, свободы и интересов ближнего. Исполнение заповедей, постулирующих ограничение собственных эгоистических желаний ради интересов ближнего, способствуют раскрытию способности любить: «Заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого, и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя» (Рим. 13:9). В современных условиях следование евангельским заповедям предоставляет человеку возможность сделать нравственный выбор в процессе принятия решений.

Христианский идеал, воплощенный в личности Иисуса как примере нравственного совершенства, направляет его последователей на развитие духовных аспектов жизнедеятельности: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5:43). Этот пример эксплицирует смыслообразующую заповедь христианства: «Возлюби Господа Бога твоего ... возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40). Важную роль в преобразовании теоретической модели нравственного поведения в практическую установку играет ее репрезентация в жизненном пути Иисуса. Творческое развитие и квинтэссенция евангельских принципов в Его личности ориентирует человека (общность) на кардинальные перемены в нравственно-созидательной деятельности. При этом главный акцент делается на развитие способности личности различать добро и зло как осознанный процесс ее свободного выбора. Таким образом, духовно-нравственный идеал направляет христиан на изменение и самоизменение мировоззренческих основ сознания, отношения и деятельности. Управление этим процессом осуществляется не столько «извне», но прежде всего «изнутри» (без опоры на внешние санкции, страх наказания или общественного мнения), т.к. выражает отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру.

Достижение христианского идеала предполагает реализацию нравственных принципов поведения, общения и деятельности. Данные регулятивы, конституируемые заповедями, способствуют развитию духовного начала человека, нравственных аспектов его жизнедеятельности, характера взаимоотношений между людьми. Их основу составляет принцип любви к ближнему, воплощающий суть христианского гуманизма, на протяжении многих веков представлявшего духовный стержень развития европейской цивилизации [7, с. 27]. Данный смыслообразующий принцип христианства позволяет связать определенную совокупность фактов, знаний, идей и выступает ориентиром для интерпретации повседневных значений индивидуальной и социальной практики, осуществления межличностной коммуникации на нравственной основе.

Нормы в христианском вероучении представлены в форме нравственных регулятивов индивидуальной и социальной практики верующих применительно к конкретным условиям их жизни в соответствии с рекомендациями и запретами заповедей. Христианские нормы ориентированы на нравственно-созидательную деятельность по отношению к природному миру, другому человеку и самому себе (например, исповедь, участие в обрядах, способствующих возвышению духовного начала личности, и др.). Нарушение нравственной нормы как следствие свободного выбора человека не только разрушает его единство с внешним миром и социальной действительностью, но и уничтожает целостность его внутреннего мира. Усиление или ослабление роли моральных норм в духовном формировании человека и общества соответствует подъему или понижению уровня нравственной культуры.

В практике христианства оценка выступает как одобрение и поддержка нравственных отношений, чувств, поступков либо обличение аморализма в явлениях социальной действительности, образе жизни, чертах характера. Оценка призвана устанавливать соответствие или несоответствие поступка, мотива или поведения в целом категориям

добра и зла, критерием которых выступает принцип любви: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:3).

Если заповеди, идеал, принципы деятельности, нормы и оценки конструируют для христианина субъективную модель внешнего – природного и социального – мира, то отношение к событиям и явлениям окружающей действительности выражают нравственные чувства (индивидуально обусловленные переживания, возникающие при восприятии и оценке поступков или качеств людей и самой личности с позиций христианских норм). В конкретной социальной действительности нравственные чувства обуславливают переход от нравственного сознания к поведению. Любовь как главное моральное чувство и состояние христианина определяет его отношение к социальной действительности, и прежде всего другому человеку: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

В социальном пространстве ценность любви как импульс и содержание повседневной деятельности христианина эксплицируется в исполнении заповедей. Данный детерминационно-императивный компонент практики является главным по отношению к миру, общественному служению и собственным эгоистическим интересам. Ценность любви к ближнему – любому другому человеку, оказавшемуся рядом в данный момент времени, – равно как и терпимость, является критерием нравственной деятельности: «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1:4).

Ценность любви обуславливает духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ориентации христианина по отношению к конкретному сегменту социальной действительности. Отношение христианина к социальной действительности реализуется через ценность любви к согражданам и Родине. Любовь к простым людям для Ф. Скорины – основное воплощение любви к Родине. В русской религиозной философии ценность государства возрастает в зависимости от влияния его политики на развитие духовного начала человека. Е.Н. Трубецкой пишет: «Кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, претворилась в рай, то должен благословлять ту силу, хотя бы внешнюю, которая до времени мешает миру превратиться в ад» [14, с. 328]. В.С. Соловьев считает государство относительной ценностью, требующей положительного отношения: «Если совершенное Богоявление есть тот максимум, который составляет действительный конец мирового процесса, то этим оправдан весь процесс, и несовершенное его начало (минимум), и отдельные, относительные стадии прогресса. Тем самым оправдано и государство» [14, с. 329]. Государство в русской религиозной философии осмысливается не как возможная часть царствия Божия, а как ступень, долженствующая вести к нему в историческом процессе. Модус христианского отношения к социальной действительности не соответствует как анархизму, так и безучастному, равнодушному отношению к государству, ограничивающему моральное зло внешними преградами. Например, Сергей Радонежский во время татарского нашествия обратился к князю Дмитрию (впоследствии Донскому): «Иди смело против безбожников и победишь!». Единственным обоснованием войн в христианском вероучении служит исполнение заповеди о любви к ближним – своим согражданам – и необходимость их защиты.

Христианская семья играет важную роль в формировании нравственного сознания (воплощая экзистенцию всего человеческого бытия и самоидентификацию человека) и отношения (способствуя развитию у ребенка способности любить окружающих и закреплению его первых убеждений об иерархии в объективной реальности), проецируемых им впоследствии на отношения в социуме. Строгая иерархичность традиционной христианской семьи раскрывает приоритет интересов ближнего над личными (отец –

мать – старший ребенок – я – младший ребенок) и формирует установку на протяжении всей жизни развивать собственные нравственные формы поведения в соответствии с общественными, коллективными интересами. Семья как социокультурная ценность и основа любого государства выступает посредником между личностью и социальными институтами. Ценность любви в социальной практике христианства – главное условие для создания крепкой семьи, построения гармоничных отношений между ее членами.

Установка, зафиксированная в опыте христианина как предрасположенность воспринимать и оценивать действительность на моральной основе, формирует его готовность к нравственным действиям, ориентированным на приоритет интересов ближнего над собственными, к согласованию личных и общественных интересов. С.Л. Франк отмечает, что «всякая жена и мать, вносящая какой-то свой собственный нравственный стиль в жизнь семьи, ... есть уже творец» [16, с. 284]. В случае, если муж или жена ставят ценности внешнего мира превыше семейных, а выполнение социальных обязанностей – превыше воспитания детей, семья является нестабильной. Факторами деструктивного влияния на личность являются отсутствие структурно-иерархической организации семьи и ценности любви как ее фундамента. В современном мире нарушение данных христианских норм и доминирующая ориентация на эгоизм и моральный нигилизм способствует нестабильности семьи.

Формирование целей для христианина всегда связано с осознанием и преодолением противоречий своего существования на основе признания достоинства: его и других людей. Нравственное отношение христианина к себе и к другим людям складывается благодаря функциональной способности сознания выдвигать и реализовывать жизненные цели, соответствующие системе гуманистических установок. В различении целей, которые ставит перед собой христианин, осмысливающий их в опыте внутреннего принятия или неприятия, определяющую роль играет принцип любви. Соответственно, на нравственную деятельность, поступки и мотивацию, конституируемые целями и установками истинно верующего человека, данный принцип оказывает большее влияние, чем индивидуальные цели и интересы.

Мотивы поступков характеризуют уровень развития нравственной культуры личности, выполняя важную роль в системе моральных регулятивов христианства. Если человек внешне действует в соответствии с христианскими нормами (дает милостыню, посещает храм и т.д.), но при этом желает прославиться, извлекает пользу или испытывает удовольствие, то это свидетельствует о низком уровне развития его нравственной культуры, т.к. при данных мотивах его действия нельзя назвать моральными.

Ценностные ориентации в христианском вероучении связаны с духовным бытием человека, тождеством продуцирования смысловых конструкций, схем и сценариев поведения на моральной основе. В индивидуальной и социальной практике они предполагают стремление к духовно-нравственному творческому состоянию, склонность к постоянному самосовершенствованию и углубленному самоанализу, доброжелательное отношение ко всем людям. Христианский подход при экспликации ценностной ориентации основан на естественном предпочтении модальности «быть» в дихотомии «иметь или быть». Христианские ценностные ориентации удовлетворяют экзистенциальные потребности людей и определяют их мировоззренческие позиции, открывая богатейшие возможности перед каждым к постоянному духовному росту, соответствующему основным тенденциям формирования нравственного поведения личности в обществе.

Ценностные ориентации христианства предполагают определенные духовные и физические усилия и жертвы во имя любви к Богу и ближнему, без которых всякая человеческая деятельность, даже и по призванию, теряет свою духовно-нравственную основу: «Так вянет искусство, не питаемое религиозным духом, мертвеет государственное строительство, и даже военное дело при забвении Христовой правды готовит ги-

бель равно побежденным и победителям» [12]. Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций христианства связано с целенаправленной реализацией евангельских заповедей в повседневной жизни человека, способствующих укреплению принципа любви в его отношениях с людьми, окружающим миром, самим собой. Личность, ориентированная на ценность любви в ее христианском понимании, не только стремится воплотить в своей жизни нравственные нормы, но и оценивает действительность с точки зрения ее преобразования в соответствии с ними, и, изменяя свой внутренний мир, вызывает последовательные конструктивные перемены в своем окружении: семье, трудовом коллективе, социальной группе, государстве, мире.

Ценности христианства как основание внутренней рефлексии личности

Духовные ценности христианства, выражая смысл существования человека и его жизнедеятельности, определяют его отношение к себе и своему внутреннему миру. К таким ценностям относятся любовь, достоинство, совесть, свобода, характеризующие степень восхождения человека к христианскому идеалу на основе нравственного самосознания, самооценки, самоконтроля, саморегуляции, самовоспитания, самодисциплины и др., являющихся структурными компонентами процесса внутриличностной рефлексии. Реализация данных ценностей как важнейших проявлений существования человека, является показателем степени его духовности.

Модус нравственного отношения человека к самому себе и своему внутреннему миру в вероучении и практике христианства обусловлен ценностью уникальной человеческой личности – бессмертного, духовного существа, созданного Богом по своему образу и подобию («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39)). В соответствии с христианским пониманием гуманизма личность любого человека уникальна и бесценна независимо от его сегодняшнего состояния и поведения, т.к. она наделена индивидуальными чертами и свойствами. Поэтому в философии христианства личность ценна сама по себе, а принцип гуманизма распространяется на любого человека, независимо от его социально-политической, гражданской, любой другой позиции, от реального вклада в жизнь общества. В соответствии с принципом антропоцентризма в гуманистической философии Возрождения личность ценится по мере ее приближения к духовно-нравственному идеалу эпохи. Особенностью принципа антропоцентризма в философии христианства является введение ценности человеческого достоинства, раскрывающее гуманистическое понимание личности, ее духовной свободы и нравственной активности. В современных условиях признание ценности любого человека является критерием духовно-нравственного развития общества.

Ценность достоинства человека раскрывается в его призвании реализовать в жизни свои лучшие качества и стать «солью земли» и «светом миру», отвергнув все, что мешает этому. Высшая степень достоинства человека состоит в обретении им подлинной свободы – свободы стать самим собой. Принцип креационизма раскрывает три грани достоинства личности как три традиционных аспекта понимания ценности ответственности в философии христианства, валидных репрезентации опыта нравственного поведения. В соответствии с христианской антропологией и ее центральной проблемой образа и подобия Божия как оснований человеческой личности, дух, в моральном отношении свободный от эгоизма, зависти, гнева, обладает способностью выступать как средство самосознания и реализации сущностного «Я» в предметно-практической нравственной деятельности. По мнению В.С. Соловьева, «дух – есть сущее как субъект воли и носитель блага» [13, с. 252]. В понимании И.А. Ильина, свободный дух человека, выступая как активная воля, является творческой силой и, таким образом, творческим началом человека: «Религиозно-предстоящий человек сознает в себе эту духовную энергию и чувствует ее связь с высшим, священным планом бытия» [4, с. 55].

Второй аспект достоинства раскрывается через категорию ответственности человека в праве «возделывать и хранить» мир природы. Л. Уайт («Исторические корни нашего экологического кризиса») и его последователи, выделяя положение о свободе человека в управлении растительным и животным миром («и да владychествуют они ...над всею землею» (Быт. 1:26)), игнорируют вытекающую из данного права обязанность быть на земле «верным и благоразумным домоправителем» (Лук. 12:42).

И, в-третьих, способность человека к творческому построению своей жизни предоставляет ему возможность участия в самой Божественной природе: «...Дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1:4). В философской системе С.Л. Франка человек предстает как «свободный соучастник Божьего творчества» [16, с. 285]. По мнению Е.Н. Трубецкого, индивидуальная и социальная деятельность человека, содержащая возможность нравственного выбора, позволяет рассматривать каждого человека как сотворца Богу: «Божественная любовь хочет иметь в человеке не автомата, а друга. ...Существо, лишенное свободы, т.е. возможности самоопределения, не могло бы быть свободным сотрудником Божиим, соучастником Его творческого акта» [14, с. 130–131]. В соответствии с божественным планом целью мира является достижение им такого состояния, когда Бог будет все во всем (1 Кор. 15:28). Данный божественный замысел о судьбе мира осмысливается в учении о богочеловечестве В.С. Соловьева, в понимании А.С. Хомяковым соборности как осознании каждым человеком своей свободы и ответственности.

Основывающиеся на свободе воли рефлексивные ценности христианства в повседневной жизни верующего человека можно представить как последовательность «устойчивых навыков правильного действия» в его интенции к морально-нравственному совершенствованию [2, с. 191]. В развитии способности моральной рефлексии важную роль играет институт исповеди как компонент механизма духовно-нравственной регуляции индивидуальной и социальной деятельности приверженцев христианства. Верующий человек имеет возможность соотнести свои поступки с высоким христианским идеалом и, осознав свое несовершенство и несовершенство других, простить их и проявить терпимость, смирение, доброжелательность и добродетельность («твори добро»: милосердие, заботу и т.д.), закрепляя, таким образом, свое нравственное сознание в формах нравственного поведения. При этом внутренним критерием нравственного сознания в человеке, проявляющимся как субъективное переживание соответствия или несоответствия его поведения духовно-нравственным ценностям, в вероучении и практике христианства выступает совесть.

Совесть является центральной категорией среди рефлексивных ценностей христианства, т.к. устанавливает связь морального сознания и поступка с христианскими нормами поведения, выполняя тем самым роль регулятора повседневных действий и отношений людей. Понятие о совести как особом нравственном чувстве, интерпретируемом как нечто изначальное, независимое от социальных условий и телесной организации человека, присутствует не только в христианском вероучении, но и в мировоззренческих системах английских моралистов XVII–XVIII вв., И. Канта, экзистенциализме и интуитивизме. Только поведение, сообразное с совестью, можно назвать нравственным: «Дело закона у них (язычников) написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Однако согласно новозаветной апостольской заповеди совесть не отождествляется с понятием сердца в Ветхом Завете, это новое сознание человека, живущего по нормам Христа.

Свобода как ценность христианства предстает в двух аспектах: 1) как свобода нравственного выбора и условие духовной жизни личности и 2) как результат усилий в самосовершенствовании, ориентированном на эффективное использование ее созидательного потенциала в процессе познания истины. («В лукавую душу не войдет премуд-

рость и не будет обитать в теле, поработанном греху» (Прем. 1:4). Свобода как категория экзистенциального смысла определяет выбор состояния бытия по отношению к дихотомии «добро – зло» [11, с. 126, 128]. Освобождение от эгоистических и утилитарных интересов способствует актуализации ценности совести в нравственном самосознании личности и ее жизненной позиции, являясь критерием нравственной развитости. Диалектика жизни такова, что чем больше человек осознает ценность свободы и ответственности, тем больше утверждается его внутреннее единство с обществом и проявляется его собственная духовно-нравственная свобода. В свою очередь, ценность общественных отношений тем выше, чем более они способствуют свободе нравственного выбора личности.

Утверждение ценностей достоинства, совести, свободы воли, выражающих отношение человека к самому себе, конституирует его стремление к совершенствованию собственного внутреннего мира. Ценность нравственного совершенствования формируется на основе нравственного самосознания, самооценки, самоконтроля, самовоспитания и самодисциплины, являясь результатом духовной жизни: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожеланий плоти: ...ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия» и т.д. Плодами Духа являются «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5:19–23). Процесс нравственного совершенствования становится возможен только на основе интенции индивидуального сознания к моральной рефлексии.

Активная, творческая роль нравственного самосознания как новая грань механизма совершенствования человека раскрыта в сознании и практической деятельности Иисуса, что по существу переводит трансцендентную природу морального закона в план имманентности [9, с. 251]. Важную роль ценность самосознания приобретает в современных условиях, когда общественное одобрение или осуждение за соблюдение или нарушение нравственных норм больше не определяют моральной регуляции личности («Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2 Тим. 3:17). В нравственном самосознании ценности христианства представлены как часть общечеловеческого духовного опыта, что предоставляет человеку возможность использовать их как ориентир для дискурсивных практик.

Ценность самооценки способствует осознанию человеком своего Я в контексте наделения им значением совершенного поступка и проявленного качества. Аврелий Августин в своем произведении «О бессмертии души» пишет, что в процессе выявления несоответствия между наличным и должным, между «ветхим» и «новым» человеком, ему предоставляется возможность осознать необходимость осуществления поворота развития своего внутреннего мира в русло гармонизации и преодоления деструктивных процессов [1, с. 459]. На современном этапе ценность нравственной самооценки как основания внутренней рефлексии индивида способствует изменению им своего сознания, отношения и поведения на духовно-нравственной основе.

Ценность самоконтроля направлена на сознательное самоограничение человеком своих деструктивных поведенческих интенций и преодоление любого негативного воздействия окружающей среды. Кирилл Туровский рекомендует: «Внимай своему образу и житью» [15, с. 397]. В системе рефлексивных ценностей самоконтроль нацелен на репрезентацию опыта нравственного поведения и качественно влияет на формирование культуры поступка личности. Поэтому практика христианства предполагает целеустремленное поведение человека, самостоятельно формирующего для себя нравственные обязанности на основе морального самоконтроля и самооценки совершенных действий.

Ценность саморегуляции актуализирует возможности личности как действенного субъекта своей жизни в преодолении нравственных коллизий и разрешении экзистенциальной ситуации: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлени-

ем ума вашего» (Рим. 12:2). Оптимизации саморегуляции и социальных коммуникаций способствует жизненный кризис. В вероучении христианства он является необходимым внешним фактором саморегуляции и предстает как перерыв постепенности развития личности, предоставляющий ей возможность преобразования ранее сложившихся структур деятельности, общения и личностных характеристик.

В социальной практике христианства ценность самовоспитания представлена нарабатываемыми уровнями терпимости к жизненным кризисам, высочайшей степенью овладения свободой, которая переносима культурой и индивидуальным сознанием. Репрезентация ценности самовоспитания в практике христианства свидетельствует: по мере духовного развития личности становится креативнее и терпимее ее отношение к жизни, уменьшается пространство внутренней борьбы и потребность в трансформации реальности в соответствии с модальностью личностной структуры. В современных условиях функциональной основой нравственного самовоспитания призвано выступить творческое отношение личности к моральным нормам христианства, преобразование их в свою личную нравственную культуру сознания, отношения и деятельности.

Нравственное самосознание является результатом активных усилий личности в развитии духовных аспектов ее индивидуальной практики и социального служения на основе самодисциплины. Ценность самодисциплины способствует формированию целеустремленности человека, систематизации его духовно-нравственного развития. Закреплению ценности самодисциплины во внутреннем мире личности способствуют семейные отношения через выполнение в семье соответствующей своему статусу роли. В своей работе «Отчего происходят домашние неприятности и скорби» Иоанн Златоуст пишет: «Многие ведут войну в домах своих: один встречает войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата. ...А что домашние бедствия суть плоды грехов, и что исполнителями наказания грешнику Бог назначил домашних его, то об этом свидетельствует Божественное Писание» [3, с. 18]. Гармонизация семейных отношений для христианина связана с постоянным духовно-нравственным совершенствованием во имя ближнего и является высшим проявлением ценности любви в повседневной жизнедеятельности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в процессе формирования сознания, чувств, поступков нравственно активной и цельной личности, коррелирующей индивидуальные и социальные интересы во всех сферах своей жизнедеятельности, христианские ценности выступают как оценочное основание. Система христианских ценностей выступает в качестве нравственного идеала и образца поведения в многогранной духовной жизни человека в контексте различных объективных и субъективных условий. Ценности, выражающие отношение человека к своему внутреннему миру, способствуют моральной рефлексии, ориентированной на развитие его индивидуальной, интимной жизни. Нравственное отношение личности к себе выражается в ее деятельности по освоению внешнего мира через оценку собственных поступков в свете высокого христианского идеала. В социальном пространстве ценности христианства, образовавшиеся как итог социализации, коммуникации и опыта повседневной жизни, исполняют роль регулятивов, создающих основу для интерпретации повседневных значений индивидуальной и социальной практики, посредством которой осуществляется межличностная коммуникация и внутриличностная рефлексия.

Духовные ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов нравственного поведения в современном обществе адекватна трем модусам отношения человека: 1) с внешним (природным и социальным) миром (библейские заповеди, христианский морально-нравственный идеал, принципы поведения, общения и дея-

тельности, нормы и оценки); 2) с конкретной социальной действительностью (ценности, выражающие личностное отношение человека к человеку (любовь как главное моральное чувство и состояние, духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации); 3) с рефлексивными ценностями, выражающими отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру (достоинство, совесть, свобода, стремление к самосовершенствованию: нравственное самосознание, самооценка, самоконтроль).

В исторически изменяющихся формах нравственного сознания поколений христианское наследие проявляется в развитии духовной жизнедеятельности общества, обнаруживая преемственность в трансляции нравственных норм духовности. Однако необходимо обратить внимание на невозможность прямолинейного понимания и исполнения христианских норм, руководства ими. Это связано с тем, что характер и формы их репрезентации в индивидуальной и социальной практике могут меняться, что обусловлено инвариантностью решения проблемы смысла и понимания христианских ценностей как образца поведения и духовно-нравственного идеала. В. Франкл в своем произведении «Человек в поисках смысла» постулирует невозможность автоматического выполнения христианских установок и их реализацию вне контекста, без учета реальных обстоятельств и смысловой расшифровки личностью каждой конкретной моральной максимы. В XXI в. духовность как состояние человека, ориентированного на усвоение огромного культурного наследия, а через него христианских ценностей как его неотъемлемой части, открывает доступ к бесконечности действительных и возможных опытов различения смыслов в соотнесенности с конечностью человеческого бытия. Не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации этот смысл меняется. Христианская этика не является жестко абсолютистской, о чем свидетельствует анализ заповедей «Не убий», «Любите врагов ваших» и т.п. в контексте конкретных социально-культурных, экономических и политических условий их применения. Неразрешимая проблема абсолютизма, требующего соблюдения всеми одних норм поведения, независимо от обычаев и социальных условий, состоит в том, что на практике его нельзя реализовать как способ действий, применимый во всех случаях жизни. В контексте выстраивания перспективы для дискурсивных практик поведение, нацеленное на исполнение заповедей «Не лги» будет неприемлемо с точки зрения заповедей «Не убий», если правда подставит человека под удар убийцы. Здесь необходимо учитывать *идеационный* характер христианских каналов и установлений, присущий вообще любым культурным нормам. Речь идет об идеальном моменте тех и других, который действует как «регулятивная идея» и ориентирован на специфическую человеческую способность постигать и развивать высшие идеалы человечества, но буквально, абсолютно невыполним. Относительное, конкретизированное смыслами, выполнение христианских канонов предусматривает достижение реальных целей при движении к идеалам, «пределам». При этом «интервальность» человеческих отношений является важным фактором, обуславливающим особенности духовно-нравственной регуляции индивидуально-го и социального поведения приверженцев христианства. Один тип отношений направляется преимущественно соображениями пользы, другой тип отношений – велением долга, высший тип отношений – влечением сердца, любовью.

Любовь как структурообразующая ценность христианского мировоззрения предоставляет любому человеку возможность выбора в личных решениях. Истинная глубокая вера требует активного усилия, жизненного подвижничества, а порой и самопожертвования ради служения идеалу любви. Эту идею ранее последовательно развивали И.Я. Ильин, Н.А. Бердяев. Реализация христианского вероучения предполагает творчество, т.к. на практике индивиду приходится руководствоваться не самими по себе его требованиями, а их конкретизированным смыслом, индивидуальными мотивами, личностными программами поведения, адаптированными к уникальным проблемным ситу-

ациям. А это предполагает отбор, интерпретацию фундаментальных нравственных требований, «привязку» их к реальным жизненным случаям. Развитие нравственной культуры белорусского социума, ориентированное на сознательное, ответственное и творческое отношение личности к социальной действительности и собственным возможностям, предполагает символически-коммуникативное рассмотрение ценностей христианства, соединяющихся в единое целое на содержательно-смысловом уровне.

Ценности христианства предстают как характеристика идеального образа социальной деятельности и нравственных преобразований, который заложен в самом человеке. Система ценностей христианства представляет собой особый опыт сознательного и творческого отношения к социальной действительности и собственным возможностям, достигаемый активацией работы разума и высших человеческих чувств, в значительной мере определяющих внутренний мир человека и восприятие им реальности как должного и не должного, нравственного и аморального, креативного и деструктивного. В процессе стремления человека к достижению христианского идеала происходит корректировка самосознания, мировоззрения и мироощущения человека, что невозможно без его личных усилий, направленных на раскрытие своего духовно-творческого потенциала и преодоления негативных поведенческих интенций. Таким образом, гармония внутреннего мира человека и формирование его нравственной культуры невозможны без сознательных духовных усилий и работы над собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блаженный, Августин. Об истинной религии / Августин Блаженный // О бессмертии души. – М., 2004. – С. 459–462.
2. Жильсон, Э. Избранное / Э. Жильсон. – СПб. : Университет. книга, 1999. – Т. 1 : Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – 496 с.
3. Златоуст, И. Избранные места из творений Св. И. Златоуста / И. Златоуст; сост. А. Невский. – М. : Синодальная тип., 1897. – 96 с.
4. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 448 с.
5. Короткая, Т.П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т.П. Короткая, А.И. Осипов, В.А. Теплова. – Минск : Молодеж. науч. об-во, 2000. – 71 с.
6. Кураев, А. Христианская философия и пантеизм / А. Кураев. – М. : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997. – 228 с.
7. Лаптенко, А.С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А.С. Лаптенко. – Минск : НИО, 1999. – 201 с.
8. Левяш, И.Я. Христианская идея: утрата и воскрешение смысла / И.Я. Левяш // Культурология. – Минск : ТетраСистемс, 1998. – С. 324–375.
9. Павловская, О.А. Система духовно-нравственной безопасности и современного общества: опыт систематизации / О.А. Павловская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. – 2009. – № 3. – С. 5–12.
10. Риккерт, Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998. – С. 365–391.
11. Севостьянова, Н.Г. Христианские нравственные ценности в системе университетского гуманитарного образования / Н.Г. Севостьянова // Духовно-нравственное и физическое оздоровление общества: состояние, проблемы, поиск эффективных форм и методов : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 дек. 2003 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е.М. Бабосов [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 122–131.

12. Семенов Тян-Шанский, А. Православный катехизис / А. Семенов Тян-Шанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krotov.info/libr_min/s/swift/capter1html. – Дата доступа : 16.05.2013.
13. Соловьев, В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
14. Трубецкой, Е.Н. Избранные произведения / Е.Н. Трубецкой. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 512 с.
15. Тураўскі, К. Творы Кірыла Тураўскага / К. Тураўскі // Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / склад. і навук. рэд. А.А. Мельнікаў. – Мінск, 2000. – С. 252–452.
16. Франк, С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк. – СПб. : РХГИ, 1997. – 448 с.

Lahunouskaya E.A. Values of Christianity as a System of Moral Compass-regulators of Individual and Social Activity

The article reveals the author's vision of the values of Christianity as a system of moral compass-regulators of individual and social activity. Christian values are presented in three categorical Modus human relations – with the outside – natural and social world, with a particular social reality and himself. We investigate the influence of Christianity as a faith and social practices for the implementation of ethical standards and principles in the daily life of modern society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.12.2013

УДК 323.21

Н.Ю. Ротар

МАРКЕРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ УКРАИНЫ

Одним из инструментов электорального выбора является маркеры идентификации, которые избиратель использует в зависимости от их эффективности и уместности в конкретной ситуации взаимодействия. Существующая разница между отдельными дискурсивными артикуляциями в интерпретации европейских политических ценностей политическими партиями в Украине на парламентских выборах 2012 г. не означает невозможности распространения в массовом политическом сознании европейской ценностной модели. Европейское Я политических партий в Украине способно конституировать себя только в диалоге, противопоставляя или сравнивая свои маркеры идентичности с другими. Соответственно процесс распространения европейских ценностей и формирования реакции на соответствующие маркеры идентификации неразрывно связан с процедурой исключения маркеров. Они, основанной на антогонизации внешних по отношению к европейским ценностям «вражеских» идентичностей.

Введение

Исходя из того, что политическая идентичность является совокупностью ориентаций и установок политического субъекта, которые соответствуют формам и методам достижения политических целей и формируется на основе эмоционального отождествления себя с конкретной политической группой, можно утверждать, что избирательный процесс потенциально является наиболее удачным моментом актуализации и конструирования политических идентичностей избирателей. Маркеры идентификации, которые активно распространяются политическими партиями в предвыборном дискурсе, превращаются в важный инструмент электорального выбора, способствуют саморефлексии, самоопределению, ориентации и позиционированию избирателей в политическом пространстве. Поэтому в исследовании маркеров идентичности, присутствующих в партийном дискурсе на парламентских выборах 2012 г. в Украине, мы исходили из того, что именно идентичность задает то поле, в котором субъекты политического процесса осуществляют выбор и совершают те или иные действия, направленные на утверждение или изменение своего политического статуса. С целью сравнения маркеров идентификации, которые использовались парламентскими партиями в предвыборной конкуренции, мы ограничили исследование контекстом европейских ценностей, как одной из наиболее актуальных проблем внутривнутриполитического дискурса в Украине.

Большинство европейцев, размышляя над тем, что такое европейские ценности, могут повторить для себя слова бывшего чешского президента В. Гавела: «Основной комплекс политических ценностей, сформированных духовной и политической историей континента ...состоит из: уважения к уникальности личности и правам человека, свободе и достоинству; принципа солидарности; власти закона и принципа равенства перед законом, защиты меньшинств; демократических институтов; разделения законодательной, исполнительной и юридической власти; политического плюрализма; уважения к частной собственности и частному предпринимательству; рыночной экономики; утверждения гражданского общества» [1]. Такое понимание европейских ценностей общено в ст. 6 Договора ЕС, где записано: «Европейский Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, а также на принципах правового государства, и эти принципы разделяют все государства-члены» [2]. Украинские исследователи рассматривают систему европейских ценностей как совокуп-

ность таких ценностей, как свобода, достоинство, правовое государство, демократия, гражданственность, толерантность, справедливость/солидарность [3, с. 34–38].

На основании синтеза этих подходов нами были определены такие европейские политические ценности, как права человека, демократия, демократические институты, правовое государство, солидарность, свобода, толерантность, политический плюрализм, частная собственность, гражданское общество, которые в совокупности конкретизируют обобщенное понятие «европейские ценности».

Идентификационные маркеры в дискурсе политических партий

Базовым идентификационным маркером в электоральном процессе является концептуальная составляющая предвыборной партийной программы, в которой в сконцентрированном виде отражены программные установки политической партии и ее позиция по актуальным вопросам политического дискурса. Анализ предвыборных программ парламентских партий Украины позволил установить, что модель европейских ценностей как желанная модель для украинского общества констатируются в предвыборных программах ВО «Батькивщина» («Приоритетной задачей станет формирование современной украинской политической нации с неповторимой национальной идентичностью, собственной историей и общим европейским будущим. ...Европейские ценности – это наши ценности» [4]) и УДАРa (путем формирования нового типа отношений между гражданином и государством Украина «сможет вырваться из круга обнищавших коррумпированных режимов и присоединиться к европейскому сообществу» и достичь европейских стандартов жизни: отказаться от политики дешевой рабочей силы, перейти к прозрачной и эффективной социальной политики, способствовать оздоровлению нации, обеспечить качественное образование, поддержать украинский культурный продукт [5]). В программе Партии регионов «получение ассоциированного членства в Евросоюзе, создание зоны свободной торговли, снятие визовых барьеров между Украиной и ЕС» [6] укладывается в тренд «Украине – мировое признание». В предвыборных программах ВО «Свобода» [7] и КПУ [8] проевропейские или евроскептические позиции партий не задекларированы.

Для определения перспективы реагирования украинского избирателя на очерченные партиями маркеры идентификации следует определиться с тем, есть ли вообще в Украине избиратели, которые будут реагировать на идентификационные маркеры, которые распространяются именно партиями. По результатам международного сравнительного социологического исследования, которое проводилось с участием Института социологии НАН Украины, 52,6% опрошенных в Украине утвердительно ответили на вопрос «Есть ли в стране такая политическая партия, которая Вам более близка, чем остальные партии?». Схожие показатели зафиксированы в Исландии (52,7%) и Бельгии (51,7%). Для сравнения: самые низкие показатели партийной идентификации характерны для Польши (21,8%) и Эстонии (30,7%), самые высокие – для Дании (69,5%) и Норвегии (63,4%) [9, с. 23]. Важным для оценки реакции на идентификационные маркеры, продуцируемые политическими партиями, является факт членства в политической партии. В Украине 3,1% граждан являются членами политической партии, что соответствует уровню Чехии (3,3%) и Германии (2,9%). Для сравнения: самый низкий показатель членства характерен для Венгрии (0,9%), самый высокий – для Исландии (20,0%) [9, с. 25]. Итак, несмотря на то, что близкую для себя партию может определить гораздо большее количество граждан во всех европейских странах, чем количество граждан, которые являются членами политических партий, более перспективными с позиций обратной реакции являются не те маркеры идентификации, которые позиционируются в предвыборных программах, большим потенциалом наделены маркеры, продуцируемые предвыборным партийным дискурсом.

Качество партийного дискурса во многом определяется характером и ресурсами медиапространства политической партии. Если Партия регионов на парламентских выборах 2012 г. имела возможность использовать весь комплекс существующих в Украине медиа-ресурсов, то для других парламентских партий они были гораздо уже. Поэтому источником определения маркеров идентификации нами была определена совокупность информации, которая была обнародована на партийных Интернет-страницах в период официального срока предвыборной кампании. Анализ структуры и характера информации партийных Интернет-страниц «Свободы», КПУ, УДАРа, Фронта змін* и Партии регионов позволяет утверждать, что: 1) партии-победители на парламентских выборах 2012 г. аккумулировали важную и нужную для них информацию, которая отражает содержание партийного дискурса, именно в сети Интернет (интервью, выступления, статьи, материалы работы партийных съездов, видео участия лидеров партии в политических ток-шоу); 2) количество партийных спикеров, выступления которых более двух раз встречаются на Интернет-страницах, различна: в КПУ – 19, Партии регионов – 14, у «Свободы» и УДАРа по 7, БЮТ (на примере Фронта змін) – 5. Итак, если структура партийной предвыборной информации для парламентских партий почти тождественна, то формы ее подачи, что во многом определяется личностными характеристиками и стилем коммуникации спикера, были более вариативными у партий с четкой организационной структурой и опытом участия в предвыборных кампаниях.

Традиционно в предвыборном дискурсе используют три основных способа артикуляции маркеров идентификации: обращение к рациональному, к нравственному и к эмоционально-психологическому уровням усвоения политического. Спецификой предвыборной кампании 2012 г. было то, что большинство политических партий, распространяя маркеры идентификации, которые утверждают *Мы*-идентичности, опирались на механизм обращения к рациональному. Посредством использования эмоциональных составляющих в маркерах идентификации происходило увеличение дистанции между *Мы* и *Они*. Ни одна парламентская партия Украины на выборах 2012 г. не использовала прием обращения к эмоциям для усиления идентификационной связи с *Мы*.

Интерпретация европейских политических ценностей «Свободой» осуществлялась с помощью маркеров *Мы*-идентификации, которые объединены идеей могущественного украинского национального и социального государства (таблица 1).

Таблица 1 – Маркеры *Мы*-идентификации «Свободы» (обращение к рациональному)

Ценность	Интерпретация ценности	Маркер идентификации
Демократические институты	Выборы – это единственный реальный механизм, с помощью которого можно изменить власть мирным путем [10].	Выборы – механизм смены власти
Солидарность	Поэтому моя программа ...направлена на построение мощного Украинского Государства на принципах социальной и национальной справедливости [10].	Социальная и национальная справедливость
Правовое государство	Придя в парламент, мы должны устранить все негативные последствия двухлетнего правления Януковича. Т.е. проголосовать за те законы, которые сегодня крайне нужны Украине, и отменить те, которые в течение двух лет принял режим Януковича, и вредящих перспективам развития Украинского государства [11].	Нужные для Украины законы

*Для «Батьківщини» объем информации был сужен до материалов, размещенных на официальных сайтах «Батьківщини» и «Фронта змін»

Продолжение таблицы 1

Толерантность	Опять разыгрывая «языковую» карту, «регионал» ратует за «дальнейшее предоставление русскому статусу государственного языка наравне с украинским языком». На самом деле это означает – «вместо украинского языка» [12].	Украинский язык для государства Украина
Политический плюрализм	«Свобода» никогда не будет сотрудничать с властью, потому что полностью потеряет свой электорат. И «свободовцы» сейчас постоянно говорят, что, если не можете голосовать за «Свободу», голосуйте за «Батькивщину». И наоборот [13]. Мы примем закон о запрете коммунистической идеологии, а также иницилируем проведение публичного процесса над коммунистическим режимом – Нюрнберг-2 [14].	Запрещение коммунистической идеологии
Частная собственность	«Свобода» выступает за запрет приватизации стратегических предприятий, настаивает на проверке законности приватизации всех крупных предприятий и будет возвращать в государственную собственность и собственность трудовых коллективов предприятий, владельцы которых не выполняют социальных, инвестиционных и других обязательств [10]. «Свобода» категорически выступает за запрет в Украине продажи земли сельскохозяйственного назначения [15].	Ограниченная приватизация? Частичная реприватизация

Данные таблицы 1 показывают, что из 10 ценностей маркеры идентификации на уровне обращения к рациональному были предложены и распространялись для 6 ценностей. Для усиления ценностного разрыва с Партией регионов «Свобода» обратилась к инструментам рационального объяснения понимания партией власти свободы как политической ценности. «Одним из вопиющих примеров препятствования оппозиционным политическим силам в ведении предвыборной агитации является запрет распространения агитационных материалов «Свободы» в Донецкой области, срыв наших встреч с избирателями и т.д. В то же время представители Партии регионов не только имеют полную свободу действий, но и грубо нарушают нормы избирательного законодательства» [11]. Свободовская интерпретация политического плюрализма указывает на то, что дихотомия *Мы* – *Они* не совсем соответствует сути данной ценности: «Думаю, те оппозиционеры, которые пошли по мажоритарке и воюют сейчас с едиными кандидатами от оппозиции, делают больше вреда» [16]. Следовательно, возникает кто-то *Другой*, кто при определенных обстоятельствах может быть идентифицирован как *Мы* (те оппозиционеры, которые пошли по мажоритарке как единые кандидаты) или *Они* (те оппозиционеры, которые конкурируют с едиными кандидатами от оппозиции). Одновременно, усиливая разграничения с другими участниками предвыборного процесса на эмоциональном уровне, «Свобода» в интерпретации политического плюрализма придерживается принципа, что в нынешней ситуации «в украинском государстве «третьих сил» быть просто не может. Эти выборы – это выборы между белым и черным, между перспективой построения Украинского национального государства или возвращением к коммуно-советской стране. В этой ситуации нужно еще до выборов четко заявлять: или ты будешь в большинстве с объединенными силами оппозиции, или с властью» [17]. Итак, признавая на рациональном уровне то, что в период предвыборной кампании потенциальный *Другой* может существовать, на эмоциональном уровне такая возможность оспаривается.

С помощью апелляции к эмоциональному измерению политического сознания избирателей «Свобода» конкретизирует ценностный разрыв с Партией регионов:

1. *Демократия* в Украине невозможна, если у власти останется Партия регионов: «Титаник» Партии регионов, который уничтожает Украину, украинский язык, историю, пренебрегает Конституцией, ведет нацию к обнищанию и грозит диктатурой» [18].

2. *Солидарность* в украинском обществе невозможна при условии продолжения социальной политики Партии регионов: «Широко разрекламированные «регионалами» социальные подачки «под выборы», которые власть выдает за «повышение социальных стандартов», вскоре лягут тяжелым бременем на налогоплательщиков, в первую очередь – на мелкий и средний бизнес, который олигархическая власть, очевидно, планирует задушить окончательно» [15].

3. *Правовое государство* невозможно «без устранения этой банды от власти. Для нас, националистов, власть не самоцель, не средство для обогащения, а лишь инструмент для развития украинского государства» [10]. В случае, если у власти останутся «эти бандиты – представители донецкого уголовно-олигархического клана, а также их прислужники – коммунисты, нас в перспективе ожидает государство, которое можно назвать «банановой республикой», государство, где украинец будет рабом и крепостным» [14].

4. *Толерантность* невозможна по отношению к «русским сепаратистам», которые «вместе с Партией регионов и ее многочисленными партийками-сателлитами получили большинство в составе окружных избирательных комиссий. Голоса украинцев будут считать политические силы, которые откровенно выступают за ликвидацию украинской независимости и являются союзниками Партии регионов» [18].

5. *Частная собственность* олигархического характера косвенно, с помощью метафоры Межигорье, привязывается к Партии регионов: «Общенациональную собственность украинцев безнаказанно грабят криминально-олигархические кланы. Под угрозой стратегический ресурс нации – земля, которую олигархи планируют присвоить с 1 января 2013 г.» [19]. Свободу же «устроит только полная и безусловная капитуляция всех врагов Украины, конфискация Межигорья, проверка законности приватизации олигархами крупных предприятий, возвращение выведенных в офшоры капиталов, проверка происхождения богатств всех чиновников и привлечения их к ответственности» [18].

Анализ маркеров *Мы*-идентификации, которые использовались в партийном дискурсе КПУ, показал: все они подавались на русском языке, что само по себе уже является мощным идентификационным сигналом (таблица 2).

Таблица 2 – Маркеры *Мы*-идентификации КПУ (обращение к рациональному)

Ценность	Интерпретация ценности	Маркер идентификации
Права человека	Коммунисты борются за человеческий идеал: построение социалистического общества, основанного на современной экономике, удовлетворении материальных и духовных запросов людей, настоящей власти закона. Всю нашу работу мы строим на демократических принципах, решения принимаем коллегиально [20].	Человеческий идеал
Демократия	Демократическое общество характеризуется не всплесками социальной защиты, а истинным и постоянным положением дел малообеспеченных и тех, кому действительно необходима государственная поддержка [21]. Независимость, как и демократия, возможны только там и тогда, где они имеют под собой материальную основу, а власть принадлежит тем, кто эту материальную основу куёт собственными руками [22].	Коллегиальные решения; социальная защита

Продолжение таблицы 2

Демократические институты	На самом деле выборы – это одна из форм классовой борьбы [23].	Классовый характер демократии
Солидарность	Мы выступаем за закрепление в Конституции реальных гарантий социальных прав населения и принципа первоочередного финансирования социальных статей расходов [24]. Вся социальная составляющая народного бюджета будет базироваться на пересмотре норм прожиточного минимума, а следовательно, – на пересмотре базовых социальных стандартов [23].	Обновление базовых социальных стандартов
Правовое государство	Фракция КПУ голосовала и будет голосовать за снятие неприкосновенности [26]. При этом мы будем настаивать на снятии иммунитета не только с депутатов, но и судей, и президента, и премьер-министра [26].	Снятие неприкосновенности
Толерантность	Поэтому наша позиция в этом вопросе неизменна – русский язык должен получить статус второго государственного. И это должно быть отражено в Конституции [27].	Государственный статус русского языка
Политический плюрализм	Определенно могу сказать только то, что Компартия ни при каких условиях не будет сотрудничать с партиями, исповедующими идеологию национализма и неонацизм [24]. Еще никто не смог в открытой и честной публичной дискуссии доказать неправоту или ошибочность наших предложений. Они панически боятся такого диалога [28].	Честная публичная дискуссия; запрет фашизма и национализма
Частная собственность	Плановость экономического развития, национализация ведущих отраслей экономики, справедливое перераспределение общественных богатств, перестройка международных отношений на основе добрососедства и производственной кооперации – эту программу НЕ сможет осуществить ни одна из буржуазных партий [4]. Если государство неэффективный собственник, то надо говорить, что неэффективным собственником является конкретное правительство, которое неспособно управлять какой-то отраслью, каким-то хозяйством [4].	Плановость экономики; перераспределение собственности; национализация

Для усиления рациональных аргументов в понимании института выборов как механизма классовой борьбы КПУ использовала прием развернутой характеристики *Они*. Характеризуя демократию, при которой у власти не находятся коммунисты, как буржуазную, дискурс КПУ на протяжении всей предвыборной кампании партии был насыщен утверждениями, что особенностями любой «буржуазной демократии является превращение выборов в театрализованное шоу, где за внешними эффектами теряется классовая сущность избирательного процесса. Суть этого шоу строгая и простая – олигархический капитал обманом заставляет миллионы простых людей проголосовать за интересы капитала, а следовательно, за обнищание народа и ограбления страны» [23]. В результате этого «парламент с каждым созывом все больше деградирует» [29].

Окончательному разрыву электората, который положительно отреагировал на расширение маркеров *Мы*-идентификации с другими политическими партиями, способствовало активное использование КПУ приема эмоциональной окраски ценностей, связанных с *Они*. Для создания маркеров идентификации для 5 из 10 политических ценностей был использован приём обращения к эмоциональному. Наиболее активно и вариативно маркеры идентификации распространялись относительно ценностей *плюрализма* и *частной собственности*. Например, ценность политический плюрализм интерпретировалась с помощью маркеров историческая правда («Мы твердо стоим на позиции отстаивания исторической правды. Наш народ – народ-победитель и созидатель,

а не жертва и неудачник, как пытаются представить псевдопатриоты»); коммунисты – последовательные политики («Каждый сегодня может убедиться в том, что единственными последовательными борцами за восстановление восточнославянского братства, защитниками русского языка, противниками фашизации страны и попыток «переписать» историю есть коммунисты» [30]); коммунисты за сотрудничество партий («За последние годы наше сотрудничество с большинством партий носило не чисто политический, а скорее геополитический характер. Многие нынешние парламентские партии – это, по сути, симбиоз монополистическо-капиталистического и компрадорского компонентов, а ряд из них – еще и националистического. ...Надеюсь, в дальнейшем вряд ли будет возможен консенсус представителей упомянутой линии с властью» [31]); коммунисты против «Свободы» («ультранационалистическая «Свобода», открыто проповедующая вражду между народами, уже хозяйничает в Галичине. ...Кто-то скажет, что угроза фашизма преувеличена, потому что мудрый и терпимый народ Украины ни за что не подпустит к государственному рулю отряды нацистов и их бандеровских холуев. Такая беспечность совершенно неоправдана и крайне опасна» [32]).

Наибольшее число маркеров *Мы*-идентификации через обращение к рациональному было создано УДАРом: эта политическая сила обошла вниманием интерпретацию только одной важнейшей европейской политической ценности – свобода (таблица 3).

Таблица 3 – Маркеры *Мы*-идентификации УДАРа (обращение к рациональному)

Ценности	Интерпретация ценностей	Маркер идентификации
Права человека	Гендерное равенство [33]. Я мечтаю о стране, дружественной к своему гражданину. Хочу жить в Европе, но при условии, что страна будет называться Украиной [16]. Мы за равные права и возможности для всех граждан страны [34].	Гендерное равенство. Равенство прав для всех граждан
Демократия	По идеологии мы – правоцентристы, убежденные евроинтеграторы. «Удар» – это демократическая партия [31]. Два года назад вместе со своими коллегами я основал Украинский демократический альянс за реформы («УДАР») для создания национальной партии, которая объединяет сторонников европейских демократических ценностей и свободы экономической деятельности, преданных борьбе с коррупцией [33]. Европа огорчена откатом на демократическом пути, произошедшем в нашей стране. Друзья из разных стран озабочены тем, как помочь украинцам отстоять свои права и свободу, вернуть им ценности, к которым вольнолюбивая Украина так стремилась [16].	Евроинтеграция
Демократические институты	Необходимо вернуть стране парламент как независимый орган власти [34].	Парламент
Солидарность	Что касается людей пожилого возраста, то у нас прописаны пункты, которые касаются социальных стандартов [34]. Мы хотим отказаться от политики дешевой рабочей силы, потому что именно эта практика – платить копейки наемному сотруднику – делает столь ощутимым разрыв между богатыми и бедными в нашей стране [34].	Европейские социальные стандарты
Правовое государство	Намерены внести закон, позволяющий избирателям отзывать чиновников, судей, депутатов, если те не исполняют свои функции, либо действуют в своих интересах, либо превратились в «тушки» [34]. Очень важно провести реальную реформу судебной системы. Первое – необходима выборность судей [34].	Необходимость реформ

Продолжение таблицы 3

Толерантность	Мы единственная партия, которая имеет значительную поддержку по всей стране. И наша задача – объединить, а не раскалывать страну вопросами языка, национальности, отношения к НАТО, Европейскому или Таможенному союзам. ...Наша задача – быть партией всех украинцев, а не какого-то отдельного региона [34].	Объединение страны
Политический плюрализм	Мы намерены сотрудничать с оппозиционными силами. По всем опросам в Раду из партий демократического спектра пока проходят только УДАР и Батькивщина [34]. Візьмемо заяви деяких членів першої десятки «Батьківщини», які щодня всі свої зустрічі по всій країні розпочинають не з агітації за свою політсилу, а з критики «Удару». Опоненти наші – це Партія регіонів і її сателіти [33]. Мы не видим возможности создания политического альянса с Партией регионов и с коммунистами, потому что у нас расходятся представления о будущем нашей страны [35].	Оппозиция; политические альтернативы
Частная собственность	Представители «Удара» выступают за дерегулирование и либеральную экономику [33].	Либеральная экономика
Гражданское общество	Для усиления гражданского общества как минимум нужно начать с ним диалог [34].	Диалог с властью

Оценивая совокупность предлагаемых УДАРом маркеров *Мы-идентификации*, стоит отметить, во-первых, что они больше соответствуют европейскому прочтению политических ценностей и являются потенциально менее конфликтогенными. Во-вторых, отсутствие маркеров для политической ценности *свобода* связано, по нашему мнению, со стремлением избежать проблемы выбора приоритетности в системе *свобода – равенство*, которая и сегодня остается проблемой для европейских демократий.

В отличие от двух проанализированных выше дискурсов «Свободы» и КПУ дискурс УДАРа в эмоциональном срезе является безобъектным, т.е. *Они* могут произвольно определяться теми избирателями, которые отреагировали на *Мы-идентификационные* маркеры УДАРа. Так, конкретизируя политическую ценность *права человека*, О. Герасимьюк отмечает: «Прожиточный минимум должен давать человеку возможность быть человеком, а не нищим. И об этом надо заботиться имущим, а не вывозить капитал в офшоры или тратить на выборы правящей партии бюджетные деньги и не выдавливать из людей налоги на свои нужды» [16]. Определяя маркером объединения с *Мы-идентификациями* категорию «нищий», избиратель имеет возможность произвольной интерпретации категорий «власть» и «правящая партия», ведь вывозили деньги в офшоры не только в электоральном цикле 2007–2012 гг., а бюджетные средства расходовались на предвыборные кампании правящих партий всего периода независимости Украины.

Подобная безобъектность характерна и для эмоционального размежевания с *Они* в интерпретации ценности *толерантность*. О том, что это сознательно выбранная тактика УДАРа, которая оставляет возможность для участия в разноплановых коалициях после выборов, свидетельствует партийная позиция, обнародованная в нетипичной для М. Матиос манере: «Можно к этому времени пытаться делить нацию на «своих» и «чужих» по языковому, региональному или политическому принципу? Нет, нет, нет и еще раз нет! Нет хороших или плохих наций, стран, народов. Есть конкретные плохие люди. Или неплохие. Честные или злодеи. Негодяи или порядочные. Человеческое в человеке не зависит от идеологий, ни от времени, ни от власти, а только от воспитания, Бога и совести. ...Разделение по названным вами принципам – это очень большой тор-

моз для перспективы любой страны, не говоря уже об Украине» [36]. Т.е. *Они* (Кто?) разделяют граждан Украины на своих и чужих, а *Мы* (УДАР) этого не делаем. Ответ на вопрос «Кто *Они*?» каждый дает индивидуально: это политические противники (КПУ), политические конкуренты (Партия регионов) или вероятные партнеры («Свобода» и «Батьківщина»).

На парламентских выборах 2012 г. наиболее тематически ограниченным был дискурс ВО «Батьківщина». Несмотря на то, что эта политическая сила аккумулировала информационные и интеллектуальные усилия многих политических партий Украины, основной темой, которая эксплуатировалась, была тема незаконного содержания под стражей Ю. Тимошенко и Ю. Луценко. Но, несмотря на фокусирование внимания избирателей на европейскости Украины, она не была вложена в контекст европейских ценностей, в частности, ценностей свободы, правового государства, прав человека (таблица 4).

Таблица 4 – Маркеры *Мы*-идентификации «Батьківщини» (обращение к рациональному)

Ценность	Интерпретация ценности	Маркер идентификации
Демократия	Мы построим европейскую Украину, обеспечим будущее для каждого из вас, сделаем все, что мы обещали на этих выборах [37].	Европейская Украина
Правовое государство	Согласно этому закону мы заставим каждого чиновника декларировать не только его доходы, но и расходы, которые он осуществляет в течение года. А то у него декларированные доходы – 100 тыс. гривен в год, а расходы – миллион [38].	Декларирование доходов
Толерантность	Украина должна иметь партнерские отношения и с Российской Федерацией, однако «с тремя нет»: «Нет таможенному союзу. Нет военному блоку. Нет русскому языку как государственному [39].	Партнерские отношения

Данные таблицы 4 показывают, что ограниченность в избирательном дискурсе одной темой привела к тому, что «Батьківщина» посредством обращения к рациональному распространяла только три маркера идентификации. В эмоциональном измерении размежевание с *Они* использовалось относительно ценностей: *права человека* («Или мы хотим быть услугой этой власти, которая строит авторитарный режим, не беспокоится о надлежащем статусе граждан, или мы будем выбирать другой путь развития – европейский» [40] (маркер: *Они* оценивает граждан как услугу); *демократические институты* («Верховная Рада за период президентства Януковича превратилась в базар, на котором ходят миллионы долларов и на котором торгуют голосами украинцев» [41] (маркер: *Они* превратили ВРУ в базар, на котором все покупается и продается); *толерантность* («Показала нашему политическому оппоненту – Партии регионов, кто в доме хозяин. А в доме хозяин «Батьківщина», «Свобода» и народ Украины [37] (маркер: *Они* не могут быть властью в Украине); *частная собственность* («Все в стране принадлежит нескольким людям. Они уже прибрали к своим рукам все, что только можно было: газ, электроэнергию. И нет возможности развивать экономику, когда все находится только в одних руках» [44] (маркер: *Они* монополисты). *Они* в партийном дискурсе «Батьківщина» определяются достаточно четко: это Партия регионов. Последняя же в отличие от всех парламентских партий в своем предвыборном дискурсе не опиралась на продуцирование и распространение маркеров *Мы*-идентификации, а осуществляла утверждение маркеров *Мы*-идентичности. Такой подход в сконцентрированном виде был вложен в базовый лозунг предвыборной кампании Партии регионов: «Мы не агитируем – мы от-

читываемся» (таблица 5). Единственная интерпретация *Они* была использована Партией регионов относительно действий оппозиции, которая и в поствыборный период будет оставаться ею: «И после выборов они не смогут сформировать ни коалицию, ни нормальную оппозицию» [44].

Таблица 5 – Маркеры *Мы*-идентичности Партии регионов (обращение к рациональному)

Ценность	Интерпретация ценности	Маркер идентификации
Свобода	Я агитировала людей за то, чтобы они делали свободный выбор, чтобы они были честными перед собой [44]. Агитировать «за» или «против» – гарантированное право каждого [45].	Свободный выбор
Демократия	Ключевой вещью в демократии являются ответственность и отчетность [46].	Ответственность
Демократические институты	Выборы – это экзамен для всего общества [47]. Присутствие оппозиции очень ощутимо, и критику власти выражают все, кто этого хочет [46]. Нынешнее единство оппозиции завершится ее значительной фрагментацией после выборов, поскольку уже сейчас наблюдаются значительные противоречия в программах и интересах оппозиционеров [48].	Выборы; оппозиция
Солидарность	Мы же со своей стороны гарантируем стабильность развития нашего государства и решение всех накопившихся социальных вопросов [49]. Доступное жилье, повышение материальной помощи при рождении ребенка, обеспечение равных возможностей для получения качественного образования, обеспечение качественной и доступной медицинской помощи, контроль за ценами на лекарства, бесплатные лекарства тяжелобольным, повышение пенсий и социальных выплат [50].	Стабильность развития; социальные выплаты
Правовое государство	И норму о том, что кандидат в депутаты может быть снят с выборов за нарушение законодательства, надо будет обязательно включить [44].	Предупреждение нарушений законов
Толерантность	Сейчас государственный язык продолжает развиваться, даже началось движение в развитии сфер его применения. Но те, кто стремятся пользоваться своим родным языком, теперь имеют для этого все юридические возможности [46].	Языковая политика
Политический плюрализм	Имеется беспрецедентный уровень конкуренции. И это хорошо. Это доказательство того, что наше общество не авторитарное и не диктаторское [47].	Политическая конкуренция
Частная собственность	Постепенные, системные и согласованные действия всех ветвей власти, направленные на улучшение инвестиционного и бизнес-климата, позволят уже через несколько лет существенно улучшить основные экономические показатели [51]. Решения, которые влияют на условия предпринимательской деятельности, состояние инвестиционного климата, деловую активность в стране, никогда не должны приниматься в кабинетах чиновников. Это должен быть общий продукт государства, экспертов, научной среды и тех людей, которые создают в стране рабочие места [52].	Инвестиции; бизнес-климат

Продолжение таблицы 5

Гражданское общество	Мы против существования любых карманных общественных организаций: это нарушает саму суть их работы. Мы таких объединений не создавали, не имеем и создавать не будем, но будем сотрудничать с теми организациями, которые есть и которые реально представляют мнение народа [47].	Активные общественные организации
----------------------	---	-----------------------------------

Анализ маркеров идентификации, которые использовались на парламентских выборах 2012 г. в Украине парламентскими партиями, свидетельствует, что базовая европейская политическая ценность – демократия – на уровне обращения к рациональному или эмоциональному срезам политического сознания избирателей почти не актуализировалась. Контекстом фактического игнорирования демократии как политической ценности, которая продуцирует соответствующие маркеры идентификации и идентичности, в украинском партийном дискурсе на парламентских выборах 2012 г. является, во-первых, уровень удовлетворения тем, как работает (действует) демократия в стране. В Украине уровень удовлетворения (по 10-балльной шкале) составляет 4,31 (для сравнения: самый высокий уровень характерен для Дании (7,31), самый низкий – для Португалии (3,35) [9, с. 26]. Во-вторых, число граждан, согласных с тем, что нужно запретить политические партии, которые выступают против демократии (из 24 европейских стран самый низкий средний балл зафиксирован в Украине (3,20), а наибольшее количество тех, кто соглашается с необходимостью запрета политических партий, выступающих против демократии, зафиксировано в Германии (4,05) [9, с. 27].

Меньше всего при актуализации европейских ценностей в предвыборном партийном дискурсе использовался прием апелляции к морали и нравственности. В частности, такие ценности, как свобода, толерантность и гражданское общество, вообще не интерпретированы в контексте нравственности ни одной парламентской партией. КПУ считала, что власть получит моральное право говорить о характере интеграционного выбора только после всеукраинского референдума, на котором «народ определит, каков его интеграционный выбор» (маркер выбор вектора интеграции связывается с ценностью прав человека) [53]. Вместе с тем КПУ высказывает свою позицию относительно моральных аспектов перераспределения собственности. Отвечая на вопрос журналиста о том, справедливо ли забирать предприятие у человека, пусть даже возвращая расходы, лидер коммунистов дал четкий ответ: «Вы знаете, когда мы говорим о морали, то не нужно забывать историю. Вот кто из нынешних олигархов построил хотя бы один металлургический комбинат? Кто из них построил хотя бы одну электростанцию? Никто» (маркер – перераспределение собственности как принцип экономической политики) [25]. В контексте перераспределения собственности апеллирует к морали и партийный дискурс «Свободы»: «Бизнесменам от оппозиции во время этой распродажи хоть что-то достанется? О чем вы говорите? Здесь не достается своим бизнесменам, потому что есть приближенная пятерка лиц. Власть не раскладывает имущество в разные корзины, а концентрирует в одних руках» (маркер – перераспределение собственности в зависимости от принадлежности к власти; собственность как таковая не отрицается) [13].

УДАР выводит собственные идентификационные маркеры в плоскость ценности политического плюрализма, отмечая, во-первых, что «в политике есть только один способ защиты: публичность. Начиная от моральной поддержки и заканчивая публичными мероприятиями по защите». Во-вторых, что «дружественный огонь» – это когда целишься по врагу и случайно попадаешь в своих [54]. Поэтому на реальной войне «дружественный огонь» – это всегда трагедия. Но когда сознательно бьешь по своим – это называется совсем по-другому. ...Чем могут закончиться переговоры, на которых одна

из сторон, присваивая себе монополию на истину, не допускает даже мысли о компромиссе» (маркер – принципы политических отношений) [30]. Другую интерпретацию данного маркера идентичности встречаем в позиции КПУ: «Стоит ли удивляться тому, что депутаты от всех ЭТИХ партий – пресловутые «тушки» – постоянно перебегают из одной партии в другую в зависимости от того, где в данный момент находится центр власти и источник связанных с обладанием ею материальных благ? Таким образом, коммунисты являются не только политической, но и нравственной альтернативой олигархического режима» [30].

Заключение

Итак, маркеры идентификации, которые избиратель использует в зависимости от их эффективности и уместности в конкретной ситуации взаимодействия, выступают в роли одного из инструментов электорального выбора. Именно поэтому партии, которые являются субъектами избирательного процесса, заинтересованы в рациональной, эмоциональной и моральной маркировке наиболее значимых проблем общественного развития и политических ценностей, через которые происходит восприятие и оценка политического в том или ином обществе. Зафиксированная разница между отдельными дискурсивными артикуляциями в интерпретации европейских политических ценностей политическими партиями в Украине не означает невозможности распространения в массовом политическом сознании европейской ценностной модели. «Свобода» и КПУ, которые являются наиболее индоктринальными парламентскими партиями в украинском парламенте, распространяли во время избирательной кампании наиболее узнаваемые и одновременно удаленные от европейского понимания маркеры *Мы*-идентификации по отношению к большинству политических ценностей, параллельно усиливая разрыв с *Они* с помощью эмоциональной составляющей партийного дискурса. УДАР как партия, находящаяся на этапе «всплытия», для обеспечения максимально возможной поддержки избирателей распространяла наиболее нейтральные маркеры *Мы*-идентификации относительно всего спектра европейских политических ценностей, избегая (там, где это возможно) конкретизации сути *Они*. Таким образом, процессы распространения европейских ценностей и формирования реакции на соответствующие маркеры идентификации неразрывно связаны с процедурой исключения маркеров *Они*, основанной на антогонизации внешних по отношению к европейским ценностям «вражеских» идентичностей. Соответственно, европейское *Я* политических партий в Украине способно конституировать себя только в диалоге, противопоставляя или сравнивая свои маркеры идентичности с другими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавел, В. Существует ли европейское самосознание, существует ли Европа / В. Гавел. – Дипкуррьер НГ, 2000. – 13 июля.
2. Штретеншульте, Е.Д. Европейский Союз – просто и понятно: факты и связи / Е.Д. Штретеншульте [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kas.de/wf/doc/kas_17802-1522-13-30.pdf?091012121025.
3. Цінності об'єднаної Європи. – Київ, 2013. – 45 с.
4. Голуб, А. Европа совершает «левый» поворот / А. Голуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/aleksandr-golub-evropa-sovershaet-levyj-povorot/>.
5. Передвиборна програма Політичної партії «УДАР (Український Демократичний Альянс за Реформи) Віталія Кличка» «Від успіху людини – до успіху країни» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/WP502?pt001f01=900&pf7171=55>.

6. Передвиборна програма Партії регіонів «Від стабільності – до добробуту» [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/WP502?pt001f01=900&pf7171=50>.
7. Передвиборна програма Всеукраїнського об'єднання «Свобода» «Своя влада – Своя власність – Своя гідність на СВОїй, БОгом ДАній землі» [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/WP502?pt001f01=900&pf7171=71>.
8. Передвиборна програма Комуністичної партії України «Повернемо країну народу!» [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/WP502?pt001f01=900&pf7171=11>.
9. Головаха, Є. Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження / Є. Головаха, А. Горбачик, Н. Паніна. – Київ : Ін-т соціології НАНУ, 2006. – 142 с.
10. Кандидат-свободівець Ігор Млавський : слово до земляків-єнакіївців [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org.ua/diyalnist/komentari/032588/>.
11. Тягнибок, О. Ми маємо усунути перешкоди для розвитку Української держави / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tyahnibok.info/diyalnist/novyny/033032/>.
12. Тягнибок, О. У планах подальших «покращень» біло-блакитно-червоної коаліції – репресії та продовження лінгвоциду / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tyahnibok.info/diyalnist/novyny/033036/>.
13. Бондар, О. Якщо Ющенко хвалить «Свободу», значить влада дала наказ її валити / О. Бондар [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org.ua/diyalnist/komentari/033215/>.
14. Тягнибок, О. Ми обираємо не просто новий парламент, а майбутнє Української Держави / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tyahnibok.info/diyalnist/novyny/033818/>.
15. Тягнибок, О. Вирішення нагальних соціально-економічних проблем «регіонали» підміняють цинічним виборчим популізмом / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tyahnibok.info/diyalnist/novyny/033836/>.
16. Герасимьюк, О. Мне не нужен депутатский иммунитет / О. Герасимьюк [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://kr.ua/daily/081012/359857/print/>.
17. Тягнибок, О. При нинішній ситуації в державі «третіх сил» бути не може / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tyahnibok.info/diyalnist/novyny/033735/>.
18. Вітів, А. «Свобода» потопить олігархічний «Титанік» Партії регіонів / А. Вітів [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org.ua/diyalnist/komentari/033128/>.
19. Тягнибок, О. Відозва Всеукраїнського об'єднання «Свобода» до Дня Незалежності / О. Тягнибок [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org.ua/diyalnist/komentari/032070/>.
20. Комнацкий, А. Задача коммунистов – построить социально ориентированное общество / А. Комнацкий [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/aleksandr-komnackij-zadacha-kommunistov-postroit-socialno-orientirovan-noe-obshhestvo/>.
21. Сколько должны получать пенсионеры? [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/skolko-dolzheny-poluchat-pensionery/>.
22. 21 год по пути от «homo sapiens» к «homo ukrainian», или зависимая «независимость». Интервью с Петром Симоненко [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/uspehi-i-porazheniya-21-goda-nezavisimosti/>.

23. Симоненко, П. Украине нужно народное правительство – правительство для народа и ответственное перед народом / П. Симоненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/petr-simonenko-ukraine-nuzhno-narodnoe-pravительство-dlya-naroda-i-otvetstvennoe-pered-narodom/>.

24. Симоненко, П. Завтра будешь жить так, как проголосуешь 28 октября / П. Симоненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/petr-simonenko-zavtra-budesh-zhit-tak-kak-progolosuesh-28-oktyabrya/>.

25. Симоненко, П. У нас есть только два пути, третьего не дано / П. Симоненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/petr-simonenko-u-nas-est-tolko-dva-puti-tretego-ne-dano/>.

26. Бук, Т. КПУ отменит неприкосновенность власти / Т. Бук [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/kpu-otmenit-neprikosnovennost-vlasti/>.

27. Симоненко, П. Мы предлагаем альтернативный курс развития / П. Симоненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/petr-simonenko-my-predlagaem-alternativnyj-kurs-razvitiya/>.

28. Голуб, А. Нельзя вот так просто перечеркнуть жизнь нескольких поколений / А. Голуб [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/aleksandr-golub-nelzya-vot-tak-prosto-perecherknut-zhizn-neskolnix-pokolenij/>.

29. Мартынюк, А. Нужно строить новую Украину – на основах справедливости, социального равенства и гуманизма / А. Мартынюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/adam-martynyuk-nuzhno-stroit-novuyu-ukrainu-na-osnovax-spravedlivosti-socialnogo-ravenstva-i-gumanizma/>.

30. Наша задача – помочь трудящимся взять власть // Доклад П.Н. Симоненко на 45 съезде Компартии Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/nasha-zadacha-pomoch-trudyashimsya-vzyat-vlast-doklad-p-n-simonenko-na-45-sezde-kompartii-ukrainy/>.

31. Царьков, Е. Коммунисты ответственны исключительно перед своими избирателями / Е. Царьков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/evgenij-carkov-kommunisty-otvetstvenny-isklyuchitelno-pered-svoimi-izbiratelyami/>.

32. Остановим фашистов! [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/ostanovim-fashistov/>.

33. Геращенко, И. «Удар» – це рятівне коло опозиції / И. Геращенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://klichko.org/ua/news/publications/irina-gerashchenko-udar-tse-ryativne-kolo-opozitsiyi/>.

34. Кличко, В. О том, за какую справедливость бороться украинцам / В. Кличко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://klichko.org/ua/news/publications/vitaliy-klichko-o-tom-za-kakuyu-spravedlivost-borotsya-ukraintsam/>.

35. Кличко, В. Наш рейтинг растет, и многих это сегодня серьезно беспокоит / В. Кличко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ua/doc/2041187>.

36. Кличко, В. Предвыборная кампания на Украине была очень грязной / В. Кличко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ria.ru/interview/20121026/907029312.html>.

37. Матиос, М. Кровь не имеет нации / М. Матиос [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://klichko.org/ua/news/publications/mariya-matios-krov-ne-imeet-natsii>.

38. Завершення виборів – це початок нової країни. – А. Яценюк на мітингу Об'єднаної опозиції [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://frontzmin.ua/ua/media/news/none/13557-zavershennja-viboriv-tse-pochatok-novoyi-krayini-arsenij-jatsenjuk-na-mitingu-obednanoyi-opozitsiyi.html>.

39. Боротьба з корупцією – завдання номер один для Об'єднаної опозиції. – А. Яценюк на зустрічі з миколаївцями [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

<http://frontzmin.ua/ua/media/news/none/13253-arsenij-jatsenjuk-zustrivsja-z-mikolayivtsja-mi.html>.

40. У разі вступу до Митного союзу в Україні залишиться лише гімн, герб і офіс президента. – А. Яценюк у Львові [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://frontzmin.ua/u33a/media/news/none/13471-u-razi-vstupu-do-mitnogo-sojuzu-v-ukrayini-zalishitsja-lishe-gimn-gerb-i-ofis-prezidenta-arsenij-jatsenjuk-u-lvovi.html>.

41. Гриневич, Л. Ці вибори – переломний момент, коли від нас залежить майбутній шлях країни / Л. Гриневич [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://frontzmin.ua/ua/media/news/none/13437-tsi-vibori-perelomnij-moment-koli-vid-nas-zalezhit-majbutnij-shljah-krayini-lilija-grinevich.html>.

42. Яценюк, А. Після виборів у парламенті буде проєвропейська демократична більшість, а ПР піде в опозицію / А. Яценюк [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://frontzmin.ua/ua/media/news/none/13356-pislja-viboriv-u-parlamenti-bude-proevropejska-demokraticzna-bilshist-a-pr-pide-v-opozitsiju-arsenij-jatsenjuk-video.html>.

43. Яценюк, А. Найкращий план розвитку економіки – в Угоді про асоціацію з ЄС / А. Яценюк [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://frontzmin.ua/ua/media/news/none/13205-najkraschij-plan-rozvitku-ekonomiki-v-ugodi-pro-asotsiatsiju-z-es-arsenij-jatsenjuk.html>.

44. Дайджест роботи офіційного прес-центру Партії регіонів 18 жовтня 2012 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : www.partyofregions.org.ua/.../508038dac4ca42bb1d000a5d.

45. Герман, Г. Найкращим результатом для Партії регіонів стануть чесні та прозорі вибори / Г. Герман [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/508a87533fcad02764000010>.

46. Забарський, В. Жодним актом законодавства не передбачено заборони громадянам висловлювати власні думки і переконання / В. Забарський [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/50895e523fcad06a46000111>.

47. Дайджест роботи офіційного прес-центру Партії регіонів 17 жовтня 2012 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/event/507ec964c4ca42bb1d0008aa>.

48. Дайджест роботи офіційного прес-центру ПР 16 жовтня 2012 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/event/507ec52fc4ca42bb1d00086d>.

49. Дайджест роботи офіційного прес-центру Партії регіонів 25 жовтня 2012 року [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/event/508983853fcad06a4600011f>.

50. Єфремов, О. Партія регіонів гарантує стабільність розвитку держави і вирішення всіх проблем та соціальних питань, що накопичилися / О. Єфремов [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/508ad6fc3fcad04c5f000035>.

51. Рибак, В. У Партії регіонів є достатньо сил, волі, досвіду та високо професійних кадрів, щоб забезпечити виконання своїх обіцянок / В. Рибак [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/508aa9523fcad04c5f000017>.

52. Кінах, А. Найкращим партнером для держави є вітчизняний бізнес / А. Кінах [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.partyofregions.org.ua/ua/news/5086b5ca3fcad0566f000008>.

53. Симоненко, П. Хватит платить за евроинтеграцию! / П. Симоненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kpu.ua/petr-simonenko-xvatit-platit-za-evrointegraciyu/>.

54. Ковальчук, В. За место в списке УДАРа предлагали \$15 млн / В. Ковальчук [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://klichko.org/ua/news/publications/vitaliy-kovalchuk-za-mesto-v-spiske-udara-predlagali-15-mln>.

Rotar N.J. Identity Tokens in the Electoral Discourse of Parliamentary Parties in Ukraine

One of the tools of electoral choice is identity tokens, which voters use depending on their effectiveness and appropriateness of the specific situation of interaction. The difference between different discursive articulations in the interpretation of European political values by the political parties in the Ukraine's parliamentary election in 2012 does not mean inability to spread in mass political consciousness of the value of the European model. European I of political parties in the Ukraine is able to constitute itself only in the dialogue, contrasting or comparing it with other markers of identity, respectively, the spread of European values and creating a reaction to the corresponding markers identification is inextricably linked to the procedure except for the markers *they* based on European values opposite to external «enemy» identities.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.02.2014

УДК 316.334.3 (476) (043.3)+316.614-053.81 (476) (043.3)

Ф.И. Храмцова**ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО КАДРОВОГО РЕЗЕРВА КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ**

Статья раскрывает технологию гендерного подхода в подготовке молодежного кадрового резерва как инновационного направления политики кадрового обеспечения модернизации страны. Проведен теоретический анализ проблемы исследования. Разработана гендерная методология молодежного кадрового резерва как основа руководящих принципов обеспечения равенства возможностей для кандидатов на отбор, подготовку, интеграцию в сферу государственного управления, политическую карьеру. Обоснован структурно-функциональный принцип обеспечения гендерного подхода в подготовке молодежного кадрового резерва на трех взаимосвязанных уровнях: национальном, региональном, локально-территориальном. Проанализирована практика молодежного кадрового резерва. Интерпретированы результаты социологического исследования гендерных проблем кадровой политики в молодежных организациях. Сформулированы рекомендации для государственных органов с целью более активного применения потенциала молодежи, в особенности молодых женщин, в сферу политической власти и государственного управления.

Введение

Цель исследования состоит в разработке гендерной методологии молодежного кадрового резерва как источника обновления политических элит. Задачи включают: разработку понятия «молодежный кадровый резерв» на основе анализа теорий элитологии; раскрытие сущности гендерного подхода в подготовке молодежного кадрового резерва; анализ практики подготовки молодежного кадрового резерва; выработку рекомендаций реализации гендерного подхода в подготовке молодежного кадрового резерва.

Актуальность темы исследования обусловлена сохранением в определенной степени гендерного дисбаланса социально-политической сферы в условиях вызовов глобализации, информационных угроз, рисков деструктивного влияния извне на молодежь. В этой ситуации деятельность институтов государства и гражданского общества в отношении молодежи, стратегического ресурса требует обновления. Тема актуальна в свете Послания Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко Национальному собранию и белорусскому народу (19.04.2013 г.) о необходимости более активного включения молодежи в практику государственного управления и строительства. Стратегия Главы белорусского государства требует научных ответов на назревшие запросы общества.

Теоретический анализ проблемы исследования

Потребность общества в эффективном государственном управлении выдвигает на первый план проблему формирования и подготовки политических элит с учетом гендерного фактора. Приоритет государства на модернизацию страны предполагает всеобъемлющее использование инновационного потенциала в равной мере и юношей, и девушек средствами гендерно ориентированной политической селекции. В основе такого подхода фундаментальный глобальный и национальный принцип гендерного равенства как равенства возможностей. Использование гендерного подхода в кадровой политике обеспечивает равные стартовые возможности юношей и девушек в системе отбора, подготовки, интеграции в сферу государственного управления молодежного резерва, ротации, карьерного роста.

Теоретический анализ проблемы показывает, что во все эпохи в разных государствах вопрос отбора и подготовки правящих элит всегда занимал умы правителей и философов. Об этом метафорично свидетельствуют знаменитые диалоги китайского мыслителя Конфуция со своими учениками:

«Цзылу спросил:

– А с кем бы Вы, Учитель, были, когда б вели войска?

Учитель ответил:

– Не с тем, кто может броситься на тигра с голыми руками иль кинуться в реку, не дожидаясь лодки, и умереть без сожаленья. Но непременно – с тем, кто, приступая к делу, полон осторожности и со своей любовью к составлению планов добивается успеха» [1, с. 48].

В настоящее время активно развивается самостоятельная отрасль политической науки элитология, предметом которой выступают тенденции, противоречия, закономерности воспроизводства политических элит. Однако проблема гендерного подхода в политическом рекрутировании молодежи не исследована. Под политической элитой мы понимаем высшую иерархическую социальную группу, обладающую широкими научными знаниями, политико-организационными навыками, моральными качествами. Специфика элиты как феномена состоит в наделении легитимными полномочиями по управлению государством. Элита призвана отражать интересы всех социальных групп, слоев. «Истинная элита» – это результат общественно-исторического развития. Она представляет высший слой общества, необходимый элемент и фактор инновационного развития.

Для понимания механизмов обновления политических элит раскроем ведущие принципы теорий правящих элит. Так, истоки современных концепций правящих элит берут начало в трактатах Сократа (V в. до н.э.), Платона (V–IV в. до н.э.), Аристотеля (IV в. до н.э.). Актуальны выводы философов, заложивших фундамент теорий элитологии, суть которых состоит в национально-государственном подходе к вопросу формирования особой управленческой касты граждан. Первым к изучению политической сферы общества обратился Сократ. Философ указал на безусловную ценность нравственных императивов в политике, отметил роль образования для государственного деятеля: «Есть только одно благо – знание и одно только зло – невежество» [2, с. 113].

Платон в трактате «Государство» впервые раскрыл политическое значение социальной справедливости. Особое значение Платон придавал вопросу отбора и подготовке молодежи к управлению государством. Он отмечает, что из молодых «стражей надо выбрать таких людей, которые ...целью всей своей жизни поставили ревностное служение государственной пользе» [3, с. 712]. Платон первым поднимает проблему равноправного участия женщин в политике. В этой же работе он поясняет: «Нет, одинаковые природные свойства встречаются у живых существ того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах» [3, с. 714]. Ученик Платона Аристотель в трактате «Политика» развивает идеи об элитарности правителей. Аристотель выделяет качества, необходимые правителю: сочувствование существующему государственному строю; большие способности; добродетель и справедливость [3, с. 740].

Философы Древнего Рима Сенека (I в. до н.э.), Квинтилиан (II–I до н. э.) впервые указали на взаимосвязь всеобщего равенства и правителя в его достижении. Сенека в «Письмах к Луцилию» писал: «Он говорит о человеке, а не каком-либо одном избранном народе. Для него общее отечество всех людей – весь мир, космос» [4, с. 305].

В эпоху Средневековья вопросы политического отбора для власти приобретают расширенную трактовку в трудах Н. Макиавелли (1469–1527 гг.). Он раскрыл способы завоевания и удержания власти, сформулировал демократические принципы взаимодействия власти и подданных. В работе «Государь» (гл. IX) Н. Макиавелли пишет: «Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, бесстрашен, не падает духом, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими, мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе, убедится в прочности подобной опоры» [3, с. 779].

Дальнейшее развитие теории элит получили в трудах основателей элитологии, таких как Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, М. Вебер, Ж. Сорель, Э. Дженнингс и др. Идею политического рекрутирования политических элит сформулировал Г. Моска в работе «Основы политической науки» (1896 г.). Он подчеркивает: «Не столько знание само по себе обладает политической ценностью, сколько его практическое применение на благо власти и государства» [5, с. 906]. В. Парето (1848–1923 гг.) исследовал проблему соотношения и взаимодействия правящих и неправящих элит. В «Трактате по общей социологии» (1916 г.) В. Парето раскрывает механизмы циркуляции элит как периодической смены правящей элиты на новую элиту из контрэлит на основе круговорота элит как социального равновесия. М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» (1918 г.) сформулировал типологию политиков, классическую модель политики: «Политика есть мощное, медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером» [6, с. 706]. Р. Михельс разрабатывает механизмы развития политической элитарности. В работе «Социология политической партии в условиях демократии» Р. Михельс раскрывает политико-психологические аспекты элитарности. Им доказано, что ротация элит (обновление) есть важнейшее условие устойчивого развития общества [7].

Таким образом, элитология классифицирует два типа элит: элита этноса и элита правящего класса (псевдоэлита). Первая элита – это настоящая, истинная элита, которая «воплощает сущность этноса, глубину национального мифа, мифологического сознания». Псевдоэлита отчуждена от интересов народа, она «обладает формальными признаками элиты» и «не несет ответственность за все общество» [8, с. 618].

Проблема обновления политических элит приобретает решающее значение в условиях социальной трансформации. Решение проблемы требует инновационных подходов, одним из которых выступает молодежная кадровая политика (далее – МКР) на основе гендерного подхода.

Гендерная методология молодежного кадрового резерва

Понятие «молодежный кадровый резерв» означает методологическую триаду как цель, основу, прогнозируемый результат кадровой политики:

1) молодые, активные, интеллектуально одаренные юноши и девушки, обладающие морально-харизматическими, деловыми качествами, организационно-управленческими компетенциями, мотивацией роста, способностью принимать политические решения и обеспечивать эффективность их реализации;

2) источник воспроизводства политической элиты общества, преданной национально-государственным интересам, обладающей эрудицией, мировоззрением, инновационной культурой, лидерскими качествами;

3) механизм реализации конституционных принципов правового, демократического государства, применение которых не только обеспечивает создание равных стартовых условий для молодежи различных статусов, но и гарантирует гендерное равенство.

Обеспечение принципа гендерного равенства требует применение гендерной методологии в подготовке МКР. Гендерная методология в социальной науке и практике – это достаточно новая категория, которая введена в научный оборот О.А. Ворониной и разрабатывается Е.Н. Каменской, Ф.И. Храмцовой и другими авторами. Положения гендерной методологии государственной политики включают следующие подходы:

1) нормативно-правовые, организационно-управленческие, социально-экономические механизмы повышения общественно-политического статуса женщины;

2) мотивация преобразовательной роли женщины во всех сферах жизни общества;

3) развитие научно-образовательного, экономического, гражданского и политического потенциала женщины, его интеграция в процессы принятия политических решений, в сферу государственного управления;

4) реализация гендерносенситивной кадровой политики на основе учета репродуктивно-семейного статуса женщины в профессиональной карьере [9, с. 43].

Данная методология включает адекватные стратегии ее реализации в условиях инновационного развития трансформирующегося общества с учетом глобализации. Таковыми, в частности, являются следующие актуальные направления кадровой политики государства в отношении женщины:

1) приоритет прав, свобод женщины на личностное, социальное, экономическое, гражданское, политическое самоопределение;

2) гендерная идентичность личности на принципах эргономичности гендерного равенства, в основе которого учет особенностей этнокультуры, традиций, менталитета, верований как идеологической духовной матрицы потенциала женщины;

3) гендерный подход в молодежной кадровой политике как интегральный компонент отбора, подготовки, интеграции, ротации, прогноза профессионального развития;

4) гендерная фасилитация, т.е. поддержка и сопровождение женщины в сфере политики, развития гражданских инициатив, деятельности общественных объединений, органов местного самоуправления;

5) гендерная нейтрализация дифференциаций на рынке труда, развитие вариативности системы разделения, перемены, конкуренции труда в сфере регулирования экономического поведения, мотивации экономической активности и самостоятельности женщины;

6) гендерное измерение статуса личности, индексов включенности в социально-экономические, социокультурные процессы на политико-управленческом уровне.

Детерминанты этих категорий представлены в схеме «Структурно-функциональная модель гендерной методологии кадровой политики в условиях социальной трансформации», из которой видно, что гендерная методология молодежной кадровой политики должна включать систему руководящих принципов сбалансированной селекции кадров:

1) согласование интересов государства, общества, молодежи;

2) расширение равенства доступа молодежи различных статусов независимо от пола к системе отбора, подготовки, интеграции, ротации, мобильности;

3) обеспечение информирования, гласности;

4) гендерная мотивация социально-политического развития кандидатов;

5) фасилитация карьерного роста на основе сочетания семейных, профессиональных обязанностей;

6) гендерная статистика;

7) гендерный мониторинг.

Гендерная методология определяет научность технологии гендерного подхода в подготовке МКР как последовательного процесса воспроизводства государственных кадров, включающего взаимосвязанные этапы:

1) актуализация потенциальных кандидатов;

2) отбор кандидатов;

3) программно-целевая подготовка;

4) интеграция в управленческие структуры;

5) ротация с учетом гендерного статуса специалиста;

6) мониторинг динамики карьерного роста;

7) контроль и управление.

Технология гендерного подхода в подготовке МКР квалифицируется как политическая технология. В этом наша позиция согласуется с подходом В.Ф. Халипова,

трактуящего политическую технологию как «совокупность целенаправленных действий, ориентированных на достижение заданного политического результата, метод «перевода» законов политики в механизм управления» [3, с. 606]. Гендерный подход в воспроизводстве элит представляет инновационный аспект политической технологии. В этом позиция опирается на мнение В.И. Патрушева, рассматривающего политические технологии как инновационные способы социального управления субъектами политики на всех уровнях социальной структуры [10, с. 211].

Применение технологии гендерного подхода в подготовку МКР предполагает структурно-функциональный принцип сбалансированной кадровой политики на 3 уровнях социальной структуры:

- 1) национальном (функция политической селекции из числа студенческой, учащейся и работающей молодежи, включающая подготовку, интеграцию, ротацию);
- 2) организационно-территориальном (функция целевого отбора управленческих кадров, специалистов по работе с молодежью молодежных организаций);
- 3) регионально-локальном (функция поддержки и развития молодежных инициатив, самодеятельности, самоуправления и молодежного лидерства).

Рисунок – Структурно-функциональная модель гендерной методологии кадровой политики в условиях социальной трансформации

Практика гендерного подхода в государственной политике МКР

Рассмотрим направления государственной политики молодежного кадрового резерва на белорусском материале.

В основу анализа положены материалы работы С.Н. Князева, М.В. Ильина, А.Е. Мацевило «Перспективный кадровый резерв в контексте государственной политики». Авторы отмечают, что понятие «перспективный кадровый резерв» вошло в лексикон политики управления в значении «специально сформированной группы студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, специалистов в возрасте до 31 года, имеющих лидерские и организаторские качества, способных к управленческой деятельности в государственных органах (организациях)» [11]. По мнению авторов, МКР следует осуществлять на основе открытого конкурса на уровнях политической системы Республики Беларусь, государственного управления, кадровой, молодежной и образовательной политики.

Контент-анализ показал, что ключевая роль в политике МКР принадлежит государству. Указ Главы государства от 26 июля 2004 г. № 354 официально закрепил понятие «перспективный кадровый резерв». Произошли коренные изменения в политике государственных ведомств, подразделений в кадровой работе с молодежью. Разработаны мероприятия нормативно-правового, научно-методического, организационно-технического характера. Закреплены функции органов государственного управления, подведомственных учреждений, обеспечивающих получение высшего образования. Политику МКР осуществляют республиканские, местные органы государственного управления, Академия управления при Президенте Республики Беларусь.

Последние 15 лет отмечены позитивной динамикой представительства женщин и молодежи в высших органах власти и государственного управления. По статистике интеллектуально-образовательный ценз девушек в сравнении с юношами высокий.

Практика показывает: наниматели при трудоустройстве специалиста отдают предпочтение юношам. Этот факт подтверждают вопросы, заданные студентами на встрече с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко [12, с. 246]. Глава государства подчеркивает роль гендерного равенства, необходимость предотвращения дискриминации женщин, в особенности в сфере политики и управления.

Эмпирическое исследование уровня реализации гендерного подхода в государственной политике молодежного кадрового резерва

Реализация гендерного подхода на уровне различных ведомств, связанных с карьерными интересами молодежи, молодых женщин, осуществляется неоднозначно. Приведем данные нашего социологического исследования 2012 г.: автором были опрошены руководители Минской городской молодежной организации ОО «БРСМ», некоторые руководители ЦК ОО «БРСМ» (9 человек: 6 мужчин и 3 женщины). Выборка обусловлена объективными причинами, вытекающими из штатного расписания этих структур.

Анализ полученных результатов подтверждает, что самооценки мужчин-руководителей и женщин-руководителей по главным вопросам в основном совпадают. Вместе с тем наблюдались некоторые гендерные противоречия. Общим в ответах было понимание респондентами значимости гендерного фактора молодежной кадровой политики. По нашему мнению, интервьюируемые принадлежат к новому типу управленческой элиты. Основными качествами, актуальными как для женщин, так и для мужчин, являются эрудиция, прагматизм, харизма, мобильность, направленность на инновации. Обе группы проявили нескрываемый интерес к вопросам гендерной политической проблематики. Вопросы интервью включали два блока: 1) самооценка женщинами и мужчинами гендерных деловых, психологических особенностей; 2) отношение к проблеме гендерного подхода в молодежной политике.

Восемь из девяти считают, что гендерный подход – необходимый элемент эффективной политики в отношении молодежи. Результаты опроса показали, что мужчины оценивают высоко моральные, деловые качества женщин, главных специалистов городского и районных комитетов ОО «БРСМ». По общему мнению, интеллект женщин оценивался высоко – 100% (значительно выше, чем у мужчин-руководителей). Женщины обладают высокой работоспособностью, отличной памятью, гибкими управленческими решениями. На вопрос «Испытываете ли Вы трудности во взаимодействии с женщинами?» 4 из 6 опрошиваемых мужчин ответили: «Чем выше политико-управленческий потенциал женщины, тем менее она открыта и более конфликтна». На вопрос «Чем это можно объяснить?» отвечали: «Влиянием напряженной управленческой деятельности». Некоторые из интервьюируемых (2 из 6) отметили, что женщине нужно постоянно доказывать свой профессионализм.

Все опрошенные женщины проявили озабоченность карьерными предпочтениями политического руководства в отношении преимущественного продвижения мужчин-руководителей. В этом, по их мнению, проявление одной из сторон гендерного неравенства в кадровой политике. Отмечена необходимость научно-методического обучения навыкам гендерного подхода и анализа различий в сфере потребностей, интересов, смыслов жизни молодежи с учетом пола. Интервью отражает наличие гендерных проблем в молодежных организациях. Они состоят в постоянном оттоке женского управленческого ресурса в связи с переходом в другую возрастную группу, переменами статусов, замужеством, рождением детей и т.д.

Заключение

Гендерный подход в подготовке МКР требует совершенствования на уровне гендерной компетентности субъектов молодежной кадровой политики, информатизации гендерной статистики и мониторинга. Это будет способствовать росту представительства молодежи, женщин в политико-управленческом корпусе страны.

Результаты исследования представляют интерес для органов законодательной, исполнительной власти в разработке программ по вопросам социальной, гендерной, молодежной политики. Подходы могут использоваться учебными заведениями, общественными организациями в политико-идеологической работе с молодежью. Материалы могут быть востребованы преподавателями для обновления социально-гуманитарных дисциплин в сфере высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конфуций. Уроки мудрости : Сочинения. – М. : ЭКСМО-Пресс – Харьков : Фолио, 2002. – 957 с.
2. Лазертский, Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. Лазертский. – М. : Мысль, 1979. – 620 с.
3. Халипов, В.П. Энциклопедия власти / В.П. Халипов. – М. : Академ. проект; Культура, 2005. – 1056 с.
4. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии : учеб. пособ. для ВУЗов / А.Н. Чанышев. – М. : Высш. школа, 1991. – 510 с.
5. Moska, G. Teorica de igoverno eqgoverno parlamentaire / G. Moska. – Milano, 1994. – 307 p.
6. Политология : хрестоматия / Сост. проф. М.А. Васирик, доц. М.С. Вершинин. – М. : Гардарики, 1999. – 518 с.
7. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 5. – С. 81–86.

8. Общая и прикладная политология : учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М. : Союз, 1997. – 991 с.
9. Храмцова, Ф.И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект / Ф.И. Храмцова. – Минск : Бестпринт, 2012. – 332 с.
10. Патрушев, В.И. Введение в теорию социальных технологий / В.И. Патрушев. – М. : ИКАР, 2008. – 222 с.
11. Князев, С.Н. Перспективный кадровый резерв в контексте государственной политики / С.Н. Князев, М.В. Ильин, А.Е. Мацевило // Проблемы управления. – 2005. – № 1 (14). – С. 8–14.
12. Лукашенко, А.Г. Исторический выбор Беларуси / А.Г. Лукашенко / Лекции, прочитанные в высших учебных заведениях Минска. – Минск : Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь. – 2003. – 453 с.

Khramtsova F.I. Gender Approach to the Policy of Youth Personnel Reserve as Innovative Policy Technology

The article reveals the technology of the gender approach in the preparation of youth personnel reserve as innovative policies staffing of the country's modernization. The theoretical analysis of the research problem is carried out. The gender methodology of youth personnel reserve as guiding principles for the provision of equal opportunities for candidates for the selection, training, integration in the sphere of state management, political career is worked out. Justified structural-functional principle of gender approach in the preparation of youth personnel reserve on three interrelated levels: national, regional, local-territorial is justified. The practice of youth personnel reserve is analyzed. The results of sociological research of gender problems of personnel policy in youth organizations are interpreted. Recommendations for the state bodies with the purpose of more active use of the potential of youth, particularly young women, in the sphere of political power and public administration are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.03.2014

УДК 32:2

*Д.М. Шевчук***ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «САКРАЛЬНОГО» И «ПРОФАННОГО»
В ГОРИЗОНТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА**

Статья посвящена проблеме соотношения сакрального и профанного в горизонте политики. Автор исследует проявления сакрального в политическом мире, которые связаны с процессами формирования и конфигурации публичного пространства. Кроме того внимание обращено на концепцию двух тел короля, амбивалентность сакрального и ее влияние на политику, проблему рационального и иррационального измерений политической жизни.

Социокультурное развитие человечества демонстрирует связь между эволюцией форм репрезентации политического и функционированием религиозного сознания. Обращение внимания на соотношение между сакральным и профанным вписывается прежде всего в концепцию политического как воображаемого и символического. В частности, это дает возможность раскрыть связь между политическим действием и символами, а также представлениями, которые наполнены глубоким смыслом, не поддаются сомнению и тем самым имеют большое значение для утверждения основ политического мира. Таким образом, можем утверждать о зависимости отдельных способов легитимации от религиозных представлений, когда политический порядок поддерживается отсылкой к трансцендентному началу, а идея трансцендентной власти служит моделью для осуществления светской власти. В современной социальной философии наиболее выразительно это представлено в работах Ю. Габермаса (в частности, раннего периода его творчества). Он утверждает, что религия выполняет функцию легитимации политической власти, а также интегрирует индивидов в сообщество. При этом в современном мире, который имеет тенденцию к инструментализации жизненного мира, религиозное мировоззрение поддерживает внеинструментализированные отношения между людьми. Последнее можем понимать как указание на политическую роль сакрального, направленную на освобождение индивида от власти анонимных институций. Кроме того следует добавить, что профанное как сфера осуществления светской власти опирается на общий опыт членов политического сообщества. Эта сфера создает контекст для деятельности, наполненной смыслом, который узнается и разделяется другими членами сообщества. Вместе с этим профанная сфера и все, что здесь происходит, проявляют свою зависимость от сил, которые принадлежат сфере сакрального. Эти силы довольно часто воспринимаются как неподдающиеся власти человека, при этом сами являются источником и предпосылкой власти и возможности действовать в мире.

Однако мы не можем исключать причастность сакрального к политическому антагонизму и агонизму. Сама дихотомия «сакральное – профанное» воспринимается как глубоко антагонистичная. Как отметил Э. Дюркгейм, разница между сферой сакрального и профанного превращается в настоящий антагонизм: «Оба мира воспринимаются не только как разделенные, но как враждебные и ревниво соперничающие друг с другом. Поскольку принадлежать целиком к одному из них можно только при условии полного ухода из другого, человека призывают полностью удалиться из светского, чтобы вести исключительно религиозную жизнь» [1, с. 221]. Такой обостренный антагонизм между сакральным и профанным характерен крайним формам аскетической жизни. Чаще всего отношения сакрального и профанного демонстрируют перманентный конфликт, который выражается в напряжении, но вместе с этим и во взаимодействии, проявляющемся в публичном пространстве и, таким образом, осуществляющем влияние на политику. Эти две сферы никогда не могут быть отделены друг от друга: профанное (мирское,

публичное, политическое) насыщено сакральными элементами. «Мирское существование, – утверждает М. Элиаде, – никогда не встречается в чистом виде. Какой бы не была степень десакрализации Мира, человек, избравший мирской образ жизни, не способен полностью отделаться от религиозного поведения. Мы увидим, что даже самое что ни на есть мирское существование сохраняет в себе следы религиозных оценок Мира» [6, с. 23]. Таким образом, концентрация внимания на соотношении между сакральным и профанным как онтологических измерениях политического мира имеет смысл с точки зрения процесса секуляризации, который, однако, не уменьшает значение религии для человека. (Например, Ю. Габермас утверждает, что религия является источником социально значимого смысла, который проверен традицией и является предпосылкой автентической солидарности, которая избегает влияния партикулярных интересов). При этом целенаправленное ограничение роли религии в публичных делах обуславливает разрушение четких границ между *sacrum* и *profanum*. В целом же, как это ни парадоксально, следствием секуляризации можно считать сакрализацию политического, что в современных демократиях проявляется как ритуализация и символизация политической жизни, использование квазирелигиозных способов легитимации социальных институций и действий власти. В постсоветских странах это способствует своеобразный «религиозный ренессанс», который является следствием удаления из смыслового поля политической жизни системы коммунистических идеалов, официально пропагандирующих атеизм.

Связь между политикой и религией демонстрируют нам первые цивилизации. Одним из наиболее выразительных примеров, к которым обращаются в социологической, философской литературе, является период Эхнатона в Древнем Египте, когда была осуществлена религиозная реформа, одним следствием которой стало отождествление божественной власти и власти фараона. Среди других исторических примеров связи религии и политики можем назвать период Древней Греции, когда проведение сакральных действий было направлено на выявление сопричастности членов полиса, по сути поддержку их политической идентичности (в работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамера встречаем понятие «сакральной сопричастности»). Если говорить о европейской традиции, то религиозные аспекты политической жизни чрезвычайно четко проявляются в христианстве, которое, утверждая идею божественного происхождения власти, порождает политическую теологию (следует вспомнить известные слова апостола Павла: «Пусть каждый человек подчиняется высшей власти, поскольку нет власти, которая не от Бога, а власти, которые существуют, установлены Богом»).

В горизонте проявления сакрального одной из первых появляется проблема рационального и иррационального аспектов политики. Иррациональность сакрального связывают с сверхъестественным, а следование естественным состояниям вещей воспринимается как рациональное действие. Однако чрезмерная рационализация сама порождает иррациональность (М. Хоркхаймер и Т. Адорно: «Просвещение, борясь с мифами, само превращается в миф»). Не все однозначно с восприятием естественного порядка как рационального. Скажем, Э. Дюркгейм обращает внимание на то, что с большой долей вероятности можно утверждать, что понятие сил природы создается на основании понятия религиозных сил, а это подвергает сомнению убеждение о противопоставлении «естественное – сверхъестественное» и его полной соизмеримости с противопоставлением «рациональное – иррациональное».

Очевидным является факт, что политика не всегда рациональна: актуальный политический порядок никогда не может быть полностью тождественным себе в разные периоды исторического развития, поскольку каждый социокультурный порядок в отдельные моменты развития имеет исключения; он всего лишь приближается к идеализированным формам, которые созданы для его рационального объяснения. Особенно это проявляется в ситуациях чрезвычайности, когда имеет место доминирование воли

Суверена, не поддающееся детальному описанию с помощью рационального объяснения (в частности, мы не можем здесь выяснить каузальную обусловленность). Можно утверждать, что политический мир насыщен, кроме рациональных структур, также безудержной волей к власти (которая, если вспомнить Ф. Ницше, является выражением принципа, к которому сводится все, что происходит в мире). Знаковым в этом контексте можно считать анализ состояния социальных наук, который был произведен Э. Дюркгеймом. В частности, он указывает на то, что ряд социальных теоретиков не очень благосклонно принимают идею закономерной необходимости и формирования естественной сферы действительности, обуславливающей характер социального порядка. Вполне закономерным является вывод: «Отсюда следует, что в них (социальных науках – Д.Ш.) считают возможными подлинные чудеса. Допускают, например, что законодатель может создать институт из ничего простым приказанием, выражающим его волю, что он может превратить одну социальную систему в другую, точно так же, как верующие многих религий допускают, что божественная воля извлекла мир из небытия или может произвольно превращать одни существа в другие» [1, с. 205]. В методологическом плане соотношение между рациональным и иррациональным объяснением политических феноменов составляет предпосылку преодоления детерминизма (социального, экономического) и дает возможность осознать сверхестественность манифестации политического как такового.

Осмысление отношения сакрального и профанного, а также выявления их политического смысла требует более детального анализа сущности этих двух смысловых регистров. Сакральное и профанное указывают на фундаментальные измерения бытия человека в мире (М. Элиаде, например, определяет сакральное и профанное как «два образа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе истории» [6, с. 19]). Вместе с этим хотим обратить внимание на некоторую асимметрию отношения сакрального и профанного. Прежде всего она вытекает из того, что сакральное раскрывает свою сущность двумя аспектами: позитивным (сакральное как чистое) и негативным (сакральное как нечистое, проклятое). Другими словами, асимметричность данной дихотомии вызвана амбивалентностью сакрального. В современной социологии и философии религии проблема осмысления амбивалентности сакрального – одна из наиболее значимых (к ней обращались У. Смит, Э. Дюркгейм, Р. Каюа и др.).

Амбивалентность сакрального, его двузначность проявляется в том, что категории «чистого» и «нечистого» («проклятого») превращаются в своеобразный принцип каждой оппозиционности, дополняя критерии социально значимых классификаций и систематизаций, осуществляемых на основании соотношения между сакральным и профанным. При этом некоторые исследователи утверждают, что «чистое» и «проклятое» не являются элементами реальности, а скорее результатом сохранения или нарушения порядка между сакральным и профанным. Добавим к сказанному, что в данном случае имеет место своеобразная диалектика сакрального, социальный и политический смысл которой отображается в том, что оно может как поддерживать, так и уничтожать порядок мира. Другими словами, сакральное может стать конститутивным элементом, поддерживающим актуальную политику, либо же превратиться в основание модели, ориентированной на социальные и политические изменения (и даже революции).

Соотношение между сакральным и профанным дает возможность более детально понять политический мир в проявлениях чрезвычайности и нормальности. Можно сказать, что через призму категорий «сакрального» и «профанного» проявляется два состояния политического мира. Первое основывается на идеи политического как стихийного, нестабильного, экстраординарного, поскольку социальное бытие создается на основании непосредственных отношений между людьми; второе, в свою очередь, базируется на политическом как структурированном, четко установленном, отображающем

основные дихотомии и иерархии. Такое понимание политического через призму сакрального и профанного мы выводим прежде всего из осмысления социальных аспектов сакрального в работах Э. Дюркгейма, а также анализа ритуального процесса В. Тернером. В. Тернер в своих работах выделяет две основные модели взаимосвязи между людьми: первая модель презентует общество, которое является структурированной и дифференцированной системой политических, юридических и экономических институций; вторая модель общества предусматривает, что оно является неструктурированным либо же рудиментарно структурированным. Для обозначения этой второй модели В. Тернер использует термин «*communitas*», чтобы подчеркнуть выпадание этой модальности общественной жизни из сферы повседневности [5, с. 170]. Выделение двух состояний политического бытия, которые связаны с соотношением сакрального и профанного, имеет более глубокие философские источники. Оно целиком вписывается в выделение двух основополагающих начал культуры Ф. Ницше: дионисийского и аполлонического. Вместе с тем эти состояния (начала и модели) не являются целиком отдельными друг от друга. Онтология нормальности через невозможность предвидеть случайности включает элемент чрезвычайности, и, наоборот, состояние чрезвычайности тяготеет к дифференциации. В этом контексте можем снова обратиться к анализу В. Тернером сферы *communitas*. Он отмечает, что постепенно *communitas* порождает структуру, происходит нормализация отношений между людьми. Таким образом, он выделяет три разновидности *communitas*, поддающейся структурированию: 1) экзистенциальная *communitas* (отождествляется с явлениями, которые называются «хепеннингами»); 2) нормативная *communitas* (связана с возникновением потребности осуществлять социальный и политический контроль над членам сообщества); 3) идеологическая *communitas* (связана с утопическими моделями общества, которые основываются на экзистенциальной *communitas*) [5, с. 202]. Соотношение сакрального и профанного в их связи с нормальным и чрезвычайным состояниями раскрывает формирование и переструктурирование политического смысла. Это, в свою очередь, демонстрирует процессы, связанные с расширением онтологии политического.

Проявления сакрального в политическом мире связано также с формированием и конфигурацией публичного пространства. Рассматривая этот аспект соотношения сакрального и профанного, нельзя упустить из поля зрения тот момент, что вопрос проявления сакрального в публичной сфере не является однозначным. Мы можем это соотносить с более широкой проблемой – соотношением веры и разума: идеальный тип публичности предусматривает господство в этой сфере разума, а религия, в свою очередь, воспринимается как то, что основывается на вере и не нуждается в рациональном обосновании. Ряд современных социальных и политических философов категорически исключают религию из сферы публичного, ограничивая ее приватной сферой либо уменьшая ее социальное и политическое значение в современном мире. Первым, кого можем вспомнить в этом контексте, – это Джон Роулз. В рамках его либеральной теории справедливости, политика формируется на принципах здравого смысла и рациональности; религиозным представлениям не отводится места в публичном дискурсе. Более того, религия теряет в этой теории возможность апеллировать к моральным принципам, что становится прерогативой политического акта; очень четко это видно на анализе роли гражданского неповиновения [4, с. 525]. Под влиянием критики концепция Дж. Роулза была изменена (это видно по его работам «Политический либерализм» и «Право народов»). В частности, появился тезис о влиянии неполитических ценностей (например, религиозных) не только на частную жизнь, но и на публичную.

Другим современным философом, который постулирует уменьшение роли религии в политической жизни, является Ричард Рорти. Он утверждает, что религия как набор убеждений, которые могут быть полезными для человека, имеет право на сущест-

ование в частной сфере. Религиозные убеждения могут быть вредными, если приобретают публичный характер; этот вред касается, в частности, утверждения либеральной демократии. Бесспорно, некоторая предвзятость Р. Рорти по отношению к религии связана с антирелигиозной и антиклерикальной позицией (философ не берет во внимание роль христианства в утверждении политического порядка либеральной демократии в Европе и Северной Америке). Но обоснованием такого отношения к религиозным представлениям и их места в социальной и политической жизни является утверждение философской позиции ироника, а не метафизика, которую он провозглашает в своих философских трудах. Либеральная традиция требует не метафизического словаря, включающего ценностные, неоспоримые абсолюты, но словаря, который концентрируется на метафоре и созерцании. Поэтому понятно, что ориентация на религиозные идеалы – это устаревшая форма организации публичной жизни.

Философская интерпретация идей Р. Рорти указывает на то, что его критика религии относится не столько к онтологическим, сколько к гносеологическим и эпистемологическим основаниям публичного дискурса (создание нового, более соответствующего современному состоянию культуры словаря, с помощью которого мы сможем описывать то, что происходит в публичном пространстве). Вместе с этим история развития политического порядка демонстрирует тесную связь между публичным и сакральным (религиозным). Очевидным для нас является то, что дихотомия сакральное/профанное проектирует особенное обустройство публичной топографии. В частности, выразительно просматривается выделение смыслового центра, концентрирующего в себе сакральное значение, и периферийных объектов, получающих свою значимость через отсылание к центру и отделяющих это пространство от остальной территории, которая является неразличимой, часто не подпадает под власть центра и поэтому воспринимается как «нечистая». Влияние сакральной топографии на обустройство городов заметил Р. Каюа: «Конфигурация современных городов в некотором понимании подчеркивает значение (отчасти мифическое, отчасти целесообразное) такого (согласно с полюсами сакрального и профанного, чистого и нечистого – Д.Ш.) расположения: в центре церковь или собор (центр божественного), ратуша, официальные строения, дворец правосудия (символы и храмы власти), театры, музеи, памятник погибшим, статуи великих людей (разные аспекты сакрального достояния города). ...Вокруг его успокаивающего, теплого, официального центра большие районы разворачивают зону темноты и бедности» [2, с. 73]. Сакральное пространство имеет особенную топографию: оно четко разделяет мир на центр и периферию. Центр всегда концентрирует в себе максимально интенсивную энергетику божественного. Периферия, напротив, проявляет сакральное в его негативной форме «проклятого» и «нечистого». Таким образом, согласно с религиозным опытом, пространство не является однообразным, оно имеет разрывы и разломы. Его смысловыми полюсами, которые могут проявляться в каждой точке этой топографии, являются «хаос» и «космос». Такие представления о пространстве получают универсальное значение и переносятся также на политический мир. Как следствие, мы не можем его воспринимать однообразным пространством. Следует принять утверждение М. Элиаде, что для светского восприятия пространство является нейтральным, не имея разрывов и качественных отличий между частями. Представление об антагоничности политического, обуславливающее его дефиницию благодаря отношению «друг – враг» (К. Шмитт), имеет связь с представлениями о разделении сакрального пространства на основании противопоставления «хаос – космос», которое является архетипическим для политической сферы. Не зря сакральное и профанное – это два смысловых полюса, влияющих на утверждение бытийственных основ порядка в целом. Это следует, в частности, из того, что сакральное отсылает к началам мира. Другими словами, эпифания сакрального – это намек на космогинические мотивы и необходимость вспом-

нить об утверждении первоначального порядка. Это воспоминание проектируется на деятельность человека («сотворение Мира становится архетипом каждой созидательной деятельностью человека, в каком бы плане она ни разворачивалась») [6, с. 36].

Формирование политического мира благодаря обращению к сакральному четко демонстрирует идея «двух тел короля». Эта идея получила распространение в рамках средневекового христианского мировоззрения и имеет политический, юридический и теологический характер. Политическим аспектом этой идеи является утверждение принципа двойственного явления личности, что становится предпосылкой дихотомической концепции власти. Речь идет о создании политической теории двух натур монарха: земной, которая является смертной, и сверхприродной, которая бессмертная и духовная. Исследование внедрения в политическую жизнь идеи «двух тел короля» осуществлено в известной работе Э. Канторовича [8]. Генезис представления о том, что Суверен (в частности, монарх) имеет два тела, достигает времен античности. Э. Канторович ищет источник этой идеи в «Политике» Аристотеля (когда тот в III книге разделяет друзей государя и друзей государства), а также в трактатах Плутарха, неопифагорейцев. Соответственно, идея «двух тел короля» не ограничивается только контекстом средневековой политической теологии и теории, а проявляет универсальный феномен, который касается соотношения между сакральным и профанным как онтологическими измерениями политического мира. Следует, однако, принять во внимание одно условие, а именно: языческие представления о двух телах Суверена были проинтерпретированы через призму политической теологии святого апостола Павла, в результате чего они получили характер христианского философствования и теологических рефлексий.

Основной тезис, выдвигаемый Э. Канторовичем, провозглашает формирование в эпоху средних веков важных аксиом политической теологии, которые в современной политике не исчезают, а трансформируются и превращаются в основу для идолов политических религий, которые, словно «призрачные догматы», преследуют нации и отбирают возможность пользоваться рацией и осуществлять рациональную политику. Идея «двух тел короля» имеет непосредственное отношение к проблеме статуса монарха и его полномочий, а также демонстрирует феномен сакрализации Суверена и легитимизацию его действий через отсылание к трансцендентному Абсолюту. Политический аспект проявляется благодаря влиянию этой идеи на представления о монархии как институте политического мира. При осуществлении этого влияния не последнюю роль играет отсылание к религии и даже мистике. Если обратить внимание на исторические факты, то особо актуальной проблема статуса короля стала в Англии в XVI в., когда Эдвард VI, не достигший еще дееспособности, согласно с законами того времени решил продать земельные владения в Ланкастерском герцогстве. Таким образом, появилась проблема, может ли несовершеннолетний монарх осуществлять законные операции. Юридическое решение, которое приняли тогда британские юристы, было представлено в комментариях Эдмунда Плаудена: любое действие короля, которое он совершает как король, не может быть подвергнуто сомнению через его несовершеннолетие, поскольку он имеет два тела: природное (естественное тело) и общественное (политическое тело). Политическое тело характеризуется вечностью, его нельзя увидеть, к нему нельзя притронуться; оно целиком состоит из политики и правления, а его призвание в том, чтобы управлять народом и распоряжаться общим благом.

На основании этого комментария Э. Канторович указывает роль, которую средневековые представления о сакральном и теологические рефлексии играли по отношению к существованию политического порядка: «Юридические спекуляции были связаны с теологической мыслью, или, точнее говоря, со средневековым понятием королевского *character angelicus*. Общественное тело короля формировалось подобно «святым духам и ангелам», поскольку оно репрезентирует Неизменность во Времени» [8, с. 8].

Вечность и неизменность политического тела короля обуславливает восприятие в нем присутствия «спрятанного Бога», действующего через тело.

Исследование Э. Канторовича демонстрирует перенесение теологических понятий и религиозных представлений на почву политической жизни. Это выразительно просматривается в аналогии между сообществом христиан во главе с Христом (Церковь, которая является мистическим телом, *corpus mysticum*) и сообществом подданных во главе с королем (королевство, которое связано с мистическим телом короля). Более того, начальную форму сакральности монарха, по Э. Канторовичу, можно определить как литургическую, поскольку благодаря ей проявляется «реализм» таинства, которое концентрируется в объекте. Другими словами, «мистическое тело короля» является подданным таинство схождения священного на мирское и преобразование последнего. Российский философ М. Ямпольский, обращая внимание на идею литургической сакральности короля («реализма» таинства, которое концентрируется на объекте), расширяет ее значение. Например, он утверждает, что любое тело, которое вовлечено в отношения власти, является маркированным особым образом: «Одна из важнейших особенностей такой литургически-магической системы – это особое значение телесных мет (в том числе мистически невидимых), маркирующих тела, отмеченные властью и силой. Метки отмечают индивидуальность тел и выражают связь с трансцендентальным, с той телесной трансформацией, которой тело подвергается при взаимодействии с высшими силами» [7, с. 36]. Идея такой телесной маркировки целиком вписывается в контекст общих представлений о сакральном, которое, если к чему притронется, превращает его в непригодное. Аналогичные представления проецируются на власть, которая начинает восприниматься как то, что преобразует. В этом смысле целесообразно вспомнить идеи дисциплинарной власти М. Фуко, генеалогию которой можно в некоторой степени вывести из «реализма» таинства, которое концентрируется на объекте». Дисциплинарная власть ориентирована на преобразование телесности (что проявляется в форме дисциплинирования) – придания телу покорности-полезности. Это, собственно, и можем считать телесной маркировкой, предусматривающей вовлечение индивидуального тела в систему актуальных стратегий власти, а также наделение его особыми способностями.

Проведение аналогии между сообществом христиан и сообществом подданных поднимает проблему отношения между Церковью и светской властью. Ключевым периодом, который четко проявляет отношения между ними, можно считать XIII в. В это время создаются своеобразные гибриды между Церковью (сакральным) и государством (профанным): «Постоянные взаимоотношения между Церковью и Государством, существующие на протяжении всего Средневековья, создали гибриды в обеих институциях. Между светскими и духовными лидерами христианского сообщества происходили постоянные взаимные заимствования и обмен отличиями, политическими символами, привилегиями и правами на взаимоуважение» [8, с. 193]. При этом государство проявляет неимоверно интенсивное желание быть квазицерковью. Связь между сакральным и политическим в этом контексте проявляется в идее божественного происхождения власти, которая ритуально представлена в церковном освящении получения власти Сувереном, т.е. в процессе деификации (от лат. *Dei* – Бог) власти. При этом важной категорией является «милость». Суверен наделен властью «по милости Божьей», что обуславливает его «достоинство» как реализацию политического суверенитета. Хотя нельзя упускать из внимания дискуссии вокруг вопроса: Суверен получает божественную силу благодаря мимезису (уподоблению Богу) или преображению (например, если монарх преображается Божьей милостью)? Согласно Э. Канторовичу, мимезис и преображение не исключают друг друга: мимезис демонстрирует нам способ, благодаря которому Суверен уподобляется «образу Бога»; с помощью преображения он получает силу действовать как Бог.

Подводя итоги, можем утверждать, что соотношение между сакральным и профанным имеет значение прежде всего для поддержания онтологии политического, поскольку оно характеризуется абсолютностью (и даже радикальностью), которая следует из свойств сакрального; объективируется в социальных и политических практиках; определяет отношение индивида к политике, а также закладывает перспективу восприятия политической жизни в рамках отдельных методологических подходов (например, тех, которые стараются осмысливать тоталитаризм как специфическую религию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М. : Канон+, 1998. – С. 174–231.
2. Каюа, Р. Людина та сакральне / Р. Каюа. – Київ : Ваклер, 2003. – 256 с.
3. Куракин, Д. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 3. – С. 41–70.
4. Ролз, Д. Теорія справедливості / Д. Ролз. – Київ : Основи, 2001. – 822 с.
5. Тэрнер, В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура / В. Тэрнер // Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – С. 104–264.
6. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
7. Ямпольский, М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с.
8. Kantorowicz, E.H. The king's two bodies. A study in medieval political theology / E.H. Kantorowicz. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 568 p.
9. Rorty, R. Anticlericalism and atheism / R. Rorty, G. Vattimo // Rorty R., Vattimo G. The future of religion / R. Rorty, G. Vattimo. – New York : Columbia University Press, 2005. – P. 29–41.

Shevchuk D.M. The Specific of «sacrum» and «profanum» Manifestations in Horizon of the Political World

The article is devoted to the problem of correlation between sacrum and profanum in horizon of politics. Author investigates the manifestations of sacrum in political world that are connected to the processes of formation and configuration of public space. More over, the author pays attention to the conception of king's two bodies, ambivalence of sacrum and its influence on the politics, the problem of rational and irrational aspects of political life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.11.2013

УДК: 007 (32.019.5:351.862.4)

Н.Б. Белоусова**КОНЦЕПТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА: ЕВРОПЕЙСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Статья посвящена выявлению теоретико-методологических особенностей концепта национальной безопасности в политической культуре общества. Работа основывается на теоретических и методологических исследованиях научной проблемы, обобщает взгляды и подходы зарубежных и отечественных представителей политологической мысли. В исследовании раскрывается специфика европейской национальной безопасности и политической культуры общества на примере политических идеалов развитых европейских наций, в частности, Французской Республики, Федеративной Республики Германия, Великобритании. В статье выделены особенности национальной безопасности Российской Федерации и Украины как фундаментального фактора политической деятельности общества и доказано, что в условиях современного политического развития трансформируются цели, средства и методы политического взаимодействия государства и общества, а концепт национальной безопасности в политической культуре общества формируется соответственно патерналистскому типу политической культуры.

В современных реалиях важными составляющими политической культуры государства, определяющими трансформацию и формирование современной политической среды, есть демократические институты и ценности, выступающие как фундаментальные факторы и определяющие цели, средства и методы деятельности государств и политических сил. Они проявляются в виде политических и социальных идеалов. Это защита национальных интересов, которая отражает существующие политические, социокультурные, информационные и другие угрозы для государства или нации, складывающиеся в системе глобальных и региональных взаимоотношений с другими странами, этносами, социальными группами, слоями, политическими силами. Это обеспечение политических прав и свобод, верховенство закона. Это создание условий для развития гражданского общества как фактора социальной стабильности, характеризующейся способностью противостоять социальным угрозам: деструктуризации, дезинтеграции общества, его духовности и культуры. Эти составляющие превратились в основные критерии оценки политической деятельности государства на современном этапе политического развития и являются базой для формирования политической культуры общества.

В начале XXI в. особенно заметным оказался структурный кризис национальной безопасности, стала очевидной коренная, органическая неготовность противостоять новым вызовам и угрозам, что привело к необходимости переосмысления концептуальных и методологических основ национальной безопасности, выявления взаимовлияния национальной безопасности и политической культуры общества, артикуляции национальных интересов, четкой расстановки приоритетов внутренней и внешней политики.

Национальная безопасность рассматривается как фактор целенаправленного и комплексного воздействия на политическую культуру и идеологию государства, массовое сознание и подсознание национальной общности, а также на другие составляющие политической среды в интересах реализации политических решений, управления политическим поведением как политических элит, так и политических лидеров. В современных теориях политической культуры концепт национальной безопасности считается ведущим политическим фактором трансформации политической среды для достижения политических преимуществ в отношениях с другими государствами, политическими силами и средствами.

Важность и значимость исследования проблемы взаимодействия и взаимовлияния национальной безопасности и политической культуры общества обуславливает по-

вышенный интерес к ней со стороны ученых-политологов, исследования которых посвящены анализу концепций безопасности в условиях интеграции современной политической среды, отдельным проблемам роли императивов безопасности в формировании политической культуры транзитивных обществ, определению специфики реализации защиты национальных интересов в государственных политических программах и т.д.

Особый вклад в осмысление безопасности как философской категории принадлежит таким известным мыслителям, как Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.Ж. Руссо, Б. Спиноза, Ф. Гегель, Р. Арон, А. Бергсон, М.Л. Кинг, Б. Рассел, П.Т. де Шарден, А. Тойнби, А. Швейцер, К. Ясперс. Национальная безопасность как фактор политической культуры общества в современном понимании рассматривается в трудах таких зарубежных ученых, как Е. Азар, А. Ахария, Л. Браун, З. Бжезинский, Р. Джексон, Д. Кауффман, Д. Кеннан, У. Липман, Г. Моргентхау, Ч. Мур, К. Ноор, Д. Розенау, Э. Фернисс, П. Хаткреми, К. Уолтц. Отдельные аспекты научной проблемы национальной безопасности в теориях политической культуры освещены в работах российских авторов: А. Арбатова, П. Белова, А. Возженикова, В. Манилова, Ю. Рождественского, В. Серебрянникова.

Анализ концептуальных основ зарубежных и украинских политологических исследований подтверждает эволюцию от реалистических и неореалистических парадигм национальной безопасности до либеральных теорий функционализма и неофункционализма, отражающую трансформацию подходов к оценке места и роли национальной безопасности в политической культуре общества на современном этапе развития.

Концепт национальной безопасности в политической культуре общества рассматривается как сложный научно-практический феномен, имеющий междисциплинарный характер и проявляющийся через взаимодействие систем ценностей как фундаментальных факторов, определяющих цели, средства и методы деятельности государств и политических сил для защиты национальных интересов, развития гражданского общества и трансформации общественного и индивидуального сознания.

Национальная безопасность в политической культуре общества отражает базовый аспект функционирования структур различного уровня: общественно-политических институтов государства, неправительственных акторов (политических партий, общественных организаций и движений), гражданского общества. Уровень обеспечения национальной безопасности рассматривается диалектически через призму противоречий, проявляющихся в виде политических идеалов и целей государства, и является адекватным существующим реалиям. Учитывая, что императивы национальной безопасности могут играть как конструктивную, так и деструктивную роль в формировании политической культуры общества, она должна основываться на принципах устойчивого развития и обеспечивать баланс интересов политических институтов государства и общества.

Европейская специфика концепта национальной безопасности в политической культуре общества отражает геополитическое, геоэкономическое и геокультурное состояние современных европейских государств в измерениях «мягкой» безопасности, определяет критерии национальной безопасности каждого европейского государства в системе координат общей политики европейской безопасности.

Европейская культура безопасности представляет собой комплекс адекватного реагирования на множественность современных вызовов и угроз национальной безопасности, поскольку в ходе расширения ЕС происходит переосмысление и обновление концептуально-правового оформления национальных доктрин и политических стратегий деятельности государств на внутреннем и международном уровнях их функционирования. Расширение влияет на политические системы стран Европы и предопределяет креативный подход к определению потенциальных угроз национальной безопасности в контексте реализации Лиссабонского соглашения. В частности, официальная позиция ФРГ зафиксирована в ряде нормативных документов, которые образуют иерархизированную

структуру и охватывают Концепцию Бундесвера, федеральное законодательство, доктринальные документы политики безопасности и практические программы трансатлантического партнерства, которые определяют приоритеты защиты национальных интересов. Во Французской Республике национальная безопасность рассматривается как пересечение интересов государства, гражданского общества, политических партий и представительных органов власти, деятельность которых в сфере безопасности ограничивается конституционно, предполагает общественное обсуждение стратегий. Новый подход к национальной безопасности Великобритании с учетом таких угроз, как политический терроризм, киберпреступность, гуманитарная интервенция, состоит в налаживании эффективного гражданского контроля над деятельностью политического режима в сфере безопасности, соблюдение баланса между концептом безопасности и фундаментальными правами и свободами общества. Особенности политической культуры общества стран ЕС сказываются на формате межгосударственных отношений, международных организаций и надгосударственных образований и влияют на эффективность политики в сфере национальной безопасности в контексте взаимодействия политических институтов и гражданского общества.

Важнейшей чертой российской политической культуры является патернализм. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и деятельность с позиций «отеческой заботы» относительно слоев и групп, менее защищенных в социальном и экономическом отношениях. Патернализм как базисное основание в Российской империи реализовывался в следующих категориях: защита, заботливость, надзор, поощрение, благотворность, помощь, пожертвования, облегчение, дарение. Патернализм стал аксиомой, культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре [1]. На эту типологическую черту российского общества обращали внимание мыслители еще в XIX в., начиная с известного утверждения Н. Карамзина о том, что в России самодержавное правление является «отеческим» правлением [2]. В России государство воспринимается, по словам Е. Баталова, как «становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, распорядитель всей жизни» [3].

В современной российской политической культуре отношение к системе со стороны рядовых граждан двоякое: с одной стороны, российская политическая культура замешана на особой роли государства, оно находится в центре их жизни. От государства, которое ассоциируется с системой, властью, граждане ожидают защиты, заботы, интереса к их жизни. С другой стороны, для российской политической культуры характерно дистанцирование от государства, отчуждение от него рядовых граждан и представителей самой власти, что негативно сказывается на поддержке общественностью правительственных решений, формировании общественного мнения, неблагоприятного для имплементации концепта национальной безопасности. Эти и другие проявления патерналистской психологии являются важной частью российской культуры.

Переходное состояние, в котором находится РФ, определяет переходный характер политической культуры российского общества, наличие в ней таких противоположных элементов, как тоталитарная культура и демократическая культура. В политической культуре Российской Федерации доминируют стереотипы политического режима, соответствующие политическому сознанию широких политических слоев общества.

Вокруг отношений «общество – государство» в национальном формате частично концентрируются актуальные вопросы безопасности Российской Федерации, которые детерминируются общим уровнем политической культуры в стране. При этом в рамках этих отношений в значительной мере определяются тип и конкретное содержание национальных интересов и стратегии безопасности.

Определяющим в этих противоречивых процессах является то, что сегодня политической системе России свойственна неоформленность и незавершенность струк-

турных элементов, нестабильность, несбалансированность взаимоотношений с другими общественными системами, гражданским обществом. Среди особенностей формирования национальной безопасности Российской Федерации можно отметить такие: жесткая централизация процесса обсуждения и принятия решений; декларативность проблемы гражданского контроля над деятельностью силовых структур; отсутствие консенсуса в определении угроз для политической и национальной безопасности в целом.

Среди особенностей политической культуры Украины можно выделить низкую компетентность в управлении делами общества и государства, неразвитость гражданских позиций, правовой нигилизм и подданнические отношения к любому центру реальной власти. Политическая культура Украины по признаку отношения к демократии и государству определяется как авторитарная, этатистская, патерналистская.

По мнению Е. Головахи [4], патернализм нужно воспринимать как некую систему отношений между рядовыми гражданами и властью, которая является сейчас одной из важнейших проблем для украинского общества. Украинское общество исторически формировалось в двух патерналистских системах: феодальной и коммунистической. Как отмечает В. Небоженко, в Украине наблюдается синтез патерналистских ожиданий снизу и патерналистской демагогии сверху, а также патернализма с харизматичной политикой, что является очень эффективным для получения голосов [5].

Одновременно с патерналистскими настроениями в современной Украине усиливаются авторитарные настроения. Многие ожидают «сильной руки», которая навела бы порядок даже за счет ограничения гражданских прав [6]. Происходит неуклонное падение авторитета всех ветвей власти, нарастание неэффективности власти вплоть до полного ее паралича, неспособность властей реализовать задекларированные стратегии. Бесконечные выборы, политические распри, публичное выяснение отношений между представителями конкурирующих политических сил всем уже надоели. Многие украинские граждане тяготеют к определенности и стабильности даже за счет ущемления демократических ценностей [6].

В условиях суверенного существования государства нужно возрождать такие традиционные черты украинской политической культуры, как либеральное отношение к государству, народоправие, толерантность.

В результате кризисных явлений в экономике, энергетике, роста социальной напряженности, трансформации ценностных ориентаций в обществе актуальным становится не только защита государства и его политических институтов, но и прав и свобод человека, материальных и духовных ценностей общества. Поэтому существование Украины как суверенного и стабильной во всех отношениях государства, его самосохранение, прогрессивное развитие и безопасность невозможны без разработки и внедрения целенаправленной системной политики защиты национальных интересов от внешних и внутренних угроз [7].

Таким образом, концепт национальной безопасности в политической культуре украинского общества раскрывается в плоскости таких двух взаимосвязанных факторов, как проблема системности обеспечения национальной безопасности и способность граждан Украины в полном объеме реализовать определенные Конституцией полномочия главного источника власти. В условиях активного привлечения Украины к мировым и региональным интеграционным процессам одной из характерных черт стратегии национальной безопасности является учет конкуренции внешних источников «мягких» угроз, которые прямо или косвенно влияют на ход внутривнутриполитических процессов. Преодоление и нейтрализация деструктивных воздействий на политическую культуру украинского общества требуют качественных изменений как на институциональном уровне (государственные и негосударственные институты), так и на уровне гражданского общества. Включение концепта национальной безопасности в практику форми-

рования политической культуры украинского общества обусловливает необходимость разработки и принятия «Концепции политической безопасности Украины» на основании определения угроз и вызовов для политической культуры общества, приоритетов институционального, ценностного и идеологического структурирования национальной политической среды.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ермоленко, Т.Ф. Патернализм в политической культуре России / Т.Ф. Ермоленко // Российская историческая политология. Курс лекций : учеб. пособие / отв. ред. С.А. Кислицын. – Ростов н/Д., 1998. – С. 223–234.
2. Исаев, Б.А. Политические отношения и политический процесс в современной России : учеб пособие / Б.А. Исаев, Н.А. Баранов. – СПб. : Питер, 2007. – 395 с.
3. Баталов, Е.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Е.Я. Баталов // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 7–22.
4. Головаха, Є. Здолавши патерналізм, через 15 років Україна стане самостійною європейською державою [Електронний ресурс] / Є. Головаха // Диалог.ua від 17 березня 2008 року. Режим доступу : http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=79&op_id=1297#1297.
5. Небоженко, В. Сочетание патерналистских ожиданий снизу и патерналистской демагогии сверху [Электронный ресурс] / В. Небоженко // Диалог.ua. – Режим доступа : http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=79&op_id=1297#1297.
6. Левцун, О. Соціальний капітал: разом нас багато... [Електронний ресурс] / О. Левцун // Диалог.ua. – Режим доступу : http://dialogs.org.ua/print.php?part=project_ua&m_id=13270.
7. Соснін, О. Визначаючи світоглядні позиції [Електронний ресурс] / О. Соснін // Ua Foreign Affairs, № 6. – 2008. – Режим доступу : <http://uaforeignaffairs.com/article.html?id=157>.

Belousova N.B. Concept of National Security in the Political Culture of Society: European and National Practice

The article focuses on the theoretical and methodological features of national security concept in the political culture of society. The study is based on a wide range of theoretical and methodological studies of the scientific problem. The specifics of European strategies of national security and political culture on the example of France, Germany and Great Britain are studied. The features of national security of Russian Federation as a factor of political activity of society are defined. The problem of mutual influence of national security and political culture in Ukrainian society is analyzed. It is shown that the national security problems in Ukraine are caused by the lack of political ideals on national interests and consensus on national system of values among political elite as well as among ordinary citizens.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.02.2014

УДК 327.39

*О.Н. Фролова***ИНФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС КАК «ВЕЛИКОЕ ПОТЯСАНИЕ»
СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

В статье представлены результаты исследования одного из негативных явлений информационного общества – информационного кризиса. Автором рассматриваются основные признаки и особенности этого глобального процесса; анализируются основные подходы к пониманию информационного кризиса; освещаются парадоксы информационного общества в контексте глобализации коммуникации; обосновываются причины и результаты информационной перегрузки; предлагаются способы решения и преодоления негативных последствий проблемы информационного кризиса в современном обществе.

Благодаря распространению информационных технологий и процессам глобализации мир претерпел существенные изменения. Человечество уже начало активно пользоваться всеми благами и достижениями информационного общества. Сегодня четко видны не только преимущества информатизации, но и негативные тенденции этого процесса: информационные войны, цифровой разрыв, кибертерроризм, уничтожение культурной идентичности, информационный кризис. Рост этих негативных проявлений привел к формированию нового научного направления, названного «информационной экологией». Одним из последних осознанных негативных последствий информатизации общества стал информационный кризис. Он одновременно является одной из составляющих понятия «великие потрясения», сопровождающего процесс становления информационного общества.

Хотя проблема информационного кризиса является достаточно новой и мало исследованной, значительный вклад в исследование информационного кризиса как негативного последствия информатизации сделали Д. Боуден, Л. Робинсон, П. Марсден, Д. Дин, С. Андреса, К.Б. Магафуров, В.В. Ларченков, А.Д. Еляков., В.А. Корниуска, В.Г. Яременко и др.

Цель статьи – проанализировать основные угрозы и опасности информационного кризиса и определить возможные пути преодоления его негативных последствий.

Информационный кризис – сложный процесс, для описания которого трудно подобрать количественные характеристики. Известно несколько подходов поиска такого описания. Один из них предложил Джеймс Мартин (известный эксперт фирмы «IBM»). Суть его сводится к определению интервала времени, в течение которого общая сумма человеческих знаний удваивается (до 1800 г. она удваивалась каждые 50 лет, до 1950 г. – через 10 лет, в 1970 г. – через 5 лет, с 1990 г. – через 1 год, а к 2015 г., прогнозируют ученые, – 75 дней) [1]. Информация в современном мире накапливается очень быстро: по словам Эрика Шмидта, председателя совета директоров Google, «от начала цивилизации и к 2003 г. было создано около 5 экзбайт (5 000 000 000 Гб) информации. Теперь человечество создает столько данных всего за 2 дня» [2].

Второй подход предложил известный советский астрофизик И. Шкловский. Он доказал, что Земля излучает в космос в метровом диапазоне мощность в миллион раз больше, чем 20–30 лет назад. Это излучение обусловлено работой передатчиков радио- и телевизионных станций. Таким образом, за последние десятилетия развитие цивилизации на Земле привело к увеличению на шесть порядков такого важного глобального свойства нашей планеты, как мощность ее радиоизлучения. Благодаря деятельности людей Земля по мощности своего радиоизлучения в метровом диапазоне заняла первое место среди планет, обогнав планеты-гиганты Юпитер и Сатурн и уступая только Солнцу!

Третий подход введен отцом кибернетики Р. Винером. Он предложил провести границу во времени из равенства расходов из бюджетов стран на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ в области энергетики (техники сильных токов) и техники связи (слабых токов).

Таким образом, можно указать по крайней мере на три различных признака перехода на качественно новый этап технологического развития – эру информации: планетарный, когда человеческую цивилизацию можно наблюдать в космическом прост-ранстве (уровень радиоизлучения Земли по яркости приближается к солнечному) глобальный, при котором происходит быстрое увеличение темпов удвоения информации, государственный, когда расходы на информатику и технику связи превышают расходы на энергетику [1].

Информационный кризис – это несоответствие между быстро растущими из поколения в поколение умственными способностями людей и еще более быстро растущим потоком информации. В результате этого несоответствия возникает противоречие, суть которого заключается в том, что современный человек не в состоянии в полном объеме воспринимать и перерабатывать информацию, которая к нему поступает [3].

В современном мире информационный поток превосходит ограниченные возможности человека по восприятию и переработке информации и вызывает появление такого понятия, как «информационная перегрузка». Возникает большое количество избыточной информации (т.н. «информационный шум»), который затрудняет восприятие полезной для потребителя информации. Парадокс информационного кризиса заключается в наличии на уровне «информационного взрыва» такого явления, как «информационный голод» – физиологические ограничения человека в восприятии и переработке информации и трудности в выделении нужной информации из общего потока. Одной из причин нехватки информации, как это ни парадоксально, является ее избыток, вызванный информационной перегрузкой. «Информационную перегрузку» стали называть чумой XXI в. Но упоминания об этом явлении были отмечены давно, когда достижения в области технологии увеличили производство информации. Еще до нашей эры Экклезиаст писал: «А сверх того, сын мой, берегись составлять много книг – конца не будет, а много читать – утомительно для тела». В I веке нашей эры Сенека Старший прокомментировал, что «большое количество книг является отвлечением внимания».

Сегодня трудно предсказать последствия информационного кризиса и информационной перегрузки, но можно говорить о причинах явления. К основным причинам относят: стремительный рост количества новой информации; простота дублирования и передачи данных через интернет; увеличение доступных каналов входящей информации (например, телефон, электронная почта, телевидение, пресса, мгновенный обмен сообщениями); большое количество исторических сведений; противоречия и неточности в имеющейся информации; низкое соотношение сигнал/шум; отсутствие метода сравнения и обработки различных видов информации; пласты информации не связаны или не имеют общей структуры для выявления их отношений [4].

Ученые-аналитики, государственные деятели, политики признают величину и растущее влияние этого явления. На борьбу с «чумой XXI в.», т.е. с информационной перегрузкой, поднялись самые крупные IT-корпорации мира. Microsoft, Intel, Google, IBM и другие компании договорились создать некоммерческую рабочую группу. В 2008 г. заинтересованные исследователи из различных корпораций, небольших компаний, академических учреждений и консалтинговых агентств создали Группу исследования информационных перегрузок (Information Overload Research Group), деятельность которой направлена на повышение осведомленности, обмен результатами научных исследований и содействие при решении проблем информационных перегрузок. Кроме того, группа исследует последствия информационного кризиса для общества в целом и для

государственных и негосударственных учреждений в частности; содействует сотрудничеству людей во всем мире, которые разрабатывают решения для устранения этой проблемы; информируют организации и частных лиц по экономической и социальной стоимости информационных перегрузок и эффективных контрмер; распространяют научно обоснованные решения этой проблемы, эффективные практики и технологии [5; 6].

Весь мир держится на трех китах: вещество, энергия и информация. Только их оптимальное соотношение делает мир целостным и устойчивым. В разные периоды развития человечества определяющими были разные факторы из этой триады: в доиндустриальном обществе – вещественный; в индустриальном – энергетический; в информационном на первый план выходит информационный фактор. А оторванность информации от реальной базы, когда информация растет в геометрической прогрессии в силу того, что место вещественного и энергетического товара занимает та же информация, не могла не привести к глобальному кризису [4]. В мире накоплен громадный информационный потенциал, но люди не могут им воспользоваться в полном объеме по причине ограниченности своих возможностей. Научно доказано, что информационная перегрузка вызывает серьезный стресс и ведет к общему ухудшению здоровья человека.

Результаты исследования Рейтерс показывают: две трети респондентов считают, что перенасыщенность информацией снижает удовлетворенность от профессии и вредит межличностным отношениям; одна треть считает, что информационный избыток пагубно сказывается на здоровье; половина респондентов считает, что важные решения не были приняты из-за избытка информации [7; 11]. Другие исследования показывают, что психологически люди склонны приспосабливаться, привыкать и адаптироваться к ситуации неограниченного информационного потока, однако это не меняет конечного результата – падения производительности и уменьшения творческого потенциала.

Развитие IT-технологий привело к сокращению времени передачи информации, однако прямо повлияло на увеличение времени, необходимого для ее переработки. Главная проблема современного социума состоит в том, чтобы не отставать от информации, которая постоянно обновляется и мгновенно поступает. В современном мире информационная перенасыщенность лишает многих исследователей возможности углубиться и практически, на собственном опыте, оценить предмет изучения, наука становится в большей степени кабинетной, чем исследовательской, а информационное пространство, таким образом, приобретает оторванный от реальной действительности характер [8].

Итак, информационный кризис приводит к информационному голоду, профессиональному кризису, который выражается в падении производительности и уменьшении творческого потенциала, к ухудшению здоровья людей, увеличению социальной тревоги и беспокойства, к неэффективности государственного исполнения функции управления информационными потоками и влияниями, к потере контроля над ситуацией.

Растущее количество проблем, связанных с информационным кризисом, требует от общества нахождения способов их решения. Несмотря на то, что не существует простого решения проблемы, можно определить некоторые пути уменьшения негативных последствий информационного кризиса:

- 1) сосредоточение на качестве информации, а не на ее количестве;
- 2) четкое определение целей деловой активности и исходя из этого использование только необходимой информации, выделение самого существенного и отказ от избыточных деталей;
- 3) формирование высокой информационной культуры, выработка наиболее рациональных приемов и методов управления информацией;

4) изучение и широкое применение понятия «Infogineering» – научного направления, связанного с созданием качественной и ценной информации (разработаны специальные методики и техники для процесса создания информации и повышения ее качества и эффективности);

5) повышение информационной грамотности населения;

6) большая трата времени на информацию, которую необходимо знать, и меньшая – на информацию, которую интересно знать;

7) активное привлечение к решению проблемы специалистов, для которых информация, ее продуцирование – это профессия;

8) международное сотрудничество на уровне государств и мировых IT-корпораций с целью разработки эффективных решений по преодолению информационного кризиса [9–12].

Таким образом, процесс становления информационного общества не обходится без осложнений и потрясений. Впервые на глобальном уровне человечество столкнулось с проблемой информационного перенасыщения, информационного взрыва и информационного голода. Подобные явления не имеют прецедента в прошлом. Поэтому человечеству необходимо консолидировать все усилия для нахождения путей выхода из информационного кризиса. Выше были приведены некоторые возможные варианты уменьшения негативных последствий информационного кризиса, но пока трудно говорить об их эффективности и полноте. Поскольку явление «информационный кризис» достаточно новое и мало исследованное, то глубина и возможные последствия этого кризиса еще до конца не ясны и не вполне осознаются человечеством. Переход человечества на новые ступени развития, как правило, сопровождался большими войнами. Есть надежда, что человечество найдет достаточно мудрости, чтобы не допустить катаклизмов вследствие процессов, которые являются очередным естественным витком развития цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. IT-технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.irk-info.ru/informatsionnyi-krizis.html>.

2. Факты и только факты: информационная перегрузка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lpgenerator.ru/blog/2014/01/07/fakty-i-tolko-fakty-informacionnaya-peregruz-ka/#ixzz2r6iwqHNa>.

3. Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.slovarnik.ru/html_tsot/i/informacionnyy-krizis.html.

4. Магафуров, К.Б. Информационный кризис как причина глобального экономического кризиса / К.Б. Магафуров // Каталог научных статей и публикаций, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.catalog-statei.ru/view_article.php?id=315.

5. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://iorgforum.org/about-iorg/>.

6. Marsden, D.P. Fast facts: Information Overload 2013 / D.P. Marsden [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://digitalintelligencetoday.com/fast-facts-information-overload-2013/>.

7. Dean, D. Recovering from information overload / D. Dean and C. Webb // McKinsey Quarterly, the business journal of McKinsey & Company [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mckinsey-quarterly.com/Organization/Talent/Recovering_from_informatio_overload_2735.

8. Корнівська, В.О. Криза професіоналізму та інформаційна криза в глобальному соціоінституційному просторі / О.В. Корниловська, В.Г. Яременко // Економіка,

2011. – С. 105–114 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.irbis-nbuv.gov.ua/.../cgiirbis_64.exe?.

9. Еляков, А.Д. Информационная перегрузка людей / А.Д. Еляков // Социолог. исслед. – 2005. – С. 114–121 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2006/08/2006-08_r_dek-s3.htm.

10. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.infogineering.net>.

11. Bawdenand, D. The darkside of information: overload, anxiety and other paradoxes and pathologies / D. Bawdenand, L. Robinson // Journal of Information Science. – 2009. – № 35. – Р. 180–191 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://jis.sagepub.com>.

12. Andretta, S. Information Literacy: A Practitioner's Guide / S. Andretta. – Chandos Publishing, Oxford, UK, 2005.

Frolova O.N. Information Crisis as «a great shock» of Modern Information Society

The article presents the results of the study of one of the negative effects of the information society: an information crisis. The author considers the main features and characteristics of this global process; analyzes the main approaches to understanding the information crisis; highlights the paradoxes of the information society in the context of globalization of communication; substantiates causes and consequences of information overload, suggests ways to solve and overcome the negative effects of the information crisis in modern society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.03.2014

УДК 327 + 502.1

О.А. Авраменко**СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Статья посвящена изучению воздействия факторов глобализации на процесс формирования и реализации экологической политики. В работе анализируется деятельность новых участников-субъектов глобализации, оказывающих влияние на механизм принятия решений в области экологии. На основании анализа деятельности глобальных субъектов устанавливается, что их воздействие на политику в области охраны окружающей среды носит амбивалентный характер и зависит от их функциональности и положения, которое они занимают в системе политических отношений. В заключение автор приходит к выводу о том, что без учета характера и масштабов глобальных воздействий невозможно в полной мере изучить процесс формирования и реализации экологической политики на уровне как отдельных государств, так и международной политики в сфере экологии.

Современный мир представляет собой совокупность деятельности множества субъектов, связанных политическими, экономическими, экологическими, военными и другими отношениями, которые в настоящее время приобрели всеобъемлющий характер и достигли уровня, позволяющего говорить о глобальности их масштаба. В результате формируется близкая по своему содержанию общность глобальных факторов воздействия на политику всех государств. Особенно это касается международных политических и экономических отношений, однако в не меньшей степени затрагивает и экологические позиции большинства стран мира.

В начале XXI в. экологическая политика не только проникла во все сферы жизни общества, но и приобрела общепланетарный характер. В ситуации все более набирающей темпы глобализации не учитывать влияние мировых тенденций на механизм формирования и реализации природоохранной политики практически невозможно. Под воздействием факторов глобального масштаба характер политического действия в области экологии и экологических отношений претерпел заметные изменения и на передний план вышли новые участники, которых можно назвать субъектами глобального воздействия. Их организационное оформление относится к концу XX в.

В качестве таких субъектов выступают как политические, так и неполитические международные организации. Сюда можно отнести транснациональные корпорации, научные и общественные объединения, группы интересов и лоббирования, бизнес-структуры, партии, СМИ и т.д. Указанные акторы являются организационной составляющей глобального воздействия и во многом оказывают влияние на формирование и реализацию современной экологической политики. Степень воздействия новых субъектов на политику в области охраны окружающей среды различна по своему содержанию и зависит от их функциональности и положения, которое они занимают в системе политических отношений. Изучение их влияния на экологические позиции государств представляет возможность более комплексного исследования механизма формирования и реализации экологической политики с учетом глобальных воздействий.

Так как основу процессов глобализации в первую очередь составляет экономическая компонента, рассматривать влияние субъектов глобального воздействия на экологическую политику следует начать с транснациональных корпораций.

Активизации деятельности ТНК во многом обусловлена правительственной политикой [3, с. 274]. Но только лишь усилиями правительства увеличить финансирование

ТНК не всегда возможно, так как зарубежные инвестиции являются результатом решений, принимаемых прежде всего частными фирмами. Поэтому одной из причин стимулирования зарубежных инвестиций следует отметить стремление ТНК обойти некоторые тарифные и нетарифные барьеры путем создания зарубежных филиалов. Этот процесс находит свое отражение в экологической политике многих государств.

При выявлении влияния ТНК на механизм реализации экологической политики можно заметить его амбивалентный характер. Для раннего периода деятельности компаний характерно их негативное воздействие как на экологию развивающихся государств, так и на мировую природоохранную политику в целом. Это объясняется тем, что многие из них стремились к минимизации своих расходов. Поэтому для размещения своих производств развитые государства выбирали страны с неразвитой экономической и правовой системами, которые для привлечения иностранных инвестиций и привилегированного положения своего государства не всегда следили за внедрением экологических стандартов на этих производствах. Более того, в силу политической и экономической нестабильности в развивающихся странах ТНК не ставили перед собой долгосрочных задач и перспектив. Такой расклад обусловил политику выкачивания ресурсов без соблюдения экологических норм и запретов. При этом развитые государства стремились вынести за границы своих территорий так называемые «грязные» производства и ориентировались на добычу ресурсов, непосредственно связанных с загрязнением окружающей среды [2, с. 7–8].

Но под влиянием глобальных факторов рыночная конъюнктура претерпевает изменения. Это находит свое отражение в трансформации механизма формирования экологической политики многих государств. Так, если в 90-е гг. XX в. власти некоторых стран для привлечения иностранных инвестиций могли не обращать внимания на соблюдение крупными компаниями многих экологических стандартов, то в настоящее время деятельность ТНК в экологической сфере подвергается достаточно жесткому контролю, а негативные воздействия их деятельности в сфере экологии постепенно сменяются положительными тенденциями. Кроме того, увеличение числа самих компаний вызвало конкуренцию, стимулирующую производство экологически чистой продукции. В ответ на это более действенной становится экологическая политика многих конкурирующих компаний, что заставляет другие ТНК пересматривать свои позиции в сфере экологии и изменять свою экологическую практику.

Следует также выделить и изменение государственного регулирования в экологической сфере как на национальном, так и на международном уровне. Наглядным примером может служить развитие ТНК в Китае. Огромный внутренний рынок КНР притягивает большое количество иностранных компаний, что дает возможность Китаю в качестве доступа к нему требовать передачи современных технологий, позволяющих регулировать экологические характеристики производимой продукции.

Еще одной причиной, обуславливающей учет экологических стандартов, является долгосрочное планирование деятельности современных ТНК, которое становится возможным при условии стабилизации политико-экономического положения государств, где транснациональные корпорации размещают свои производства. В такой ситуации ТНК становится заинтересованной стороной в сохранении экологически благоприятной обстановки и стремится к внедрению экологически эффективных технологий, что способствует проведению результативной экологической политики не только в государстве, в котором непосредственно размещаются производства, но и в странах, представляющих данное предприятие.

Переход ТНК к соблюдению экологических стандартов несет в себе положительное воздействие на природоохранную политику. Более того, в силу своего развития ТНК способны «подтянуть» экологическую политику в развивающихся государствах,

а это способствует усовершенствованию как экологического законодательства, так и всего механизма природоохранной структуры государств в целом. Все эти составляющие являются основой для формирования действенной государственной политики в сфере экологии. И, несмотря на то, что ТНК создают существенную нагрузку на окружающую среду, они располагают инвестиционными и научно-техническими ресурсами, которые необходимы государствам для решения экологических проблем.

Таким образом, можно констатировать, что влияние ТНК как субъектов глобального воздействия на механизм формирования и реализации экологической политики носит двойственный характер. Однако неоспоримо, что их воздействие на национальные правительства, на принятие государственных решений в экологической сфере влиятельно и весомо. Следует согласиться с мнением американского эколога-аналитика, основателя Института всемирного наблюдения Лестера Брауна: «Тенденции, ведущие мир к краю пропасти, – это разрушение естественных систем поддержки экономики и нарушение климата, именно эти тенденции должны быть повернуты вспять. Чтобы сделать это, потребуются исключительно острые меры, быстрый сдвиг с модели «бизнес как обычно» [9].

В настоящее время многие производственные компании осознали будущие перспективы рынка, направленные на сохранение экологического равновесия, реализацию экологических проектов, целью которых является улучшение состояния окружающей природной среды, создание и использование ресурсосберегающих технологий. Еще в 2007 г. в Швеции состоялся Тальбергский форум, на котором представители известных мировых фирм (Shell, IKEA, Microsoft, Volvo, Bosch, Siemens, Ericsson и др.) сели за «круглый стол» вместе с руководителями финансовых групп, банков, инвестиционных компаний, с руководящими сотрудниками министерств и учеными из ведущих исследовательских центров, с представителями общественных организаций. Пленарные заседания, дискуссии в малых группах, презентации были нацелены на поиск решения проблемы неустойчивости современного этапа развития человечества, и, как оказалось, представители бизнеса были на этом форуме очень активной группой [6, с. 5]. Все больше фирм ввели в практику выпуск отчетов, где наряду с экономическими достижениями освещаются их экологические проекты. В рекламных роликах на первое место выдвигаются экологические программы, «работающие» на позитивный имидж компании, а в ряде крупных международных корпораций введены должности директоров или руководителей отделов по устойчивому развитию [6, с. 5–6].

Это свидетельствует о том, что мировой бизнес поддерживает движение за устойчивое развитие и проведение эффективной экологической политики, а «устойчивое» потребление из просто лозунга переходит в категорию практических действий. В экономически развитых странах мира все большее количество покупателей продуктов и услуг отдадут предпочтение «зеленому» предложению. Результаты проведенного в США опроса 22 000 потребителей показали, что около 50% из них при принятии решения о покупке учитывают хотя бы один из четырех предложенных «факторов устойчивости» (экологичность продукта и упаковки, экологичность поведения производителя и продавца). Около 40% покупателей однозначно отдадут предпочтение экологически чистым продуктам [6, с. 7]. Эта позиция неизбежно влияет на спрос экологически чистых товаров. Бизнес вынуждает к этому прислушиваться. Поэтому развитие экологически ответственного бизнеса становится важной составляющей экологической политики любого современного государства, а интенсивность и результативность их совместной деятельности зависит от усилий как государства, так и бизнеса.

Несмотря на то, что бизнес-структуры не принимают прямого участия в процессе формирования экологической политики, они оказывают на нее влияние своим положением, финансовым обеспечением, а также значительностью субъектов в экономике

как на государственном, так и на мировом уровне. Влияние бизнеса открывает множество возможностей для реализации эффективной экологической политики. В первую очередь, улучшается адаптация к новым экологическим требованиям. А поскольку для осуществления перехода на экологически ориентированную экономическую модель развития необходима реализация целенаправленной и эффективной природоохранной политики, то ее действенными рычагами может стать система экологических инструментов, разрабатываемая бизнес-структурами. Ведь на уровне компаний экологический инструментарий включает целый комплекс средств, таких как экологическая оценка, экологический аудит, экологическая отчетность, экологический менеджмент, экоупаковка, экомаркировка и т.д. Такие меры являются успешными предпосылками осуществления государственной экологической политики.

Важными субъектами глобального воздействия на механизм формирования и реализации экологической политики являются международные организации. Прежде всего следует обратить внимание на деятельность Всемирной торговой организации (ВТО). Конечно, ВТО – это не экологический форум, однако взаимосвязь между экологической и торговой политикой неизбежна. В силах ВТО способствовать проведению торгового режима, способного стать ответственным по отношению к окружающей природной среде. Всемирная торговая организация осуществляет свою деятельность с 1 января 1995 г. С этого же времени функционирует комитет ВТО по торговле и экологии, в компетенцию которого входит многостороннее обсуждение проблем окружающей среды и торговли. Кроме того, в ВТО создан Отдел по торговле и окружающей среде, задачей которого является обслуживание комитетов ВТО, занимающихся вопросами торговой и экологической политики.

По мере того как экологические проблемы приобретают все более глобальный характер, происходит увеличение количества не только новых требований, но противоречий в системе отношений «торговля – окружающая среда». Торговая политика очень часто прибыль оценивает значительно выше, чем управление ресурсами и обеспечение устойчивого экологического развития. Поэтому многие исследователи считают, что для эффективного сотрудничества торговой и экологической сфер необходимо провести реформирование, которое даст возможность обеспечить учет интересов развивающихся государств, позволит сочетать торговые меры с соответствующими необходимыми мерами в экологической сфере, обеспечит приоритет в либерализации торговли экологически чистой продукцией, проведение оценки экологических последствий торговой практики [5, с. 159]. По мере углубления интеграции и возрастающего влияния глобальных факторов необходим баланс между политикой в области охраны окружающей среды и мировой торговлей. А ВТО в качестве субъекта глобализации при учете вышеназванных пунктов предложенного реформирования может оказывать значительное действенное влияние на экологические позиции большинства государств, а также на формирование результативной экологической политики.

Говоря об экологической практике Международного валютного фонда (МВФ) как субъекта глобального воздействия на экологические позиции государств, необходимо отметить, что в деятельности финансовых институтов вопросы экологической тематики, особенно в трансграничном аспекте, занимают достаточно весомое место. Еще в 2003 г. десять банков, которые относятся к числу наиболее крупных представителей мирового финансового рынка, заявили о том, что в своей практической деятельности будут руководствоваться «Принципами экватора» [8, с. 3]. В июле 2006 г. была принята и утверждена новая редакция «Принципов экватора» [12]. Концепция «Принципов экватора» основывается на природоохранных стандартах, которые применяются Международной финансовой корпорацией, являющейся членом группы Всемирного банка. Принятие банками «Принципов экватора» свидетельствует о том, что они берут на себя

ответственность за обеспечение экологической безопасности многих проектов финансирования еще на стадии их подготовки и устранения возможных неблагоприятных последствий проекта для окружающей природной среды.

Международные финансовые институты ответственно подходят к экологическому аспекту при финансировании многих программ и проектов, что положительно сказывается на проведении государственной экологической политики. Но необходимо отметить и их негативное воздействие. Благодаря МВФ многие развивающиеся государства мира ускоренно начали осуществлять свое индустриальное развитие, что, казалось бы, является положительным моментом, однако это привело к ухудшению экологического состояния многих государств. В результате быстрых темпов роста глобального финансового рынка развивающиеся государства получают возможность ускоренного технического и технологического развития. Быстрый рост их экономик приводит к увеличению потребления био- и энергоресурсов. А это ведет к увеличению нагрузки на окружающую среду. Усиленная эксплуатация земельных и водных ресурсов планеты в интересах производства, с одной стороны, неизбежна, а с другой – представляет огромный риск для человечества.

Международный валютный фонд наряду с Всемирной торговой организацией оказывают огромное влияние на развитие мирохозяйственных связей. Одной из важнейших задач МВФ является обеспечение либерализации международно-финансовых отношений. В ст. I Учредительного соглашения МВФ указывается, что данная организация должна способствовать процессу расширения сбалансированного роста международной торговли [4, с. 33]. Воздействие ВТО и МВФ носят преимущественно экономический характер, но вместе с тем они оказывают значительное влияние на экологические позиции государств и реализацию ими экологической политики.

Субъектами глобального воздействия, занимающими особое место в процессе влияния на экологическую политику, являются различные организации, входящие в структуру ООН и непосредственно курирующие экологические аспекты мировой политики. Приоритет роли этих субъектов по сравнению с другими глобальными акторами заключается в прямом их нахождении в сфере экологии. Под влиянием факторов глобального воздействия экологические организации приобрели новые возможности для реализации своих целей и задач. В своей деятельности они могут применять новые технологии и инструменты, такие как Интернет, глобальная общность экологических организаций, глобальная экономическая политика. В качестве субъектов глобального воздействия на экологические позиции государств экологические организации оказывают влияние на создание, развитие и усовершенствование экологического законодательства, содействуют международному сотрудничеству в сфере экологии, осуществляют мероприятия по охране окружающей среды.

18–20 октября 2013 г. в Минске состоялся Форум Общественных экологических организаций Беларуси. В нем приняли участие Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Региональный экологический центр Центральной и Восточной Европы (РЭЦ), Представительство Всемирного Банка в Республике Беларусь, Белорусское Общество Красного Креста, Биржи организационного развития, Коалиции «Чистая Балтика» (Швеция), Программы малых грантов, Глобальный экологический фонд (ГЭФ).

Среди задач Форума необходимо выделить содействие созданию партнерства между различными субъектами и заинтересованными сторонами национальной и региональной экологической политики, обсуждение и выработка консолидированных позиций экологического сообщества по наиболее актуальным проблемам [10]. В рамках общей темы Форума участники обсудили конкретные вопросы, в частности: окружающая среда и качество жизни, охрана водных объектов, химикаты в товарах, органическое

сельское хозяйство, городское развитие и др. Итогом работы Экофорума стало принятие всеми участниками Общей резолюции и 8 тематических приложений, отражающих позиции участников Форума экологических организаций – 2013 [11].

Под воздействием глобальных факторов действуют информационные службы, курирующие вопросы охраны окружающей среды. Своей деятельностью эти структуры оказывают существенное влияние на эффективность экологической политики. Накопленные базы данных, доступ к ним, обмен информацией способствуют взаимодействию политики и экологии не столько на региональном, сколько на глобальном уровне.

Таким образом, очевидно, что глобальные воздействия оказывают значительное влияние на экологические позиции государств. Для того чтобы решить многие экологические проблемы, необходимо объединить усилия не только большинства стран мира и стремиться к проведению единой экологической политики, но и учитывать влияние глобальных воздействий, влияющих на регулирование международных экологических отношений и механизм принятия решений в сфере экологии.

Глобальные воздействия в экологической политике можно оценивать двояко. С одной стороны, это влияние имеет отрицательный характер, так как зависит от глобальных мировых приоритетов. Но с другой стороны, именно это воздействие способствует применению ресурсосберегающих технологий, реализации разнообразных проектов в области охраны окружающей среды, разработке рекомендаций правительствам по наиболее важным вопросам освоения природных ресурсов, помощи развивающимся странам в установлении экологических приоритетов и т.д. Нельзя отрицать влияния внутренних и региональных факторов воздействия на экологическую политику. Оно специфично для каждого государства и региона. Однако игнорировать глобальные воздействия в настоящее время также не представляется возможным.

По мнению Т. Фридмана, глобализация, глобальные воздействия представляют собой новую систему, заменившую систему холодной войны. Не каждое государство может считать себя частью этой системы, но большинство стран находятся под давлением глобальных воздействий и должны адаптироваться к новым вызовам глобализации [7, с. 23]. Формирование экологической политики любого государства происходит под влиянием глобальных воздействий, которые в настоящее время диктуют новые условия для ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимчук, И.В. Экологическая практика транснациональных корпораций / И.В. Герасимчук // Экологический вестник. – 2008. – № 2. – С. 7–8.
2. Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Институт международных экономических и политических исследований РАН. – М. : Наука, 2005. – 184 с.
3. Дробот, Г.А. Транснациональные корпорации как субъекты международных отношений / Г.А. Дробот, В.Н. Дробот // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 274.
4. Кузнецов, В.С. Международный валютный фонд и мирохозяйственные связи / В.С. Кузнецов. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – 432 с.
5. Роль Всемирной торговой организации в глобальном управлении : сб. статей. – М. : Весь мир, 2004. – 296 с.
6. Сивограков, О. Бизнес и общественные организации: партнерство в интересах корпоративной социальной ответственности / О. Сивограков. – Минск, 2009. – 69 с.
7. Фридман, Т. Плоский мир. Краткая история XXI века / Т. Фридман. – М. : АСТ, Хранитель, Мидгард, 2007. – 608 с.

8. Ясинский, В. Экологические аспекты инвестиционной политики Евразийского банка / В. Ясинский, А. Мироненко, Т. Сарсембеков. – Алматы, 2011. – 48 с.

9. Природные ресурсы и экология [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kabbalah.info/rus/content/view/frame/113680?rus/content/view/full/113680&main>. – Дата доступа : 27.10.2013.

10. Белорусский зеленый портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://greenbelarus.info/rus/новости/529>. – Дата доступа : 27.10.2013.

11. Официальный пресс-релиз оргкомитета Форума общественных экологических организаций Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://greenbelarus.info/rus/новости/635/>. – Дата доступа : 27.10.2013.

12. «Принципы экватора» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.wwf.ru/about/what_we_do/sustainability/equator. – Дата доступа : 27.10.2013.

Avramenko O.A. Contemporary Ecological Policy Under the Influence of Modern Processes

The article is devoted to the study of the impact of globalization factors on the process of formation and implementation of environmental policy. The work analyzes the activity of new participants-subjects of globalization affecting the decision-making mechanism in the field of ecology. Based on the analysis of global entities it is established that their impact on policy in the field of protection of the environment is the ambivalent nature and depends on their functionality, and the position they occupy in the system of political relations. The author comes to the conclusion that without taking into account the nature and extent of global impacts impossible to fully explore the process of formation and implementation of environmental policy, both at the level of individual States and the international policy in the sphere of ecology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.12.2013

УДК 327:81'27

*А.Н. Костюков***ПРИМЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ИМИДЖА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

В статье рассматриваются основные направления применения языковых средств при формировании международного имиджа, а именно: использование языка политическими лидерами и СМИ (язык и стиль изложения мыслей и ведения переговоров, владение иностранными языками, используемые терминология и имена собственные), обучение языку за рубежом, взаимодействие с иностранными гражданами на территории страны, распространение информации о стране на иностранных языках. Также рассматривается взаимосвязь статуса страны и статуса языка и даются практические рекомендации по применению языковых средств при формировании имиджа.

Введение

В современных международных отношениях чётко прослеживается разделение средств воздействия на две группы: *soft power* (мягкая сила) и *hard power* (жёсткая сила). Международный имидж как средство из группы *soft power* получил всеобщее признание в качестве инструмента внешней политики. Международный имидж – это образ субъекта международных отношений, целенаправленно формируемый в сознании других субъектов международных отношений. Имиджем обладают государства, нации, политические лидеры. Актуальность проблемы международного имиджа в настоящее время обусловлена тем, что имидж – это феномен, значение которого возрастает с ростом в жизни общества роли информационно-коммуникационных технологий. Международный имидж может формироваться с помощью политических, экономических, культурных и других средств.

Целью данной работы является изучение и анализ возможных путей формирования международного имиджа наций и государств с помощью языковых средств. Материалом исследования служат тексты выступлений политических лидеров и СМИ, политическая и географическая терминология, действия национальных политических субъектов и субъектов международных отношений. Методом исследования выступает лингвистический и политологический анализ текстов, контент-анализ, анализ действий и заявлений субъектов международных отношений.

Язык, как и имидж, относится к группе средств *soft power*. Некоторые исследователи (например, Гаджиев [1], Горбушина [2]) признают язык важным фактором, влияющим на формирование международного имиджа, относя его к группе культурно-исторических компонентов. Однако эта проблема не разработана в научной литературе, поэтому представляется необходимой попытка систематизировать и обобщить международный опыт в сфере формирования международного имиджа с помощью такого феномена, как язык. Международный имидж и национальный язык тесно связаны и влияют друг на друга. Международный имидж может формироваться с помощью языка, поскольку через язык и культуру происходит восприятие страны, государства, нации. Национальный язык – это один из символов нации. В свою очередь, имидж страны способствует распространению языка в мире, влияет на его популярность и статус.

Политический язык – это «система знаков, посредством которой осуществляется формирование, функционирование и передача политической информации» [3, с. 631]. В этом качестве язык играет важную роль в международных отношениях в целом и в формировании имиджа международных акторов в частности. В сфере международных отношений проблема понимания проявляется в гораздо большей степени, чем во внут-

ренной политике, где субъекты общаются на одном языке. «Поиском языка в политике» и «поиском политики в языке» занимается политическая лингвистика [4, с. 27]. Среди прочих концептов языка она изучает язык как инструмент внешней политики. Это направление получило название «глоттополитика» [4, с. 36]. Язык, выступая средством коммуникации, служит также и «средством навязывания политической воли» [3, с. 632], т.е. средством воздействия на адресата речи, или, говоря PR-языком, на целевые аудитории. Язык – это внешнеполитический ресурс, который можно задействовать для достижения внешнеполитических целей государства, в том числе через формирование имиджа.

По нашему мнению, можно выделить четыре направления воздействия на объект имиджа с помощью лингвистических средств: 1) использование языка политическими лидерами и СМИ, 2) обучение языку за рубежом, 3) взаимодействие с иностранными гражданами на территории страны, 4) распространение информации о стране на иностранных языках.

Использование языка политическими лидерами и СМИ

В использовании языка политическими лидерами и СМИ можно выделить три блока: а) язык и стиль изложения мыслей и ведения переговоров, б) владение иностранными языками, в) используемые терминология и имена собственные.

Язык и стиль изложения, используемые на международных переговорах и в публичных выступлениях, оказывают непосредственное влияние на восприятие политика. Простые и короткие фразы однозначно трактуются и легче воспринимаются, их легче переводить с одного языка на другой. Например, по воспоминаниям дипломата О. Трояновского, фразы И. Сталина на международных переговорах было легче переводить, чем фразы Н. Хрущёва, так как они были короче, слова были подобраны более тщательно [5]. Н. Хрущёв же отличался длинными речами даже вне официальных заседаний и использованием ненормативной (с точки зрения дипломатического протокола) лексики. Сотрудник советского посольства в Египте В. Кирпиченко вспоминал о трудностях, которые испытывали переводчики, работавшие с Н. Хрущёвым: «Он буквально истязал их своими прибаутками. Очевидно, просто не понимал или вообще никогда не задумывался над тем, что не все идиомы переводимы на иностранные языки. Помимо хорошо известного и не переводимого ни на какие языки любимого выражения Хрущёва «кузькина мать» мне приходилось переводить и такие его перлы, как «баба с возу – кобыле легче» и «со свиным рылом в калашный ряд». Понятно, Насеру (президенту Египта – А.К.) так и не посчастливилось оценить по достоинству сочность и аромат этих выражений и пришлось довольствоваться приблизительными эквивалентами, тем более упоминание свиньи оскорбляет ухо правоверного мусульманина» [6, с. 58–63].

В каждой стране надо учитывать особенности произнесения речей, исходящие из особенностей национальной культуры. Посол СССР в Соединённом Королевстве Н. Луньков вспоминал, что премьер-министр Великобритании Г. Вильсон давал ему такой совет: «Простите за прямоту, но хотел бы предостеречь и от произношения длинных речей, у вас в стране речи настолько длинные, что люди засыпают. Больше 15 минут говорить не рекомендую, не забудьте использовать какую-либо шутку, у нас это принято, и даже королева так поступает» [7, с. 190–191].

Проблемы в отношениях между государствами может вызывать даже неправильное (по мнению одной из сторон) употребление предлогов. Например, «на Украине», а не «в Украине» (в русском языке допустимы оба варианта) может вызвать негативную реакцию как националистически настроенных политиков, так и официальных представителей этого государства.

Владение иностранными языками также важно с точки зрения восприятия политического лидера целевой аудиторией. В этом случае большую роль играют психологические аспекты. Если целевая аудитория (объект имиджа) слышит высказываемые мысли на родном языке, минуя переводчика, то она лучше относится как к говорящему, так и к социальной группе, институту (нация, государство как субъекты имиджа), которые лидер представляет. Примером здесь является 30-минутная речь президента России В. Путина на заседании немецкого Бундестага в 2001 г. Впервые глава иностранного государства произнёс речь в стенах рейхстага на немецком языке, что породило множество позитивных комментариев [8].

В случае недостаточного владения языком можно применить приём переключения внимания. Например, Н. Луньков вспоминает: «Мой норвежский язык был ещё не так хорош, поэтому, чтобы создать в аудитории более непринуждённую обстановку, я в начале доклада в шутку говорил: «Мне рассказывали, что в норвежском языке имеется 100 диалектов, а, послушав меня сегодня, вы будете считать, что теперь у вас 101 диалект». Следовала буря аплодисментов, и все мои грамматические погрешности прощались» [7, с. 126]. В случае если политик не владеет языком целевой аудитории, могут использоваться слухи о том, что он якобы владеет им. Например, для того, чтобы сформировать позитивное мнение американцев о советском лидере Ю.В. Андропове, через СМИ США были запущены слухи о том, что он прекрасно владеет английским языком [9, с. 274–276].

Немалое влияние на восприятие страны оказывает *терминология* и *имена собственные*, используемые политиками и СМИ. В политике немало явлений и событий, которые можно характеризовать с диаметрально противоположных позиций, используя разные термины. Например, по отношению к одному и тому же объекту термин «борец за независимость» выражает одно отношение, а термин «террорист» противоположное. Это касается как политической, так и других сфер жизни общества. Интересный материал для анализа дают названия военных операций. Все государства желают уже названием показать свою правоту и получить тем самым поддержку мирового сообщества. Например, операция США в Панаме в 1989 г. получила название «Правое дело», а в 2001 г. в Афганистане – «Несокрушимая свобода». Во втором случае изначально предполагалось «Безграничное правосудие», но это вызвало протесты, в том числе и союзников США.

К сфере терминологии относится и проблема наименования государств. Она возникает прежде всего перед вновь образованными государствами. Название государства, страны должно быть оригинальным. Например, в 1991 г. руководством БССР в качестве официального было выбрано не название «Belorussia», похожее в английском варианте на название другого государства («Russia»), а «Belarus». Это было сделано для того, чтобы с самого начала существования независимой страны она была отличима от других стран. Существенной является проблема названия балканского государства Македония. Такое же название носит и область соседней Греции. Изменение официального названия государства предложено для Македонии в качестве одного из условий для вступления страны в ЕС. По рекомендации ООН употребляется название БЮР (Бывшая югославская республика) Македония [10]. Сама же Македония предстаёт в образе страны, претендующей на чужие территории.

Это применимо и к названиям других географических объектов. Например, президент Венесуэлы У. Чавес заявлял, что будет использовать термин «Индийская Америка» вместо термина «Латинская Америка». Тем самым У. Чавес обозначал свою готовность стать во главе борьбы латиноамериканских стран с засильем западных компаний в этой части света и показать, кому должна принадлежать власть и собственность [11].

Обучение языку за рубежом

Изучение иностранных языков способствует более эффективному международному взаимодействию и упрочению внешнеполитического влияния в рамках «глобтополитики» [4, с. 42]. Знание языка внешнеполитических партнёров и оппонентов позволяет целевой аудитории получать информацию о них из первых рук, без посредников, а значит, без искажений. Для этого нужно способствовать изучению национального языка в странах, представители которых являются целевыми аудиториями. Например, Институт Гёте (Германия), Международный союз англоговорящих и Британский совет (Великобритания), Международная организация франкофонии (Франция), Институт Сервантеса (Испания), Фонд «Русский мир» организуют курсы по изучению своих национальных языков, обеспечивают методической и другой литературой тех, кто изучает язык. Очень активна в этом плане Германия. Известно много инициатив Министерства иностранных дел Германии в этой сфере. Например, «Школы: партнёры будущего». В её рамках Институт Гёте создал и поддерживает сеть из 117 немецких школ за рубежом, где учатся около 70 000 школьников. В будущем должна возникнуть сеть как минимум из 1 000 школ [12].

Взаимодействие с иностранными гражданами на территории страны

Взаимодействие с иностранными гражданами требует владения иностранными языками теми, кто постоянно контактирует с иностранцами. В первую очередь, это работники сферы обслуживания в столицах (диспетчеры и водители такси, работники железнодорожных касс и пассажирских вагонов, администраторы сферы общественного питания и гостиничного бизнеса), работники сферы культуры (экскурсоводы), сотрудники ОВД, работающие на массовых мероприятиях международного масштаба (Евровидение, спортивные мероприятия) и в паспортно-визовых службах. Массово обучали иностранным языкам сотрудников милиции в Украине, которая принимала чемпионат Европы по футболу в 2012 г. [13]. В музеях и на выставках необходимо готовить экскурсии на распространённых иностранных языках как экскурсоводами, так и в электронном варианте.

Иностранными языками должны владеть те государственные служащие, кто общается с иностранцами по долгу службы. Например, это касается чиновников, отвечающих за иностранные инвестиции. Вице-премьер РБ А. Тозик признал, что среди 332 работников аппарата Совмина нет никого, кто бы свободно владел иностранным языком [14]. Также на предприятиях, работающих с иностранными партнёрами, должны быть работники (именно работники, а не только переводчики!), владеющие иностранными языками.

Распространение информации о стране на иностранных языках

Распространение информации о стране на иностранных языках позволяет доносить информацию до целевых аудиторий на их родном языке, а значит, при минимальном искажении. Этим пользуются при радио- и телевидении, в Интернете не только такие крупные страны, как Россия, Китай, но и Казахстан, Республика Корея [15, с. 48].

Необходимо использовать и т.н. «экспорт литературы». Это в первую очередь литературные переводы произведений национальных авторов на языки целевых аудиторий. Эффективно привлекать к этой работе «лидеров мнений». Например, послы Швеции и Израиля в Республике Беларусь лично переводят на соответственно шведский язык и на иврит произведения В. Быкова [16]. Уже само по себе участие «лидеров мнений» в переводческой работе привлекает внимание аудитории к результатам этой работы. Также нужно практиковать написание (не переводы!) книг именно для иностранной аудитории. Написание книг под конкретную целевую аудиторию позволяет учиты-

вать её культурные (языковые, религиозные и др.) особенности. Обычные издания не учитывают особенности целевых аудиторий, их пишут «для всех». Это особенно полезно делать в сферах бизнеса и туризма. Активную политику здесь проводит Китай [15, с. 49].

Кроме этого, необходимо шире практиковать многоязычие Интернет-ресурсов как предприятий, работающих с иностранными партнёрами, так и государства в целом. Продуцируемые рекламные слоганы должны быть легко переводимыми на языки целевых аудиторий. Немалую роль в лучшем понимании экономической ситуации в стране служит переход на международные стандарты в экономической статистике и отчётности. Возможно составление и распространение электронных словарей с целью расширения доступа целевых аудиторий к источникам на своём языке. Эти материалы могут дополняться информацией о культурных, бытовых, экономических, правовых аспектах жизни страны.

Говоря о влиянии языка на формирование имиджа, необходимо сказать о взаимосвязи статуса страны и статуса языка. Чем выше статус страны, тем больше людей, изучающих её язык. Однако определённую роль играет сложность языка. Например, восточные языки гораздо сложнее европейских, а это препятствует их распространению, несмотря на статус страны. Общее правило заключается в том, что изучают язык стран более развитых экономически, технологически, культурно. Например, на технологических преимуществах Германии строится одна из инициатив МИД Германии по изучению языка «Немецкий язык – язык идей» [17]. Кроме этого, «развіццё прывабнага вобраза Беларусі патрабуе і большай увагі да беларускай мовы» [18, с. 23]. Отделение образа Беларуси от образа России в сознании целевых аудиторий должно идти в том числе и через формирование ассоциаций по линии «Независимая страна – собственный язык».

Заклучение

Таким образом, язык играет важную роль в формировании международного имиджа государства и нации, поскольку способствует распространению информации о стране, а значит, и формированию представления о ней. Выводы и рекомендации, которые можно сделать, исходя из вышеизложенного материала, по нашему мнению, заключаются в следующем. Во-первых, зарубежные представители страны должны владеть языком иностранной целевой аудитории, а также владеть ораторским искусством и учитывать особенности перевода и этническую и конфессиональную культуру целевой аудитории. Во-вторых, иностранными языками должны владеть все, кто контактирует с иностранными гостями на территории страны. В-третьих, для успешного формирования международного позитивного имиджа страны, нации необходимо активно использовать «экспорт литературы» и распространение по всем каналам информации о стране на языке целевых аудиторий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев, К.С. Имидж как инструмент культурной гегемонии / К.С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 12. – С. 3–14.
2. Горбушина, О.П. Имидж страны: структура и факторы формирования / О.П. Горбушина // Журнал прикладной психологии. – 2006. – № 2. – С. 26–32.
3. Мельник, В.А. Современный словарь по политологии / В.А. Мельник. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 640 с.
4. Мухарямова, Л.М. Политическая лингвистика: становление понятийного аппарата / Л.М. Мухарямова // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. – 2004. – № 3. – С. 26–46.
5. «Их XX век» // Телеканал «Школьник ТВ». – 2008. – 31 января. – 12:45 мск.

6. Кирпиченко, В. Из архива разведчика / В. Кирпиченко. – М. : Международные отношения, 1993. – 336 с.
7. Луньков, Н. Русский дипломат в Европе / Н. Луньков. – М. : ЛГ Информэйшн Групп, ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 352 с.
8. Новая эра // Deutschland. – 2001. – № 5. – С. 31–32.
9. Соловьёв, В. Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль / В. Соловьёв, Е. Клепикова. – СПб. : Северин, 1995. – 333 с.
10. Евросоюз вмешался в «исторический спор» между Грецией и Македонией // Евробюллетень. – 2011. – № 6 (октябрь). – С. 5.
11. Уго Чавес решил переименовать Латинскую Америку // РИА Новости – Украина [Электронный ресурс]. – 2008. – 12 августа. – Режим доступа : <http://www.24.ua/news/show/id/59520>. – Дата доступа : 21.06.2012.
12. Школы: партнёры будущего // Deutschland. – 2008. – № 2. – С. 4.
13. 27 тысяч украинских сотрудников милиции выучат английский язык // Футбол [Электронный ресурс]. – 2011. – 13 ноября. – Режим доступа : <http://www.faizfootball.ru/news/document2931>. – Дата доступа : 28.06.2012.
14. Шестакова, О. Вице-премьер Анатолий Тозик: «В аппарате Совмина 332 сотрудника, и ни один не владеет свободно иностранными языками» / О. Шестакова // Комсомольская правда в Белоруссии [Электронный ресурс.] – 2011. – 09 февраля. – Режим доступа : <http://www.kp.by/daily/25635/799979>. – Дата доступа : 21.06.2012.
15. Толстик, И. Страновой маркетинг на медиарынках / И. Толстик // Беларус. думка. – 2009. – № 3. – С. 46–49.
16. Посол Израиля перевёл рассказы Быкова на иврит // БДГ-Деловая газета [Электронный ресурс]. – 2007. – 23 июня. – Режим доступа : bdg.by/news/news.htm?106215,5. – Дата доступа : 21.06.2012.
17. Спорт & язык // Deutschland. – 2010. – № 2. – С. 3.
18. Шадурскі, В. Каб ведалі і паважалі: Даследаванне праблемы фарміравання вобраза Беларусі ў замежных краінах / В. Шадурскі // Беларус. думка. – 2009. – № 3. – С. 18–23.

Kostyuchkov A.N. The Application of Linguistic Means in the Process of Forming the Image in International Relations

The article deals with basic directions of the application of linguistic means in the process of the formation of the international image, namely the use of the language by political leaders and the mass media (the language and the style of stating one's ideas and in the process of conducting negotiations, the knowledge of foreign languages, terminology and proper names that are used), the training of a language abroad, interaction with foreign citizens within a country's territory, the dissemination of information about a country by means of foreign languages. The article also describes the connection of a country status and a national language status. In conclusion the author arrives at practical recommendations concerning the application of linguistic means in the process of forming the international image.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.03.2014

УДК 316 + 316.42] (476)

Е.М. Бабосов

БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

В статье обосновывается необходимость социологического исследования происходящих в XXI в. коренных изменений в социально-пространственной архитектонике и темпоральной социодинамике социума. Подчеркивается актуальность изучения валового внутреннего продукта не только в экономическом, но и социальном измерении, а также социологического обеспечения информационной и кибербезопасности страны.

Завершающееся первое пятнадцатилетие XXI в. показало, что человечество в настоящее время живет в непредсказуемом, переполненном глобальными социальными турбуленциями, часто невероятными и шокирующими (вспомните весенние события 2014 г. в Украине), нелинейно развивающемся социуме.

Наметились и становятся все более рельефно выраженными несколько новых тенденций в развитии социума, которые нуждаются в углубленном социологическом исследовании и теоретической экспликации. Одна из самых примечательных среди них проявляется в коренном изменении социально-пространственной архитектоники социума. В нем возникает множество новых, нередко неожиданных пространственных и временных характеристик. Во временных их изменениях происходит усиление значимости субъективных восприятий, переживаний и оценок движения общества и человека вдоль невозвратимости стрелы времени.

На наших глазах происходит отделение Крыма от Украины и возвращение его в исторически существовавшее длительное время государственно-территориальное лоно России. Беларусь активно участвует в интеграционном объединении с Россией и Казахстаном и отстаивает весьма перспективную доктрину не равной удаленности, а равной приближенности к Востоку и Западу. Все рельефнее проявляется тенденция отсоединения Каталонии от Испании, Шотландии от Великобритании. Все более широкие круги населения (особенно молодежь) втягиваются в виртуальное пространство, создаваемое интернет-сетями. Происходят коренные изменения в темпоральности социальных процессов.

Если иметь в виду социально-пространственную характеристику изменяющейся конфигурации современной архитектоники социума, в которую включена Беларусь, то наши социологи призваны обстоятельно, конечно, в содружестве с политологами и экономистами исследовать основные тенденции, особенности, социальные трудности и барьеры функционирования принципиально нового интеграционного образования, каким является Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, и перспективы присоединения к нему ряда сопредельных государств на пути его преобразования в Единое экономическое пространство и Евразийский союз.

В несколько ином теоретико-методологическом ключе должна рассматриваться и решаться белорусскими социологами существенно изменяющаяся в наше время панорама извечной проблемы «Человек и его включенность в социальное пространство». Наряду со всегда существующей чувственно воспринимаемой осязаемой реальностью наш современник, особенно молодой, все чаще включается в виртуальное пространство, создаваемое электронными средствами массовой информации. Виртуализация пространства несет с собой как несомненные блага, так и ощутимые угрозы. Погружаясь в мир т.н. «электронной культуры», человек попадает в калейдоскопически изменяю-

щийся *игровой мир*, на ярко расцвеченном фоне которого некоторые духовно-нравственные ориентиры начинают восприниматься многими как устаревшие, второстепенные. Стремительно и ситуативно изменяющаяся сиюминутность не оставляет времени для серьезного осмысления и взвешенной оценки всего, показываемого на телеэкране и сайтах Интернета. Последнее дает максимум свободы в выборе сюжетов при минимуме ответственности. Вследствие этого ускользает различие между нравственностью и безнравственностью, сужается пространство реально действующей морали и рациональности. Разумеется, признание данного факта не следует превращать в противопоставление действительной и виртуальной реальности, нужно только взвешенно оценить, что несет людям нынешнее расширение пространственной структуризации реальности и ее многообразия. Чтобы электронная культура развивалась в благотворном для человека направлении и чтобы она не уводила его целиком в виртуальный мир, необходимо всемерное развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества и человека. В этом решающая роль принадлежит системе образования и культуре, где общечеловеческие мировые ценности должны органично взаимодействовать с ценностями национальной культуры.

В такой ситуации социология призвана выявить, осознать и четко эксплицировать, что углубление единства человечества и международной культурной интеграции под влиянием глобализации и Интернета (как одного из ее эффективных средств) не может протекать и интерпретироваться вне локализирующего их *национального контекста*. Нация – это ведь не только историческая, территориальная, языковая и экономическая общность людей, это еще и гражданско-правовое и национально-культурное сообщество. Поэтому в современных условиях новые грани актуальности приобретает не новая проблема социокультурной идентификации различных наций и стран, в том числе и белорусского народа, долженствующая быть осмысленной и истолкованной социологами по-новому с учетом быстро меняющейся социальной реальности первого десятилетия XXI в.

В обширной и многосторонней социодинамике социально-пространственных и социально-темпоральных изменений первой четверти XXI ст. (особенно применительно к Беларуси и России) важнейшее значение, которое следует иметь в виду нашим социологам, приобретает комплексная модернизация экономики и всех других сторон жизнедеятельности людей. Чтобы этот процесс достиг желаемой эффективности и успешности, модернизация должна быть не вершущей, вовлекающей в свою орбиту только управленческие структуры, а включить в себя все социальные группы и общности занятого населения, а также молодежь, которая пока обучается в школах, вузах, но в ближайшее время вступит на путь самостоятельной трудовой деятельности.

Чаще всего важнейшим показателем эффективности модернизации и экономического благополучия страны и ее народа считается рост валового национального продукта (ВВП), включая также и расчет ВВП на душу населения. Это, разумеется, вполне оправдано и правильно. Однако при концентрации внимания только на количественных показателях ВВП не находят отражения и осмысления такие т.н. экстерналии качественного характера, которые в дальнейшем обеспечивают повышение благосостояния и качества жизни людей, например, динамика доходов населения и инфляционных процессов, улучшение здоровья, образования, сокращение преступности, совершенствование безопасности граждан, экологических и социокультурных условий жизнедеятельности человека. Поэтому следует больше внимания уделять совместным исследованиям экономистов, социологов, психологов основных направлений регулирующего воздействия государства на развитие национальной экономики, возрастающей значимости государственно-частного партнерства в развитии экономической системы, динамики рынка труда и занятости, доходов населения и покупательского поведения потребителей, име-

ющих существенное значение в развитии и эффективном использовании человеческого капитала в повышении качества жизни белорусского народа.

В связи с тем, что понятие «эффективность экономики» органично связывается с социальным комфортом, элементы социального комфорта отдельных индивидов, их социальных групп и общностей превращаются в ресурсы повышения эффективности экономической деятельности. А это означает, что использовать новые технологии в целях повышения эффективности хозяйствования способны только достаточно образованные люди, обладающие разнообразными интересами, располагающие возможностями и навыками их удовлетворения, активные и социально ответственные в производственной, инженерно-конструкторской и управленческой деятельности. Поэтому социологи призваны более целеустремленно исследовать, какие мотивационные, социально-экономические, социокультурные факторы используют работники различных категорий: управленцы, инженеры, рабочие и т.п. – в пространстве экономической деятельности. Ведь сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что важные источники экономического роста заключаются в социальной сфере, в активной деятельности человеческого капитала, ориентированной на повышение уровня производительности труда, на потребности клиентов, запросы и нужды потребителей, повышение роли разнообразных сетей отношений, ставших фундаментом развития человека и общества.

В связи с этим перед социальной и другими отраслями гуманитарного знания возникает еще одна важная задача – организовать научное обеспечение и сопровождение креативного стратегического управления. Коль скоро наша национальная экономика должна становиться все более инновационной и креативной, то и управление ею может стать эффективным в той мере, в какой оно насыщается элементами креативности, творчества. Необходимость радикального сдвига и в мышлении и в практической деятельности в сторону креативности обусловлена целым рядом происходящих в современном мире коренных трансформаций. Назовем две из них, наиболее существенные. Первая заключается в том, что, вырвавшись из недр системного мирового кризиса, радикальные социальные изменения обнаруживают все более явную тенденцию к нарастающей скорости, масштабности и непредвиденности, неопределенности, вследствие чего без креативности в мышлении и действии в процессе адаптации к ним не обойтись.

Вторая состоит в том, что современное развитие новейших информационных технологий, нарастающие потоки информационных, в том числе аудио-, видеоданных, конструирование все новых сюжетов и форм виртуалистики, разнообразных коммуникационных связей диктуют необходимость перехода от отдельных креативных решений к разработке и применению системной креативности. Именно системное креативное управление становится в настоящее время ключевым элементом, интегрирующим ядром эффективной управленческой деятельности, особенно если она осуществляется в кризисных ситуациях.

Поскольку креативное мышление и действие становится наиболее оптимальным и эффективным инструментом преодоления кризиса и его негативных последствий, постольку существенное значение имеет выяснение смысла понятия «креативность». *Креативность* – это способность к творческому мышлению, реализующемуся в генерировании принципиально новых идей, в конструировании сначала в мыслях и воображении, а затем и в практических действиях новой, ранее не существовавшей реальности – природной, социальной, виртуальной [2, с. 259–260].

Для успешного развития управленческой креативности в Беларуси имеется достаточно благоприятная социальная и интеллектуальная среда. По индексу знаний, т.е. способности генерировать и распространять научную информацию, наша страна находится в рейтинге из 146 государств на 45 месте в мире. А по эффективности использования знаний для экономического роста за последние годы Беларусь поднялась с 73 на

50 место. Это создает благоприятные возможности для повышения эффективности национальной экономики.

Разумеется, в одной статье не представляется возможным охарактеризовать весь обширный ареал перспективных направлений социально-гуманитарных научных исследований, ориентированных на поиск путей и средств повышения эффективности национальной экономики. Мы обозначили только некоторые из них, которые, как представляется, наиболее существенны и значимы. Полагаю, что по этой проблеме могут быть высказаны и другие суждения, что может стать поводом для дискуссии.

Судьбоносное значение имеет направление перспективных фундаментальных исследований в области общественных наук, состоящее в изучении наиболее эффективных путей **обеспечения национальной безопасности** страны, тем более что в современном, становящемся все более глобализированным мире резко усиливается военно-политическая, экономическая, информационная конкуренция, обостряются глобальные социальные турбуленции и конфликты интересов. В условиях, когда претенденты на мировую гегемонию ставят под вопрос нормы нравственности, твердят о размывании и увядании традиций национальных культур и государственных суверенитетов, когда на нашу страну, равно как и на Россию, обрушиваются волны информационных атак и кибервойн, резко актуализируется проведение фундаментальных исследований информационной безопасности. В этом направлении необходимо организовать творческое взаимодействие философов, социологов, экономистов, исследователей в области кибернетики и радиоэлектроники, чтобы своевременно улавливать и теоретически эксплицировать новейшие тенденции в развитии межстрановых и мировых информационно-коммуникационных процессов, вырабатывать и практически применять новейшие технологии выявления, предупреждения и противодействия враждебным вторжениям в информационное пространство страны. Это позволит осуществлять квалифицированное предупреждение и пресечение информационно-кибернетических атак на наши государственные структуры, финансовую и политическую системы, на коренные интересы белорусского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е.М. Белорусская социология перед вызовами первого десятилетия XXI века / Е.М. Бабосов // Социология. – 2006. – № 4.
2. Бабосов, Е.М. Основные пути использования достижений социально-гуманитарных наук в развитии национальной экономики / Е.М. Бабосов // Проблемы управления. – 2014. – № 1 (50).
3. Бабосов, Е.М. Взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарного знания как условие формирования перспективных направлений / Е.М. Бабосов // Доклады НАН Беларуси. – 2014. – Т. 58. – № 1.

Babosov E.M. Belarusian Sociology in Search of Answers to the Challenges of the Twenty-first Century

The author of the article necessity of sociological research of radical changes taking place in the twenty-first century in the socio-spatial and temporal architectonics and sociodynamics of society. The relevance of the study of the gross domestic product, not only in the economic but social dimension, as well as of the sociological providing of information and cyber security of the country.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.03.2014

УДК 338.48:316 (035.3)

*Т.И. Яковук***СОВРЕМЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФУЗИИ**

В статье рассматривается туризм как одна из наиболее популярных современных и престижных форм организации свободного времени и механизм социокультурной диффузии. Туризм – это всегда встреча, несущая в себе шансы, угрозы и иллюзии. Поэтому так важно рассмотрение проблем, связанных с человеком и его отношением с другими людьми: туристами, турорганизаторами, обслуживающим персоналом, местным населением центров туристического пребывания. Особое внимание занимают проблемы, связанные с аксиологическими и гносеологическими результатами встречи: столкновение с иными культурными и социальными нормами, стилями повседневной жизни и образцами организации свободного времени, иной наполненностью привычных ценностей приводит к различным реакциям – от полного их непонимания и отрицания до частичного или даже полного усвоения и включения в собственную духовную и повседневную жизнь. Такая трансформация структуры ценностей ведет, в свою очередь, к переоценке прежних ценностей, пересмотру устоявшихся важных и обязательных к исполнению норм и правил повседневной жизни, к изменению идентичности личности путешественника.

Туризм как область современной жизни и инструмент, влияющий на форму постоянно трансформирующейся окружающей действительности, вынуждает обращать внимание на то, что в настоящее время мы являемся свидетелями и участниками невиданных в истории человечества разнообразных глубочайших перемен. Здесь следует вспомнить о том, что практически до последнего времени не было оснований говорить о человеческом сообществе. Разбросанная по земному шару человеческая популяция приобрела онтологическое единство лишь с появлением объективной взаимозависимости и субъективной взаимной солидарности между людьми. Несмотря на то, что уже древние философы использовали категорию «человечество», а предмет пристального интереса уже отцов социологии являлись процессы эволюции человеческого сообщества, основания говорить о человеческом обществе в глобальном измерении появились лишь в XX в. В историческом измерении развития обществ четко просматривается сюжет объединения человеческих коллективов во все более крупные социальные структуры вплоть до формирования государства как его формальной организации, а в последние десятилетия вплоть до создания надгосударственных структур, носящих глобальный характер.

При этом важнейшим условием протекания глобальных процессов является возможность передвижения человека в пространстве. В этой мобильности значительное место отводится туризму, поскольку глобализационные процессы опираются на механизмы социокультурной диффузии. Перемещение людей и информации в пространстве, ведущие к стандартизации ценностей, культурных и потребительских предпочтений, а также современных стилей жизни, способствуют как росту числа виртуальных групп соотнесения, так и возможности и трансмиссии культуры. Переплетаясь, эти процессы приводят к ослаблению местных традиционных социокультурных ценностей и опирающихся на них стилей жизни, внося в жизненное пространство людей не только новые современные и способствующие креативному поведению ценности, но и всю гамму деструктивных социокультурных образцов, разрушающих сложившиеся на протяжении столетий шаблоны поведения больших групп людей.

К числу многочисленных результатов процесса социального развития можно отнести прежде всего рост числа открытых обществ по отношению к обществам закрытым, в которых возможности передачи культурного опыта остаются ограниченными (при том, что классически закрытых обществ на планете к началу третьего тысячелетия

не осталось). Открытый характер общества в большинстве случаев означает постепенное угасание характерного для закрытых обществ культурного этноцентризма и проникновение в массовое сознание их членов новых, привнесенных извне социокультурных ценностей, в значительной степени меняющих сложившиеся на основе традиционной культуры стили жизни. При этом формирование новых стилей происходит за счет трансформации и постепенного исчезновения патологического измерения формирования и поддержки национальных и этнических стереотипов.

Известный шведский антрополог Ульф Ханнерц, автор знаменитой панели «Основания урбанистической теории» и множества исследований городской жизни и формирования городской культуры, рассматривает четыре возможности стандартизации, обусловленные культурной диффузией:

1. Вариант глобальной гомогенизации, предполагающий размещение более привлекательных и повсеместно доминирующих западных образцов на месте исчезающих локальных ценностей и поведенческих шаблонов.

2. Вариант культурного насыщения, предусматривающий постепенную, растянутую во времени на нескольких поколений смену культурных предпочтений.

3. Вариант культурной деформации, основанный на фильтрации ценностей западной культуры и усвоении лишь ее ценностей более низкого уровня (т.е. происходит процесс «подгонки» западных ценностей к локальным культурным канонам).

4. Вариант культурной амальгамации, предполагающий селективное обогащение западной центральной культуры образцами культуры периферии.

Автор «Оснований урбанистической теории» склоняется к варианту культурной амальгамации как наиболее вероятному в современном социокультурном пространстве, поскольку она в большей степени соответствует результатам известного знания о социальном функционировании.

Проблема феномена туризма как встречи имеет многоплановый характер, поскольку это не только личная встреча с другими людьми (такими же туристами или жителями других городов и стран), но и встреча с самим собой, что придает ей метафизический, сакральный характер.

Аксиология туризма, рассматривая причины интенционального стремления человека к предчувствуемым ценностям и их поиску вне стен родного дома, подходит к очень важному аспекту духовной жизни личности – к самокреации. Туристическая индустрия, отслеживая и оценивая стремления, мотивацию выезда туристов разного социокультурного статуса, предлагает им места, объекты, события, называемые достопримечательностями, которые способны приблизить туристу предчувствуемые ценности, предлагает разнообразные формы туристической активности, пробуждает интерес к далеким путешествиям, стимулирует индивидуальные планы путешествий.

Даже поверхностное изучение аксиосферы туристического опыта, например, путем прочтения путевых заметок, просмотра фотографий и любительских кинофильмов, смонтированных по мотивам посещенных достопримечательностей, присланных из далеких странствий открыток и привезенных сувениров, свидетельствует о многозначности мотивации путешествия.

Наряду со стремлением к достижению индивидуальных целей (здоровье и удачная жизнь, знание о себе и о мире, духовность, красота, удовольствие и развлечения) в туризме реализуются групповые и коллективные интересы. При этом оказывается, что динамика происходящих в процессе путешествия социокультурных трансформаций может приводить к абсолютно различным результатам, как сближая, так и разделяя людей, общности и культуры, а направление этого процесса не всегда соответствует направлению физически пройденного пути и затраченному времени. Разнообразные образцы опыта, который можно приобрести, посетив те или иные популярные места от-

дыха, например, на берегу теплого моря или на прекрасной альпийской туристической базе, в тематическом парке или престижном курорте, на различного рода чемпионатах, олимпиадах, а также на концертах популярных музыкантов, детально и привлекательно описываются в туристических предложениях с броскими названиями турпродуктов, в информационно-рекламных обращениях, в туристических проспектах.

Решение туриста о контакте с предлагаемым социокультурным пространством, на котором процессы диффузии культурных ценностей протекают наиболее интенсивно, как правило, следует после знакомства с более или менее сконструированной моделью путешествия, визита или встречи. При этом оказывается, что выбор может базироваться не на маршрутах, предлагаемых организаторами туристического движения, а на собственном представлении о далеких странах и желании знакомства с ними. Так, туристический продукт, создаваемый по желанию клиента для индивидуального использования, в той или иной степени отражает мечты клиента, его стремления, предвкушение удовольствия от предстоящей долгожданной встречи с конкретной достопримечательностью (Колизеем, Собором Парижской Богоматери, Лазурным побережьем или норвежскими фьордами).

Реальное путешествие предполагает наличие как конструктивных, так и деструктивных встреч, во время которых турист является и субъектом, и объектом воздействия. При этом происходит социокультурная диффузия в виде институализации туристического опыта, проявляющаяся сначала во время его приобретения, а затем в социальной интерпретации, прочтении значений. Приобретаемый туристом опыт во многом определяется языком туризма, т.е. языком туристической рекламы, языком СМИ, пропагандирующих современные стили жизни, обязательно включающие в себя далекие путешествия, занятия различного вида туризмом, а также маркетинговыми стратегиями туристических операторов. На формирование туристического опыта оказывают также влияние интенсивно протекающие процессы культурной универсализации, стирания физических, экономических и культурных границ, усвоение стилей жизни, характерных для общества постмодерна. На фоне динамики роста международного туристического движения постоянно звучат споры по поводу этических проблем, возникающих при встречах в местах туристического пребывания.

С одной стороны, критические высказывания формулируются жителями популярных регионов туристической перцепции развивающихся стран, осознающими нарастающие угрозы и дисфункции туризма, следующие за культурной диффузией, а с другой же стороны, в дискуссию о пересмотре существующего положения вещей вступают представители доминирующей (американизированной) культуры, убежденные в необходимости самокритики и коррекции поведения туристов в странах, например, исламского мира. Длинный перечень нарушений туристами этических норм начинается с безразличия и безответственности и заканчивается пренебрежением к другому человеку, безразличностью, нетерпимостью, непорядочностью, невоспитанностью, обманом и отсутствием уважения, ненавистью и несправедливостью.

Поскольку взаимосвязь туризма и культуры в процессе приобретения более широких смыслов, относящихся уже ко всему глобальному человечеству, не утрачивает своей актуальности, то рассмотрение туризма как механизма социокультурной диффузии позволяет нам подойти к целому ряду выводов.

Во-первых, туризм является функцией культуры. В определенном смысле он даже позволяет проявить культуру, поскольку нельзя понять туризм, не понимая, что происходит с современной культурой.

Во-вторых, туризм является элементом культуры, поскольку он прочно вписался в реалии современного образа жизни.

В-третьих, туризм является транслятором культуры: диффузия наиболее популярных современных социокультурных ценностей и стилей жизни происходит с участием туризма, поскольку столкновение культур наиболее осязаемо при личных контактах. Роль «победителя» при этом отводится западной культуре, как наиболее соответствующей современному ритму жизни.

В-четвертых, туризм является встречей и «столкновением» культур, поскольку расширение культурных горизонтов происходит не только за счет выше упомянутых западных ценностей, но и утраты ценностей, традиционных для данной туристической местности (дестинации). В данном случае наиболее сильным является то столкновение, которое оставляет наступивший в результате социокультурной диффузии наиболее глубокий след в социокультурной жизни туристических дестинаций.

В-пятых, туризм ввиду его способности к социокультурной диффузии является фактором культурных перемен, т.е. изменений индивидуального и общественного сознания, ведущих, в свою очередь, к изменению и культурного содержания, и культурных смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sztompka, P. Socjologia. Analiza społeczeństwa / P. Sztompka. – Kraków : Znak, 2003.
2. Stasiak, A. Kultura a turystyka – wzajemne relacje / A. Stasiak ; E. Pucharewicz (red.) // Wielokulturowość w turystyce. – Warszawa : LIBRON, 2007. – S. 47–62.

Yakavuk T.I. Contemporary Tourism as One of the Mechanisms of Social and Cultural Diffusion

In this article considers tourism as one of the most popular contemporary and prestigious forms of free time and mechanism of the social and cultural diffusion. Tourism is always a meeting, which involves chances, threats and illusions. Therefore the analysis of problems, related to individuals and their relations with other individuals – tourists, tourist operators, service personnel, local inhabitants in the centers of tourist stay are so important. The particular role is played by the problems, related to axiological and epistemological results of a meeting. The encounter with other cultural and social norms, everyday lifestyles and models of the organization of leisure, with other contents of the usual values causes different reactions– from total lack of understanding and denial to partial or even full adoption and inclusion to an individual's own spiritual and everyday life. Such a transformation of the structure of values causes, in its turn, the revaluation of previous values, re-consideration of stable and binding norms and rules of everyday life, to the modification of the personality of the travelling individual.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.03.2014

УДК 322+338.48

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В РАЗВИТИИ
АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕГИОНЕ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ**

В данной статье анализируется совокупность негативных и позитивных, внешних и внутренних факторов социального порядка, оказывающих воздействие на становление и развитие агроэкотуризма в регионе Припятского Полесья. Показана роль новых для Беларуси общественных структур, способствующих развитию устойчивого туризма: инициативных групп по Местным повесткам – 21, Общественных советов по агроэкотуризму и Советов по управлению агроэкотуристическими кластерами. Раскрывается содержание сетевых отношений субъектов агроэкотуристической деятельности. Рекомендуются десять тематических приоритетных направлений, в рамках которых целесообразно осуществлять сетевое взаимодействие государственных и общественных субъектов в процессе становления и развития агроэкотуризма в Припятском Полесье.

Введение

Важным компонентом «Государственной программы социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 гг.» является комплекс мероприятий, направленных на развитие в этом регионе агроэкотуризма. Совершенно логично, что ответственность за их реализацию возложена на соответствующие органы государственной власти. Очевидно, однако, что эффективность этих мер значительно возрастет, если усилия государства в этом направлении будут дополнены общественными инициативами, активным участием структур гражданского общества, поддержкой международных фондов и организаций.

В современной Беларуси существуют различные социальные инициативы, общественные и предпринимательские структуры, готовые внести позитивный вклад по реализации сформулированных в данной Госпрограмме задач: 1) повышение жизненного уровня населения, обеспечение новыми рабочими местами; 2) сохранение в близком к естественному состоянию уникальных природных комплексов Припятского Полесья, охрана окружающей среды и создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения; 3) оценка туристско-рекреационного потенциала региона, обоснование и создание инфраструктуры для развития агроэкологического, культурно-познавательного, водного, спортивного, оздоровительного и трансграничного туризма. Следует специально отметить, что в ее (Госпрограммы) целях зафиксирован принцип устойчивости, который, как известно, имманентно предполагает построение партнерских отношений между заинтересованными в решении конкретных проблем персонami и организациями, государственными и общественными структурами (персоналом и администрацией природных заказников и заповедников, общественных организаций, церковных общин, бизнес-структур, учебных заведений, отдельных трудовых коллективов, органов местного самоуправления и др.).

Рамочные условия развития агроэкотуризма в Припятском Полесье

Прежде чем сформулировать предложения по формированию, развитию и институционализации общественных инициатив, ориентированных на развитие агроэкотуризма в регионе, целесообразно, с одной стороны, определить рамочные условия агроэкотуристической деятельности сквозь призму усиления общественного участия, а с другой – оценить уже существующий опыт общественной активности в этом сегменте туризма. Национальная Стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2020 г. как раз обращает внимание на местные сообщества как на заинтересованную сторону и активного участника ее реализации, отмечая, что создание экономических,

социальных и экологических основ для устойчивого развития страны невозможно без участия в этом процессе местных сообществ, призванных осуществлять поиск путей и средств обеспечения устойчивого развития в конкретных регионах, городских и сельских поселениях [1, с. 183]. К тому же задачи развития местных сообществ и решаемые ими проблемы невозможно, как правило, вместить в рамки деятельности отраслевых министерств и отдельных учреждений.

Очевидно, что форматирование и осуществление Госпрограммы в той ее части, которая касается развития в этом регионе агроэкотуризма посредством общественного участия, происходит в определенных рамочных условиях экономического, социально-политического и культурного порядков. Сначала отметим воздействие на эти процессы комплекса **неблагоприятных** факторов.

1. Важная проблема заключается в том, что Припятское Полесье включает в себя две административные области (Брестскую и Гомельскую), имеющие, как правило, собственные, независимые друг от друга, программы, планы и практики развития туризма. Отсюда возникают сложности их согласования в рамках принятой Госпрограммы, поскольку отсутствует инстанция, монополизировавшая в этой сфере процесс принятия решений, тем более на низовом уровне. В полной мере это касается также деятельности церковных и общественных организаций, которые, как правило, имеют прописку и сферу действия в рамках определенного региона, что затрудняет их взаимодействие.

2. Реализации Госпрограммы не может не препятствовать ведомственный подход. При наличии большого количества ведомств и учреждений, ответственных за ее реализацию, отсутствует властный институт, нацеленный в повседневной практике на согласование их подходов и действий.

3. Следует учитывать значимость «чернобыльского фактора»: практически все районы Припятского Полесья в той или иной степени пострадали от радиоактивного загрязнения, что не может не выступать существенным барьером на пути развития агроэкотуризма. Наряду с этим, правда, «чернобыльская проблема» и стимулировала создание «профильных» общественных организаций и инициатив, и активизировала в этом регионе международное сотрудничество, что позволило привлечь дополнительные ресурсы для решения местных проблем.

4. Учитывая уникальные природные условия, растущую популярность в мире «зеленого туризма», агроэкотуризм в Припятском Полесье, как свидетельствуют результаты социологических исследований, мог бы быть достаточно привлекательным для туристов из стран Европейского Союза. Однако наличие административных барьеров в форме виз и регистрации в органах внутренних дел существенно снижает аттрактивность агроэкотуризма в современной Беларуси, включая и Припятское Полесье [2, с. 89].

5. Для «западных туристов» существенна значимость и фактора политического, т.е. широко растиражированного в европейских СМИ образа Беларуси как государства, в котором нарушаются права человека, где существует произвол правоохранительных органов. В их интерпретации уровень безопасности при продвижении по туристическим маршрутам нашей страны низок. Исследователи подчеркивают, что фактор безопасности традиционно имеет ключевое значение для иностранных туристов [3, с. 159].

6. Налицо слабая развитость туристической инфраструктуры в этих районах. Действительно, на начало лета 2011 г. на территории семи районов Припятского Полесья действовали только два десятка сельских усадеб. Наблюдается дефицит обустроенных по европейским стандартам «зеленых маршрутов», рекламной продукции и географических карт на английском и других иностранных языках.

7. Только на начальной стадии находится создание сетевых отношений между субъектами агротуристической деятельности, включая и формирование разносторон-

них сетевых взаимодействий между государственными и общественными организациями (инициативами).

Наряду с негативными существует и широкий спектр *позитивных* факторов, в рамках которых развивается туризм в этом регионе. В первую очередь следует указать на очевидную заинтересованность государства в развитии сельского туризма, разработка и принятие самой Государственной программы социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2010–2015 гг., а также Национальной стратегии устойчивого развития страны на период до 2020 г. Наблюдается также позитивное отношение к развитию агроэкотуризма в Припятском Полесье международных фондов и организаций, которые традиционно отдают предпочтение поддержке инициатив в сфере устойчивого развития на региональном уровне. В настоящее время на территории Припятского Полесья реализуются два больших международных проекта: 1) «Кластер сельского туризма Полесья: дальнейшее развитие сельских территорий Припятского Полесья через создание сети кластера» (при содействии Программы поддержки Беларуси Федерального правительства Германии) и 2) проект USAID / ПРООН «Местное предпринимательство и экономическое развитие», нацеленный на формирование экотуристских дестинаций в этом регионе. Очевиден также значительный природный (в большей степени) и историко-культурный (в меньшей) потенциал для развития агроэкотуризма в Припятском Полесье [4].

Можно указать и на наличие достаточно большого числа общественных институтов и инициатив, нацеленных на развитие агроэкотуризма в этом регионе: природных заповедников и заказников, сельских усадеб, «зеленых маршрутов», научных и образовательных учреждений, социальных инициатив, экологических НГО и др. Особенно следует выделить деятельность общественных советов по развитию агроэкотуризма Брестской и Гомельской областей, выдвинувших в качестве одного из своих приоритетов содействие развитию в регионе Припятского Полесья агроэкотуризма. Эти общественные советы уже провели для субъектов агроэкотуризма серию обучающих и экспертных семинаров (в том числе межобластных), организовали обмен опытом среди хозяев сельских усадеб и создали рабочую группу по разработке концептуальных основ (стратегий) развития устойчивого туризма в Припятском Полесье. Отметим также, что в настоящее время в ряде районов Гомельщины и Брестчины появились общественные советы по агроэкотуризму на районном уровне.

Существует также весьма представительное академическое сообщество, занимающееся развитием агроэкотуризма на этой территории, представленное Полесским аграрно-экологическим институтом НАН Беларуси, Полесским государственным университетом (лаборатория агроэкотуризма), Брестским государственным университетом имени А.С. Пушкина (биологический и географический факультеты) и др.

Отличительной особенностью Припятского Полесья является то, что исторически на его территории, особенно в районах Брестской области, проживали и проживают экономически предприимчивые сельские жители. В настоящее время их экономическая активность проявляется главным образом в приусадебном овощеводстве, превратив ряд регионов Лунинецкого и Столинского районов в овощные столицы Беларуси. Можно предположить, что потенциально и ментально жители данной местности могут «проявить» себя и в агроэкотуристической индустрии, но только в том случае, если обнаружат в ней для себя важные социальные выгоды. Это возможно только в том случае, если государственным и общественным организациям и учреждениям удастся убедительно продемонстрировать перспективность и продуктивность использования местным населением возможностей агроэкотуризма для решения собственных и региональных социально-экономических проблем.

Необходимо также учитывать важную социальную роль в этой области религиозного фактора, поскольку в этом регионе в среде экономически активного населения среди лидеров сельского предпринимательства наблюдается большое число протестантов, способных трансформировать (совсем «по-веберовски») «этику протестантизма» в «дух капитализма», если они обнаружат в агротуристической деятельности, помимо социально-экономических, еще и религиозные смыслы, особенно в контексте религиозной доктрины «Сохранение Творения». Для них в этом случае сфера агроэкотуризма может стать достаточно притягательной и привлекательной.

Важным компонентом развития туризма в этом регионе является трансграничная составляющая, позволяющая активно включиться в трансграничное сотрудничество, в том числе в рамках Еврорегионов и соответствующих трансграничных программ Европейского Союза. В особенности весьма перспективным являются разработка и обслуживание трансграничных «зеленых маршрутов» и «зеленых коридоров».

Сетевые связи в контексте развития агроэкотуризма в Припятском Полесье

Несмотря на большое число государственных и общественных структур, занимающихся в той или иной степени агроэкотуризмом в Припятском Полесье, существует и общая проблема – отсутствие между ними интенсивных сетевых связей и отношений.

В этом отношении эталонными сетевыми характеристиками, в том числе применительно к сфере агроэкотуризма, обладают инициативные группы по созданию и реализации Местных повесток – 21 (ИГМП-21), общественные советы по развитию агроэкотуризма (ОСАЭТ), создающиеся чаще всего при органах государственной власти, а также советы по управлению агротуристическими кластерами (СУАТК). В современной Беларуси они являются новой формой интеграции социальных инициатив и выполняют важную интегративную функцию, включая в себя представителей основных местных сообществ. Эти формы общественной самоорганизации тем более важны, что именно слабость сетевых отношений приводит к существенному снижению социального капитала в стране.

Институционализация социальных инициатив в этой сфере в Припятском Полесье предполагает три варианта сетевых отношений. На уровне общем («глобальном») возможен (по согласованию) вариант создания рабочей группы, действующей «от имени и по поручению» Общественно-консультативного совета по агроэкотуризму при Департаменте по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь. Этот «глобальный» Совет может и должен иметь локализацию в соответствующих рабочих группах Общественных советов по агроэкотуризму Брестской и Гомельской областей, а также в тех районах, где подобные советы существуют.

Второй уровень институционализации общественных инициатив по развитию агроэкотуризма в Припятском Полесье представлен форматом Местной повестки – 21, представляющей собой совокупность действий, инициированных местным населением, его лидерами и активистами по преобразованию территории своего проживания. «Мыслить глобально – действовать локально!» – эти слова стали лозунгом работы в области устойчивого развития в местных сообществах по всему миру. Особо отметим, что МП-21 разрабатываются не столько местными властями, сколько локальными инициативными группами граждан.

Местные повестки – 21 получили уже достаточно широкое распространение в большинстве стран мира, включая и современную Беларусь. В числе задач МП-21 – развитие агроэкотуризма в конкретном регионе. Эта программа действий в сравнении с традиционными государственными программами обладает следующей спецификой:

- 1) разрабатывается на длительный срок (до 20 лет);
- 2) вовлекает местное население;

3) не ограничена законодательно установленным регламентом;

4) члены инициативной группы, местные сообщества достаточно свободны в разработке новых форм и методов своей работы, равно как и в выборе сферы для приложения своей активности;

5) возможна разработка программы развития для территорий, чьи границы не совпадают с административно-территориальными границами, что имеет важное значение для Припятского Полесья.

Развитие агроэкотуризма в Припятском Полесье может опираться и на кластерную модель как сетевую партнерскую структуру. Управление кластером могут осуществлять как региональные общественные советы по развитию агроэкотуризма, так и специально созданные советы, которые в будущем могут трансформироваться в правления, комитеты и т.п. Следует отметить также, что общественные советы по агроэкотуризму, советы по управлению агроэкотуристическими кластерами, а также МП-21 разных уровней, реализующие стратегии устойчивого развития туризма, обладают эталонными сетевыми характеристиками. С одной стороны, сам их состав формируется по сетевому принципу, т.е. в его состав входят представители основных местных сообществ. С другой стороны, сами эти общественные структуры, осознавая ценность сетевых отношений, стремятся вступить в социальные сети с родственными организациями. Наглядным примером в этом отношении выступают областные общественные советы по агроэкотуризму, которые активно взаимодействуют под патронажем БОО «Отдых в деревне» и Программы поддержки Беларуси Федеральным правительством Германии. Более того, со стороны областных ОСАЭТ наблюдается стремление создать аналогичные структуры на местном (районном) уровне, что, в частности, интенсивно происходит в Минской, Брестской и Гомельской областях. Инициативные группы по созданию и реализации МП-21 агроэкотуристического формата, ОСАЭТ и СУАТК разных уровней стремятся стать частью международных сетей, например, по разработке и обслуживанию «зеленых маршрутов», европейских трансграничных «зеленых коридоров».

В чем же выражаются отличительные признаки и реальные достоинства и недостатки этих общественных структур в контексте решения проблем агроэкотуризма в Припятском Полесье?

1. Очевиден их прикладной характер, поскольку они сфокусированы на решении конкретных проблем в определенной местности (в данном случае ориентированы на развитие агроэкотуризма в Припятском Полесье).

2. В них есть обязательное представительство органов государственной власти. Это тот редкий случай, когда местная власть, участвуя в создании общественной структуры, изначально занимает в ней позицию только одного из его активных участников, в целом следуя императиву партнерства. Правда, в этом случае она должна видеть в инициативных группах и общественных советах важный ресурс решения конкретной проблемы, серьезного партнера, обладающего социально значимыми (не обязательно материальными) ресурсами. Кроме этого, необходимость и успешность их (советов) деятельности в значительной степени обуславливается ориентацией на определенный комплекс экологических и социально-экономических проблем, решение которых не относится к числу безусловных приоритетов органов государственной власти, но одновременно эти общественные структуры демонстрируют способность к эффективному участию в решении этих проблем. Нагляден и убедителен пример работы общественных советов по агроэкотуризму, созданных уже во всех областях и уже многих районах Беларуси. Действительно, развитие сельского туризма не является первоочередной задачей для местных властей, но, однако, никто не отменял ответственности власти за реализацию программ по развитию данного сегмента туризма.

3. Несмотря на привязку к органам государственной власти, существенную роль играют в них структуры гражданского общества, местные социальные инициативы.

4. Формат МП-21, ОСАЭТ и СУАТК привлекателен для всех местных сообществ, а также международных фондов и организаций.

5. Эти институализированные общественные инициативы предполагают небюрократический, неформальный и одновременно креативный стиль социальной деятельности.

6. Поскольку их участниками отдельные личности и организации становятся исключительно на добровольной основе, то наблюдается высокая мотивированность деятельности его членов, особенно в виде локального патриотизма.

7. В их рамках осуществляется консолидация ресурсов партнерских организаций: офисных помещений, информационных каналов и потоков, компетентностей и т.п.

8. Наблюдается отсутствие коммуникативных барьеров: все члены этих общественных инициатив непосредственно знакомы друг с другом, так как занимаются схожей деятельностью в общем проблемном и территориальном пространстве.

9. Они достаточно свободны в выработке новых форм и методов работы, равно как и в выборе определенной общественной сферы для приложения своей активности.

Насколько же формат и содержание работы обоих областных ОСАЭТ, СУАТК и ИГМП-21 соответствует принципам и целям устойчивого развития, провозглашенным в Государственной программе по социально-экономическому развитию и комплексному использованию природных ресурсов Припятского Полесья? Нам представляется, что соответствует оптимально. В первую очередь, по той причине, что в нем существенным образом представлены гражданская и партнерская составляющие, а решение проблем устойчивого развития, как известно, требует консолидированных усилий государства и гражданского общества. Данные советы и ИГМП-21 обладают всеми признаками универсальности, т.е. тем, что их формат подходит территориальным и общественным образованиям разных форматов и уровней, а сама проблематика, над которой он работает, может быть достаточно широкой.

Очевидно, что проблемы устойчивого развития в силу своей новизны и актуальности требуют активных действий со стороны экспертного сообщества, в частности, для разработки стратегий устойчивого развития определенных регионов, экотуристских дестинаций, а также для приобретения необходимой компетентности его активными игроками/субъектами. Но именно эти задачи являются приоритетными для советов, куда, как правило, включаются представители академических и университетских сообществ. В свою очередь, формирование МП-21 требует экспертного сопровождения.

Для деятельности общественных советов и ИГМП-21 принципиально важна также интеграция экономических, социальных и экологических факторов развития территорий, о чем свидетельствует уже сложившаяся практика их деятельности: большинство существующих в настоящее время в Беларуси ОСАЭТ, СУАТК и ИГМП-21 сориентированы в той или иной мере именно на реализацию идей устойчивого развития, особенно в сфере развития агроэкотуризма. Кроме этого, сама их ориентация на удовлетворение базисных потребностей человека, его основополагающих прав также соответствует целям устойчивого развития.

Основные направления интеграции социальных инициатив в контексте Государственной программы по устойчивому социально-экономическому развитию Припятского Полесья

Как уже отмечалось, Госпрограмма по развитию Припятского Полесья акцентирует внимание на тех или иных аспектах деятельности органов государственной власти по развитию агроэкотуризма. Эффективность развития агроэкотуризма, однако, значительно вырастет, если усилия государственных структур и структур гражданского об-

щества будут консолидированы, а между субъектами агроэкотуризма будут созданы сетевые отношения. В каких же сферах подобные связи и взаимоотношения могут сложиться и каким образом?

Сразу отметим, что с целью активизации туристической деятельности Госпрограммой запланировано создание около 50 сельских усадеб в Брестской и Гомельской областях. Юридическая легализация сельской усадьбы – это важный, но только первый шаг, который местная власть, безусловно, может сделать без общественного участия. Но в последующем начинается не менее важная часть работы – обретение хозяевами усадеб необходимых для ведения этой деятельности навыков и компетентностей. Наиболее эффективно это можно сделать посредством проведения образовательных мероприятий, стажировок, экспертного сопровождения, чем органы государственной власти, как правило, не занимаются, но где достаточно активны структуры гражданского общества, в особенности областные и районные общественные советы по агроэкотуризму.

Кроме этого, возникает необходимость объединения (с целью лоббирования общих интересов) субъектов агроэкотуризма по отдельным районам Припятского Полесья. Оптимальным форматом подобного «объединения» являются МП-21, общественные советы по агроэкотуризму и советы по управлению туристическими кластерами.

В Госпрограмме отмечается и необходимость разработки десятков туристических «зеленых маршрутов», экологических троп и т.п. Разумеется, органы государственной власти достаточно активны и продуктивны в этой сфере. Однако выполнить эту работу качественно и в полной мере не под силу не только им, но и ни одному из субъектов агроэкотуризма. Следовательно, необходимо создание сети заинтересованных социальных субъектов, государственных и негосударственных, которые, объединив наличные ресурсы, возьмут на себя ответственность за подобную деятельность. У некоторых организаций важным ресурсом является знание местности, у других – финансовые средства, у третьих – подготовленные эксперты, у четвертых – доступ к международным фондам и ресурсам, у пятых – волонтеры из студенческого сообщества и т.п.

В Госпрограмме ставится задача увеличения туристического потока в регионе в 4,5 раза, а объема платных туристических услуг – более чем в 5 раз. Для ее решения намечается создание инфраструктуры для развития агроэкологического, культурно-познавательного, водного, спортивного, оздоровительного и других видов туризма: дома социально-культурных услуг; центры ремесел, фольклора; усадебно-этнографические туристические комплексы; сельские усадьбы и др. Возникает также необходимость оптимальным образом сформировать приоритеты развития устойчивого туризма. Кроме этого предусматривается создание агротуристических комплексов на базе сельскохозяйственных производственных кооперативов и фермерских хозяйств; развитие сети сельских усадеб, осуществляющих прием туристов; создание условий для экологического и познавательного туризма на базе заказников республиканского значения «Средняя Припять», «Простырь», «Ольманские болота»; развитие инфраструктуры водного туризма по рекам Припять и Горынь; эффективное использование историко-культурных ценностей и поддержание их сохранности, особенно в малых городах и сельской местности.

Очевидно, что в этой сфере наблюдается безусловная доминанта государства и государственных ресурсов. Однако есть пространство и для взаимодействия с общественными инициативами и предпринимательскими структурами, поскольку инфраструктурные сооружения, созданные «государством», необходимо наполнить «жизнью», «плотью и кровью», т.е. не только построить и обустроить, но организовать и направить в этот регион туристические потоки, что выходит за рамки государственных компетентностей. Одним из вариантов решения этого вопроса может стать создание агротуристического кластера. Кроме этого, государственные ресурсы обладают своим пределом и они не всегда достаточны в сопоставлении с масштабностью поставленных за-

дач и сроками их выполнения. Следовательно, принципиально важным является создание привлекательных социально-экономических условий для привлечения серьезных национальных и международных инвестиций.

Очевидно также, что в ситуации дефицита финансово-материальных ресурсов целесообразна интенсификация проектной деятельности с целью получения доступа к финансовым ресурсам международных фондов и организаций. Отметим особо, что многие из них оказывают финансовую поддержку только некоммерческим общественным организациям, но при обязательном наличии среди партнеров государственных учреждений.

В Госпрограмме указывается также на необходимость снизить напряженность на рынке труда районов Припятского Полесья, увеличить численность занятых в экономике на 2,2%, сократить уровень безработицы до 1,2%. Действительно, обслуживание «зеленых маршрутов», развитие сельского туризма предполагает активное участие и вовлечение в него местного населения, которое должно предоставлять туристам разнообразные услуги. Чтобы этот процесс не был стихийным и спонтанным, важное значение имеет самоорганизация субъектов агроэкотуризма в форме ОСАЭТ, СУАТК и МП-21.

Согласно Госпрограмме по развитию Припятского Полесья, планируется издание десятков тысяч экземпляров рекламно-информационных материалов. В настоящее время эта деятельность достаточно активно осуществляется управлениями спорта и туризма и Национальным агентством по туризму. Однако возникают претензии к их качеству и содержанию используемых материалов. В этих условиях есть необходимость подготовки рекламно-информационной продукции совместно с иными организациями: экспертным сообществом, НГО, заказчиками и др., что нуждается в соответствующих формах институционализации подобного взаимодействия в виде советов и МП-21.

Как отмечается в Госпрограмме, «зеленые маршруты» (включая сельские усадьбы) предусматривают передвижение туристов пешком, а также использование различных немоторизированных транспортных средств, таких как велосипеды, лодки, байдарки, лошади, лыжи и т.п. Очевидно, что в настоящее время немногие сельские усадьбы способны на оказание подобных услуг, поскольку не обладают необходимыми ресурсами. Следовательно, целесообразно объединение усилий различных структур, создание своего рода сети по их предоставлению. Например, бизнес-организация предоставляет право аренды немоторизированных средств; сельская усадьба принимает и обслуживает «зеленого туриста»; университеты разрабатывают «зеленые маршруты»; органы государственной власти осуществляют административную поддержку; Белагропромбанк предоставляет кредиты и т.п.

В Госпрограмме указывается на необходимость и важность развития традиционных центров промыслов и ремесел, организации культурно-этнографических фестивалей и праздников. Безусловно, только солидарные усилия местных сообществ будут способствовать эффективному решению этой задачи. Пример – организация Международного кулинарного фэста «Мотальскія прысмакі», среди вдохновителей и организаторов которого были и местные органы власти всех уровней (Брестский облисполком, Ивановский райисполком, Мотольский сельский совет), и местные предприниматели (включая руководство СПК «Агро-Мотоль»), и международные фонды, и общественные организации (БОО «Отдых в деревне», Общественный совет по агроэкотуризму Брестской области), и местные культурные и учебные заведения. Еще более масштабным мероприятием является фестиваль «Зов Полесья», проводимый в Гомельской области.

В Госпрограмме предусмотрено продвижение туристского продукта Припятского Полесья посредством создания Интернет-ресурса, содержащего информацию об объектах туристской инфраструктуры и историко-культурных ценностях региона, что опять-таки продуктивно сделать с помощью коллективных усилий.

Выводы

Таким образом, очевидно, что эффективное и продуктивное выполнение заявленных в Госпрограмме задач по развитию агроэкотуризма в Припятском Полесье возможно только при условии консолидированных усилий со стороны государственных и общественных структур, партнерские отношения которых могут быть выражены в следующих институциональных формах:

1. Создание рабочих групп по развитию агроэкотуризма в Припятском Полесье, организуемых при общественных советах по развитию агроэкотуризма на уровне Министерства спорта и туризма, областных и районных исполкомов.

2. Формирование в регионе Припятского Полесья советов по управлению создаваемых там агротуристических кластеров.

3. Организация на местном уровне инициативных групп по формированию МП-21, ядром или же составной частью которых является решение конкретной задачи по развитию агроэкотуризма в Припятском Полесье.

Важно при этом определить тематику подобного взаимодействия. Осуществленный анализ позволяет выделить десять направлений, по которым это взаимодействие, интеграция локальных социальных практик могут осуществляться. Это: 1) проведение фестивалей; 2) развитие инфраструктуры агроэкотуризма; 3) организация «зеленых маршрутов»; 4) совместная проектная деятельность и участие в международном сотрудничестве; 5) повышение квалификации и профессионализма субъектов агроэкотуристической деятельности; 6) повышение экологической культуры сельского населения; 7) лоббирование интересов субъектов агроэкотуризма; 8) развитие сельского предпринимательства и расширение спектра предоставляемых агроэкотуристических услуг; 9) разработка концептуальных основ развития агроэкотуризма в Припятском Полесье; 10) формирование экотуристических дестинаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.

2. Трансграничный экологический туризм: состояние и перспективы развития в приграничье Беларуси и Польши / Г.М. Грибов [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2012. – 104 с.

3. Яковук, Т.И. Социология туризма : монография / Т.И. Яковук ; Брест. Гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2012. – 244.

4. Памятники природы и туристические маршруты Припятского Полесья на Брестчине : путеводитель / В.Т. Демянчик [и др.] ; научн. ред. А.И. Лысюк – Брест : Альтернатива, 2012. – 288 с.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Role of Social Initiatives in the Development of Agritourism in the Region of Pripyat Polesye

In a given article analyzed is the totality of negative and positive, external and internal factors of social order influencing the development of agritourism in the region of Pripyat Polesye. Shown is the role of new, in the context of Belarus, social structures assisting the development of sustainable tourism: initiative groups on Local Agendas 21, Councils on agritourism and Councils managing the agritourist clusters. Described is the content of network relations between subjects of agritourist activities. Recommended are ten thematic priority directions, in the framework of which it is important to realize network interrelations between state and non-governmental subjects in the process of agritourism development in Pripyat Polesye.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2014

УДК 316.356.4: 159.923.2] (476)

Е.С. Бабосова**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ БЕЛОРУСОВ**

Проанализированы особенности проявления этнической идентичности в современном белорусском обществе. Охарактеризованы основополагающие концепты и категории, такие как этнонациональная идентичность и этнонациональная идентификация. Определены основные критерии этнической идентичности. На основе обобщения результатов социологических исследований описаны основные тенденции в развитии белорусской этнонациональной идентичности.

В настоящее время актуализируется проблема этнической идентичности и самосознания белорусов, усиления этнической и национальной установок, что подтверждается результатами ряда социологических исследований.

Этническая идентичность является одной из наиболее устойчивых и значимых для большинства людей, что особенно ярко проявляется в условиях глобализации и интеграции. Для каждого отдельного человека именно этническая группа, к которой он принадлежит, представляется тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет пределы и направленность его жизненных приоритетов. Такое восприятие своей этнической принадлежности обусловлено тем, что человек его не выбирает – она задается вместе с рождением, проживанием на определенной территории, умением говорить на родном языке, культурным окружением, в которое человек попадает и которое задает ему общепринятые нормы поведения и самореализации.

Среди *основных критериев этнической идентичности* можно выделить такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, к своей Родине, общая территория проживания и многое другое. Это связано с тем, что в разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль ведущих критериев этнической идентичности может изменяться.

Этническая идентификация представляет собой процесс принятия, осознания и усвоения личностью или группой своей тождественности с определенным этносом и их реальной включенности в усвоение идеалов, ценностей и норм определенной этнической, а в дальнейшем и национальной культуры. В процессе *этнической идентификации* транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и обряды, характерные для того или иного народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия. Этническая группа функционирует в качестве социальной общности людей, обладающей общей этнической идентичностью, воплощающей в себе такие элементы групповой общности, как единство территории, языка, религии, культуры, обычаев, традиций, осознание общности происхождения и исторической судьбы. Каждый из названных маркеров (определителей) исследуемого феномена выполняет свою специфическую роль в формировании и функционировании этничности, но первостепенное значение в ее существовании принадлежит своеобразному культурному комплексу. Ведь каждая этническая общность отличается от любой другой своим языково-культурным своеобразием.

Этнонациональная идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Первые зерна на благодатную почву формирования белорусской этнической национальной идентичности бросил известный белорусский поэт и публицист Ф. Богушевич (1840–1900). В своих поэтических сборниках «Дудка беларуская» (1891) и «Смык беларускі» (1894)

он призвал развивать и обогащать белорусскую народную культуру, подчеркивая при этом: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі».

Более четко высказал формирующуюся национальную идею как фактор самосознания и самоопределения белорусского народа выдающийся поэт Я. Купала, давший на свой знаменитый вопрос «А хто там ідзе?» вполне определенный и однозначный ответ: «Беларусы». Принципиальная значимость созданного Я. Купалой гимна национальному самосознанию состояла в том, что он придал приоритет белорусскости, выразив чаяния основного этноса нашей страны. Наряду с этим он рельефно выделил и социальное стремление белорусского народа «людзьмі звацца». Здесь национальное самоопределение и освобождение осознается в нерасторжимом единстве с социальным освобождением. Кроме того Я. Купала представляет в своем поэтическом мировосприятии белорусов и Беларусь «у агромністай такой грамадзе», то есть в общеполитическом единстве и сплоченности.

Несколько позднее в Беларуси на передний план стала активнее выдвигаться проблема национальной государственности. Выдающийся поэт М. Богданович, отмечая общность исторических корней белорусского народа и его культуры с исторической судьбой русского и украинского народов, вместе с тем писал, что «в лице белорусского и великорусского народов встретились две самостоятельные национально-культурные величины, сформировавшиеся и выросшие независимо друг от друга». При этом он не устал подчеркивать несомненную «самостоятельность белорусской национальности и белорусской культуры».

Наиболее активную роль в формировании национальной культуры, в ее воплощении в художественные сюжеты и образы играет творчество писателей и поэтов. Однако и другие виды искусства вносят особые интонации в ее звучание. Так, например, своеобразное музыкальное воплощение духовная самобытность белорусского народа получила в творчестве одного из основателей белорусской национальной оперы А.В. Богатырева. В его опере «В пущах Полесья» (по мотивам повести Я. Коласа «Дрыгва»), в кантатах «Белорусским партизанам» (стихи Я. Купалы, П. Бровки, П. Труса), оратории «Битва за Беларусь» (стихи Н. Гилевича), в вокальных циклах на стихи М. Богдановича, Я. Купалы, П. Бровки, А. Кулешова, основанных преимущественно на мотивах белорусской народной песни, национальное своеобразие духовных устремлений белорусов воплощается и в симфонических гармониях, и в многоголосье хорового пения, и в вокальной лирике.

Глубокая символичность и философская масштабность изобразительного языка характерны для воплощения белорусской национальной самобытности в станковой и монументальной живописи М. Савицкого, особенно в таких его картинах, как «Партизанская мадонна», «Витебские ворота», «Виленские встречи»; в станковой и книжной графике Г. Поплавского, в его графических циклах «Память», «Браславщина – край озерный», в графическом оформлении произведений Я. Купалы, Я. Коласа, В. Короткевича, В. Быкова и других писателей. Яркие проявления национальной идеи получают специфическое изображение в художественном творчестве В. Пташука, И. Добролюбова и других белорусских кинематографистов, театральных постановках национальных театров имени Я. Купалы, Я. Коласа и других.

Белорусская этнонациональная идентичность не может быть неизменной, статичной, поскольку она представляет собой специфический способ нисхождения базисного, вечного в культурно-исторической динамике своего народа. Она укоренена не только в сознании и целевых установках, но и в эмоциональной сфере белорусов. Она выступает как качественная характеристика отдельной личности, социальной группы и общности, и именно поэтому ее порой трудно квантифицировать.

Несмотря на это проводимые социологические исследования позволяют выявить некоторые особенности и тенденции развития белорусской этнонациональной идентичности. Очевидно, что в ней индивидуальное «Я» (личностная идентификация) синтезируется с социокультурным идентификационным интегратором «Мы». Это находит свое реальное проявление в существующем соотношении различных идентификационных групп. Одной из наиболее распространенных групп, согласно социологическому исследованию, проведенному в 2013 г., является та, вхождение в которую определяет отождествление себя с людьми своей национальности. Так, на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с жителями Беларуси?» 52,4% респондентов ответили, что это национальность и происхождение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в современном белорусском обществе при всей значимости этнонациональной идентичности чуть более важной для респондентов оказывается гражданская идентичность. Отвечая на вопрос о том, что больше всего объединяет респондентов с жителями Беларуси, 66,9% опрошенных отметили, что это гражданство и проживание на одной территории.

Интересным представляется сравнение полученных данных с результатами российских исследований. Согласно им, 44,1% респондентов утверждают, что с жителями России их объединяет национальность и происхождение. Следует обратить внимание на тот факт, что для россиян, как и для белорусов, гражданская идентичность является первостепенной по сравнению с этнонациональной идентичностью: 48,9% респондентов ответили, что с жителями России их объединяет гражданство или единое государство.

Надо отметить, что формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка, т.е. с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности не во всем совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность основывается на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая, выбор которой вовсе не исключает гражданской идентичности. Содержание и смысловое наполнение той и другой идентичности способны дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости таких идентичностей.

Кроме национальности и гражданства в структуре национальной идентичности можно выделить и иные факторы, оказывающие влияние на объединение жителей Беларуси. Если выстроить их в порядке убывания значимости, то получится такая градация: 56,3% респондентов считают, что их объединяет с жителями Беларуси общая история; 52,5% – культура и традиции; 46,8% – любовь к родине и патриотизм; 45,3% – язык, религия и вероисповедание – 41,6%; 40,7% – черты национального характера и менталитет. Что касается россиян, то 74,3% респондентов отмечают, что их объединяет с жителями России язык; 50,5% – культура и традиции; 48,3% – общая история; 41,6% – любовь к родине и патриотизм; 31,6% – менталитет и черты характера; 31,0% – религия и вероисповедание; 16,9% – внешность.

Как уже отмечалось, этнонациональная идентификация представляет собой процесс восприятия и осознания личностью или группой своей тождественности с определенным этносом или нацией. Респондентам был задан вопрос: «В какой степени Вы ощущаете единство со следующими группами и общностями людей?». Проведенное в Беларуси социологическое исследование свидетельствует о том, что 46,7% опрошенных жителей в определенной степени ощущают единство с людьми своей национальности, еще 32,7% осознают это в полной мере, 6,9% не ощущают, 11,9% затруднились ответить. Что касается гражданской идентичности, то 44,2% респондентов в полной ме-

ре осознают единство с жителями Беларуси, еще 39,8% осознают это в определенной степени, 6,7% – не ощущают, а 8,6% затруднились ответить.

В противоречивом взаимодействии этничности и национальности как взаимосвязанных и вместе с тем расходящихся характеристик той или иной исторически возникшей и развивающейся общности людей заключен один из существенных факторов возникновения этнонациональных конфликтных ситуаций. В настоящее время в мире насчитывается свыше 2 000 этносов, каждый из которых, многочисленный или малочисленный, стремится сохранить себя, свои исторические традиции и опыт, свою самобытную культуру. Чаще всего эти процессы в коллективном сознании и представлении связаны с созданием независимого национального государства на территории своего компактного проживания. В последнее десятилетие такой процесс наблюдается почти во всех регионах мира. К сожалению, когда интересы одного народа сталкиваются с интересами других, то возникают ситуации межэтнической напряженности. Очень часто дело доходит до открытых межэтнических конфликтов и кровопролитных войн. В настоящее время подобного рода тенденции более или менее остро, нередко сопровождаясь межэтническими конфликтами, проявляются в Великобритании, Бельгии, Индии, Иране, на территории бывшего Советского Союза.

Согласно результатам проведенного социологического исследования, в Беларуси в полной мере реализуются права и свободы людей разных национальностей и вероисповеданий, а также отсутствуют притеснения и конфликты на основе этнонациональной принадлежности. Так, практически половине респондентов (48,6%) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по национальному признаку, 18,2% – скорее неизвестны, 10,0% – скорее известны, 8,5% – известны, 13,2% затруднились ответить на данный вопрос.

По прагматическим, политическим и экономическим причинам преференции в использовании отдаются тому языку, который является родным для большинства населения. Иногда такая ситуация приводит к постановке вопроса о языковой дискриминации лиц, для которых официальный язык родным не является. Большинство населения уверено, что в Беларуси нет дискриминации по языковому признаку. Так, результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что более чем половине респондентов (51,6%) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по языковому признаку, 17,8% – скорее неизвестны, 10,0% – скорее известны, 6,1% – известны, 13,2% затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, большинство населения проявляет высокий уровень толерантности и уверено, что в Беларуси отсутствует дискриминация по национальному и языковому признаку. Продуманная, хорошо аргументированная и последовательно осуществляемая этнонациональная политика препятствует появлению в стране таких трагических потрясений, как острые межнациональные конфликты, вооруженные столкновения. Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность, что выражается в отсутствии каких-либо столкновений и конфликтов на этнической и расовой основе, а также в единстве этнических составляющих белорусского общества и равенстве различных национальных групп.

Согласно материалам проведенного социологического исследования для подавляющего большинства граждан национальная принадлежность не имеет значения при выборе приятелей и друзей, соседей, при выборе супруга, на работе и в иных случаях повседневного взаимодействия с другими людьми. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что 13,2% респондентов не согласны видеть представителей другой национальности в качестве близких родственников, 5,6% – приятелей и друзей, 7,7% – соседей, 7,1 – коллег по работе, 6,9% – жителей своего города или поселка, 5,2 –

граждан своей страны. Только 9,2 % респондентов отметили, что не хотели бы ни в каком качестве видеть представителей другой национальности в своей стране.

Межнациональное согласие в белорусском обществе объясняется менталитетом граждан страны, историческими традициями межэтнического существования, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси. Одним из самых важных факторов межнациональной стабильности является четкая и последовательная политика государства в данной сфере общественной жизни. В Беларуси созданы довольно комфортные условия для сохранения и развития культуры и языка национальных меньшинств, деятельности их организаций и учреждений культуры и образования, что подтверждается мнением большинства их лидеров, а также авторитетных зарубежных экспертов.

Результаты социологического эмпирического исследования, проведенного в 2013 г., свидетельствует об общем росте значимости этнонациональной идентичности. Так, число респондентов, отождествляющих себя с лицами своей национальности, с 2007 г. по 2013 г. возросло с 23,5% до 79,4% (от общего числа опрошенных). Точно так же ситуация обстоит и со значимостью гражданской идентичности: количество идентифицирующих себя с гражданами Беларуси увеличилось с 37,3% до 84,0%. Таким образом, различные типы социальной идентичности находятся не в противостоянии, а в сосуществовании (например, этнонациональная и гражданская идентичность), а также могут быть дополнены новыми типами (такими как европейская, глобальная идентичность).

Таким образом, процесс глобализации, изменение роли государств в мире, появление транснациональных корпораций и мировых рынков не лишают людей этнической и национальной идентичности, их культуры, языка, традиций. Скорее, наоборот, в таких условиях возрастает интерес к локальным культурам, народным традициям, чем и обусловлен рост значимости этнической идентичности и этнических установок белорусов.

Babosova E.S. Ethnical Identity and Ethnical Directives of Belarusians

The features of manifestations of ethnical identity in the modern Belarusian society are analyzed. The fundamental concepts and categories, such as ethnical identity and ethnical identification are characterized. The main criteria of ethnical identity are defined. The main trends in the development of the Belarusian ethnic and national identity are described on the basis of summarizing the results of sociological research.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2014

УДК 316.74 : 2 (476)

Н.Н. Сухотский

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РЕЛИГИИ КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Актуальность представленной в статье проблемы определяется необходимостью поиска научных подходов к исследованию современных форм отношений социальных институтов образования и религии, возможных сферах и перспективах совместной деятельности данных субъектов. Осуществлен сравнительный анализ основных отечественных и зарубежных теоретических подходов к изучению взаимоотношений образования и религии в социуме. Также определены методологические основания социологического исследования социального взаимодействия общеобразовательных учреждений и религиозных организаций в воспитании молодежи в Республике Беларусь.

Введение

В современном социуме существует сложная, многоуровневая система социальных институтов – исторически сложившихся устойчивых форм совместной деятельности членов общества по использованию общественных ресурсов для удовлетворения тех или иных социальных потребностей (экономических, политических, культурных, религиозных и др.). Социальные институты определяются как устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности, и как относительно устойчивые формы организации социальной жизни, социальной практики, обеспечивающие устойчивость связей и отношений в рамках общества, санкционирующие и поддерживающие их с помощью социальных норм.

Для современного белорусского общества, находящегося в состоянии системной трансформации, одной из новых тенденций является расширение круга социальных институтов воспитания молодежи (учреждений образования, молодежных и детских общественных объединений, средств массовой информации и др.). Свое место в этом ряду стремятся восстановить религиозные институты, внося в сложный и полифункциональный процесс социального и духовного воспитания молодого поколения многовековые религиозно-культурные ценности и традиции белорусского народа.

Цель исследования – социологическая характеристика образования и религии как социальных институтов социализации молодежи.

Задачи исследования:

1. Осуществить сравнительный анализ основных отечественных и зарубежных теоретических подходов к изучению взаимоотношений образования и религии в социуме.
2. Определить методологические основания социологического исследования социального взаимодействия общеобразовательных учреждений и религиозных организаций в воспитании молодежи в Беларуси.

Решение современных экономических, политических, социальных и культурных задач в трансформирующемся белорусском обществе требует инновационных подходов, направленных на решение проблем воспитания и социализации молодежи, обладающей не только комплексом знаний, навыков и умений, но и способной к широкому социальному общению, к активному гражданскому действию в духе гуманистических идей и традиций. Важнейшую роль в этом выполняет социальный институт образования, представляющий собой систему организаций и учреждений, целью которых является трансляция системы знаний и достижений культуры подрастающим поколениям для обеспечения преемственности социокультурных традиций и развития общества.

В этой связи можно говорить о том, что социальный институт образования реализует ряд функций и решает множество социокультурных задач, которые изменяются под влиянием культурно-исторических, политических и социально-экономических обстоятельств и процессов.

Образование является средой, в которой происходит формирование основополагающих жизненных ценностей и установок подрастающего поколения, а институт общего образования – формой непосредственного приобщения формирующейся личности к социальным и нравственным ценностям и традициям. Общеобразовательное учреждение (школа) – это социальный институт, который должен принять на себя большую часть ответственности за воспитание, направленное на решение общественно значимых и личностно полезных задач, в том числе за формирование гуманности и нравственности у учащихся. По точному утверждению М. Хайдеггера, настоящее образование предназначено создавать, удерживать и возобновлять все богатство культурно-исторических и духовных ценностей, охватывать духовность человека в целом, открывать его сущность и достоинство, сохранять истину и тайну бытия.

Начало XX в. ознаменовалось поворотом социологии к образованию и воспитанию как социальным институтам, требующим своего специального изучения, а также к социализации как сфере практической деятельности и реализации идей образования и воспитания. Образование как социальный институт, его специфика, основные функции культурного воспроизводства, социализация индивида и его интеграция в общество рассматривались в работах Э. Дюркгейма, Ж. Аллака, Р. Будона, М. Вебера, Э. Гидденса, Т. Парсонса, Д. Дьюи, К. Манхейма и других выдающихся социологов.

По мнению Э. Дюркгейма, основная функция образования – передавать новым поколениям ценности господствующей культуры. В его социологической концепции важное значение придается воспитанию, которое трактуется очень широко, рассматривается как социальный институт, включающий в себя образование. Э. Дюркгейм считал, что цель воспитания состоит в создании и развитии у ребенка определенного набора физических, интеллектуальных и нравственных качеств, требуемых от него и политической организацией общества в целом, и специфической средой, в которой ему предстоит жить [25].

Влияние института образования на изменение социальной однородности общественной структуры наиболее полно представлено М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма», где автор показывает механизм воплощения духовно-этических ценностей в социальную реальность. По его мнению, причину развития капиталистических отношений следует искать в отношении к труду и богатству, заложенном протестантской религией в качестве нормы. Для этого автор обращается к понятию «дух капитализма», подлинным ядром которого М. Вебер считает представление протестантов о своем профессиональном долге. В зависимости от контекста Вебер пишет о нем как о «капиталистической культуре» или «капиталистическом этосе», определяя последний как совокупность норм и правил поведения капиталиста. «Дух капитализма», таким образом, решает основополагающие для общества задачи: становление личности и гражданина, содействие ее профессиональному становлению и росту [4].

Проблематику образования в контексте теории социальной мобильности рассматривал П. Сорокин. Школа изучалась им не только как социальный институт, но и как значимый механизм общественного контроля социальной циркуляции. В этом плане она характеризовалась как «тестирующий, селекционный и распределяющий механизм». Отсюда и подход П. Сорокина к социальным функциям школы, которые он определяет как тестирующую, селекционирующую и дистрибутивную. В целом, по мнению П. Сорокина, вся школьная система «представляет собой очень сложное сито», которое отделяет «хороших» будущих граждан от «плохих», «способных» от «неспособ-

ных», «подходящих для высокого социального положения» от «негодных» [18]. Следует отметить, что данные суждения ученого являются в значительной степени дискуссионными, так как подвергают сомнению идею демократичности и гуманности базового института образования.

Один из основоположников «социологии знания» М. Шелер рассматривает знание как ценностный феномен, выделяя три его высших рода: знание ради господства, или деятельностное знание позитивных наук; знание ради образования, или образовательное знание философии; знание ради спасения, или религиозное знание. Определяя социальные формы знания, немецкий философ считал, что каждая из названных форм знания «заложена» в самой природе человека и для получения каждой из них существуют различные учреждения и институты [22].

Значительный интерес представляют идеи и положения К. Манхейма, придерживающегося принципа интегрального образования, которое трактуется, во-первых, как интеграция школы с деятельностью различных социальных институтов, имеющих отношение к формированию человека; во-вторых, как интеграция современного преподавания с предшествующим ему опытом работы школы. Развитие интегрализма немецкий социолог считает ведущей тенденцией в области образования, поскольку именно с ним связано осуществление этического и религиозного воспитания. Эти виды воспитания, считает К. Манхейм, должны быть объединены с другими частями школьной программы, что оптимально будет способствовать формированию целостной личности [12].

Американский социолог Л. Уорд подробно описывает роль общеобразовательного учреждения в общественных преобразованиях и ставит вопрос о необходимости ее глубокого социологического изучения. Он считает, что интеллектуальные силы и способности человека скорее зависят от воспитания, чем от природы, поэтому «исправить» и «улучшить человека» можно только через совершенствование системы образования. Именно этому процессу и предстоит сыграть, по мнению ученого, значительную роль в развитии, образовании и воспитании человека.

В современной научной литературе общеобразовательная школа рассматривается как открытая социальная система, которая не может не реагировать на происходящие в обществе изменения и призвана сыграть важнейшую роль в переустройстве общества. Одной из основных функций образования является не только усвоение знаний, обучение правилам, профессиональным навыкам, но и формирование культуры в определенной среде. Образование способствует передаче культурных ценностей, помогает поддерживать существующий социальный порядок. Мировой опыт свидетельствует, что недостаточное внимание государства к вступающему в жизнь молодому поколению превращает его в мощный фактор дестабилизации общества. В данных условиях перед общеобразовательным учреждением ставится важнейшая задача по воспитанию законопослушных граждан, относящихся с уважением к морали, идеалам, нормам, ценностям, традициям, властным институтам.

Существенное значение имеет рассмотрение образования как социального института, способствующего экономическому, социальному и культурному функционированию и развитию личности, совершенствованию общественного организма через процессы социально организуемой, целенаправленной социализации. Благодаря образованию культурные ценности сохраняются и передаются от одного поколения к следующему. Образование является синтезом обучения и учения, воспитания и самовоспитания, развития и саморазвития, взросления и социализации. Данные процессы неразделимы, что дает основание рассматривать институт образования как многоуровневое системное образовательное и воспитательное пространство, создающее предпосылки и условия для самореализации, саморазвития и самовыражения личности.

В широком смысле социализация понимается как процесс формирования социальных свойств, качеств, ценностей, знаний и умений, благодаря которым человек становится дееспособным участником социальных связей, институтов и общностей. Считаем возможным особо выделить религиозную социализацию личности (наряду с экономической, политической, экологической, правовой и т.д.). Формирование, воспроизводство и развитие религии в социуме происходит через усвоение и поддержание людьми ее норм, образцов, стандартов поведения, ценностей и традиций, в результате чего и складывается такое качество личности, как религиозность. Проблема религиозной социализации рассматривается учеными в соответствии с разделяемой ими трактовкой сути самой религии, поэтому единого подхода к пониманию данного процесса до настоящего времени не выработано.

В частности, в рамках структурно-функционального анализа Т. Парсонс связывает понимание религии с ее культурным элементом – комплексом норм и ценностей. Религия выступает как «проводник» ценностей: через нее стандарты культуры внедряются в жизнь общества. Ученый акцентирует внимание на взаимодействии человека с религиозной системой и ее институтами, в результате которого индивид усваивает те роли, которые ему предстоит выполнять в религиозной сфере [26].

С точки зрения Н. Лумана, социализация представляет собой аккультурацию, освоение человеком новых для себя ценностей, выдвижением на первый план внутриличностных, психологических механизмов формирования религиозного сознания и поведения [11, с. 123].

Религиозные объединения обладают особой социальной функцией, которую ученые определяют как функцию формирования и сохранения нравственных основ общества, его правовых и культурных ценностей. Создание религиозным сознанием системы норм и ценностных ориентиров социального поведения имеет большое значение для жизнедеятельности личности и общества. Благодаря нормативно-ценностной модели религия обязывает человека действовать сообразно общественным интересам и в определенной степени снижает уровень девиантного поведения в социуме. По мнению П. Бергера, религия представляет собой «священную завесу», посредством которой освящаются нормы и ценности человеческой жизни, гарантируется социальный порядок и устойчивость мира» [24].

Важной особенностью современного этапа развития общества является секуляризация, под которой принято понимать процесс вытеснения религиозной картины мира научно-рациональным ее объяснением, и тесно связанное с этим процессом ослабление влияния религии на различные социальные институты, в первую очередь образование. В рамках такого подхода проводится относительно жесткое разграничение между «церковностью» и «религиозностью», «образованием» и «религией».

Как считает английский социолог Б. Уилсон, симптомы упадка религии в современном мире проявляются в ослаблении влияния религиозной морали на поведение людей, которые в значительной мере ориентированы сейчас на новые ценности, в частности, на материальные блага. Современный мир все более превращается в рационально конструируемую среду, в которой мало места остается для действия божественных сил.

Между тем в современной социологии существует и другая точка зрения на процесс секуляризации. Представители феноменологической социологии (Т. Лукман, П. Бергер) считают, что ослабление роли церкви в современном мире не свидетельствует об устранении религии из жизни людей. Так, Т. Лукман полагает, что в современном обществе имеет место не секуляризация, а религиозная трансформация. Религия, утверждает Т. Лукман, не исчезает, она трансформируется в новую социальную форму, существенной чертой которой является индивидуальный выбор человеком системы религиозных значений. Сходную позицию в оценке процесса секуляризации занимает Т. Пар-

сонс, утверждающий, что секулярный порядок может изменяться в направлении приближения к моделям, существующим в религии.

Американский социолог Р. Белла видит в секуляризации прежде всего процесс, в ходе которого религия становится частным делом индивида, т.е. происходит дифференциация во взглядах на мир и плюрализация культуры. Он полагает, что тем самым религия в целом не теряет своего значения и ее влияние на мировоззрение и социальное поведение не уменьшается [2].

Таким образом, анализ специфики и особенностей социальных институтов образования и религии в работах зарубежных ученых свидетельствует о существовании различных подходов к определению их социальных и культурных функций. В современном мире возрастают роль и значение института образования, в то же время в результате процессов секуляризации происходит ослабление роли институтов религии, их трансформация и приспособление к реальной социальной ситуации. При этом и западными, и отечественными исследователями подчеркивается важнейшее значение религии для процессов социализации личности, воспитания человека.

Следует подчеркнуть, что сотрудничество образования и религии – это взаимодействие двух социальных институтов, имеющих свою специфику, целевые установки, мотивацию и внутреннюю организацию. Обществу необходимы оба этих социальных института, каждый из которых стремится достичь своих целей с максимально возможной эффективностью. При этом развитие сотрудничества образования и религии не должно приводить к усилению влияния одного института над другим и, следовательно, к конфликтным отношениям. Так, взаимодействие учреждений образования и религиозных организаций должно быть направлено лишь на развитие позитивного сотрудничества, не нарушающего структуры и организации единого и целостного общекультурно-образовательного процесса социализации личности.

Среди российских исследователей, рассматривающих вопросы взаимоотношений институтов образования и религии, можно отметить работы Ж.Т. Тощенко, Г.Е. Зборовского, С.Д. Лебедева, И.А. Галицкой, Л.Н. Митрохина, Ю.А. Левады, Д.М. Угриновича, Л.А. Харисовой, А.Г. Нестеровой, Н.Н. Реутова, А.В. Колодина.

По мнению Ж.Т. Тощенко, «ключом к пониманию исключительного внимания к образованию и обучению, которым с 1990-х гг. отмечены взаимоотношения государства и церкви как в России, так и во многих странах мира, является «понимание образовательного процесса как центрального звена культурно-политических установок государства, а также ценностных ориентаций населения» [20, с. 145]. Ученый справедливо указывает на возможную опасность клерикализации российского образования, выступает за последовательное разграничение светской и религиозной систем образования.

Известный специалист по вопросам религии академик Л.Н. Митрохин считает, что общеобразовательная школа является наиболее обширным участком образовательного поля светско-религиозного взаимодействия в современной России. Это наиболее массовый тип российских учебных заведений, миновать который человек не может, он во многом определит его ценностные ориентиры [13].

С точки зрения С.Д. Лебедева, тот «габитус» взаимодействия светской и религиозной культур, который будет сформирован у человека в школе, с большой долей вероятности будет определять его светско-религиозную идентичность и его отношение к культуре-контрагенту и в дальнейшем [10, с. 54]. В основе позиций «за» и «против» конфессионально ориентированного религиозного образования ученый усматривает прежде всего определенные культурные интересы. Сторонники такого образования, считает С.Д. Лебедев, ориентированы на интересы не только религиозной культуры, переживающей сегодня подъем, но и светской культуры, которая, обратясь к здоровому духовно-нравственному началу, призвана преодолеть свое кризисное состояние.

По мнению А.В. Колодина, длительный процесс секуляризации науки сформировал огромный перевес «безрелигиозной» светской культуры над религиозными традициями, в результате чего даже сам интерес к религии и потребность в ней сформировались под влиянием социокультурных процессов. Ученый считает, что сейчас идет обратный процесс – аккультурация религии светским сознанием, а образование выступает основным каналом, определяющим процесс и результаты такой аккультурации сейчас и в перспективе. В связи с этим проблема светского преподавания религии в школе и шире – проблема религиоведческого аспекта образования в светском обществе – состоит в адекватности формы преподнесения знаний о религии запросам отдельной личности в соответствии с правом свободного выбора [8].

В работах правоведа И.В. Понкина с конституционно-правовой точки зрения подвергается анализу категория «светскость государства», исследуются понятие и признаки светского государства, существующие направления взаимодействия государства и религиозных объединений в сфере образования. Ученый считает, что опыт зарубежных стран в данной сфере может быть использован только с учетом национальной специфики [17]. Российский исследователь Л.А. Харисова утверждает, что светское и религиозное образование и воспитание – взаимодополняющие составляющие единой целостной системы воспитания личности [21, с. 36]. Схожей позиции придерживается О.В. Верейкина, которая отмечает, что светское образование и религиозные организации сосуществуют в одном социальном пространстве, что объективно ставит их в ситуацию диалога (полилога) [5, с. 20].

По нашему мнению, проблема состоит в том, что как в российском гуманитарном знании, так и в отечественном термин «религиозное образование» не обрел еще такого значения, которое традиционно закрепилось за ним в зарубежных странах. Проведенный анализ философской, социологической и педагогической научной литературы показывает, что словосочетание «религиозное образование» практически не встречается в названиях статей, монографий и диссертаций, посвященных проблемам преподавания религии в общеобразовательных учреждениях. Обычно оно заменяется выражениями «преподавание религии», «изучение религии», «религиозная культура в содержании образования», «духовное образование», «конфессиональное образование» или сопоставлениями типа «образование и религия», «религия и воспитание», «школа и церковь», «духовное и светское образование» и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на значительное число изданных работ, в российском и белорусском обществоведении на данный момент еще не сформировалось единого научного подхода к вопросу изучения государственно-конфессиональных отношений в сфере образования. В научной литературе вопросы взаимоотношений институтов образования и религии носят выраженный культурологический аспект, в значительной степени являются спорными и требуют дальнейшего осмысления. Следует подчеркнуть в данном контексте некоторое отставание теоретических научных работ от динамично развивающейся практики взаимоотношений учреждений образования и религиозных организаций.

В Республике Беларусь вопросы влияния религиозных конфессий на сферу образования, нормативно-правовые аспекты взаимоотношений государственной системы образования и религиозных организаций исследуются Л.Е. Земляковым, И.В. Котляровым, Д.К. Безнюком, Л.Г. Новиковой, А.И. Осиповым, В.В. Старостенко, В.А. Дьяченко, В.А. Одиноченко, Н.С. Щекиным, О.Ю. Бресткой, Е.В. Шкуровой.

Сфера образования как область сотрудничества государства и церкви, по мнению социолога Д.К. Безнюка, является одной из наиболее проблемных. Вместе с тем ученый подчеркивает ведущую роль государства в умении построить конструктивные отношения с церковью, позволяющие использовать потенциал религиозного социального

института в решении конкретных проблем общества. Это оправдывается, во-первых, тем, что государство приобретает дополнительный ресурс для выполнения своих обязанностей; во-вторых, тем, что государство создает условия своеобразной социализации церкви, ее вписывания в существующий социальный и культурный порядок в качестве функционального (полезного) элемента [1].

Отечественный специалист в области социологии религии Л.Г. Новикова в монографии «Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления» анализирует социологические данные, подтверждающие потребность большинства родителей дать религиозное образование (знания по религии, знакомство с религиозными текстами и т.д.) своим детям, причем в социально-институализированных формах [15]. При этом социолог замечает тенденцию уменьшения доли сторонников преподавания основ знаний о религии в нашей стране. Данные, приведенные в этом исследовании, подчеркивают важность получения знаний о религии в общеобразовательных учреждениях, что актуализирует проблему изучения взаимоотношений «школа – религия».

В работах И.В. Котлярова анализируются социально-политические аспекты государственно-конфессиональных отношений, перспективы взаимодействия институтов образования и религии, подчеркивается потенциал изучения религиозной культуры. Ученый считает, что изучение религиозоведческих дисциплин наряду со светскими науками помогло бы интегрировать образовательный и воспитательный процессы в школах и вузах [9].

Л.Е. Земляков и Н.С. Щекин утверждают, что решение проблемы взаимоотношений сферы образования и религиозных институтов возможно при помощи разработки комплексного нормативно-правового акта, разрешающего проблемы политико-правового регулирования. С позиции ученых, данный нормативный документ должен закрепить правовой порядок взаимодействия национальной системы образования с религиозными организациями, который может основываться на принципах соучредительства учреждений образования, в том числе учреждений образования и религиозных организаций, совместной разработки и реализации образовательных программ по изучению религиозной культуры, подготовки и повышения квалификации педагогических кадров [7, с. 48].

По мнению белорусских религиоведов В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко, В.А. Одиновичко, система государственного образования должна оставаться светской, не преследовать цели формирования того или иного отношения к религии, а строго соответствовать национальному законодательству и международным критериям. В работах этих авторов делается акцент на нормативно-правовые стороны вопроса, но недостаточно анализируется существующая практика взаимоотношений и прогнозируются перспективы сотрудничества учреждений образования и религиозных организаций в современной Беларуси [6; 16; 19].

С точки зрения О.Ю. Бреской, сотрудничество общеобразовательных учреждений и БПЦ является «одним из необходимых элементов создания нормальной модели социализации личности в Беларуси». Социолог подчеркивает, что социализация с участием церкви открывает возможность для личности избежать социальной маргинализации, формирует исключительную по значению среду, в которой усвоение личностью нескольких культур создает новый феномен, означающий более высокую степень ее личностного развития [3]. Положительные стороны такого сотрудничества отмечает также Е.В. Шкурова, подчеркивая, что взаимодействие с религиозными организациями в сфере образования целесообразно осуществлять в направлении разработки программ духовного, нравственного, этического, патриотического воспитания, которое будет способствовать не только повышению культурного уровня развития молодежи, но и формированию стабильной системы межконфессиональных отношений [23, с. 17].

Заклучение

Таким образом, в настоящее время, по мнению исследователей, развитие сотрудничества системы образования с религиозными организациями является сложным, противоречивым, но неизбежным процессом, требующим от обеих сторон соблюдения существующего национального законодательства в сфере образования и постепенной разработки соответствующего нормативно-правового обеспечения данных взаимоотношений, в которых государству принадлежит роль их регулятора и координатора.

Анализ научных подходов к исследованию отношений социальных институтов образования и религии позволяет сделать вывод, что эти взаимоотношения представляют собой специфическую систему развивающихся социальных взаимодействий, человекоформирующих способов влияния на личность, устойчивых социальных ожиданий и позиций, в основе которых законодательно закреплены представления о месте и роли образования и религии в жизни общества, их социальных и культурных функциях, возможных сферах совместной деятельности субъектов этих отношений, обусловленных сложившейся системой социокультурных, политических и правовых отношений в современном белорусском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безнюк, Д.К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь: социологический анализ / Д.К. Безнюк ; Респ. ин-т высш. шк. – Минск : РИВШ, 2006. – 214 с.
2. Белла, Р.Н. Социология религии / Р.Н. Белла // Американская социология: перспективы, проблемы, методы : сб. ст. / ред. Г.В. Осипова. – М., 1972. – С. 265–281.
3. Бреская, О.Ю. Православная церковь в процессе социализации личности в период трансформации (на материалах Республики Беларусь) : дис. ... канд. социол. наук : 24.09.04 / О.Ю. Бреская. – М., 2004. – 188 л.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Библиотека Гумер – гуманитарные страницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt. – Дата доступа : 12.03.2014.
5. Верейкина, О.В. Взаимодействие школы и религиозных организаций по формированию у старшеклассников здорового образа жизни / О.В. Верейкина // Социальная педагогика: традиции и инновации : материалы Всерос. науч.-практ. конгр. соц. педагогов с междунар. участием : в 2 ч. / Самар. гос. ун-т. – Самара, 2004. – Ч. 1. – С. 19–23.
6. Дьяченко, О.В. Новые религиозные движения в Беларуси : пособие для студентов вузов / О.В. Дьяченко. – Могилев : Могилев. пед. ун-т, 2011. – 133 с.
7. Землякоў, Л.Я. Рэлігія і адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: палітыка-прававыя аспекты / Л.Я. Землякоў, М.С. Шчокін // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даслед. – 2010. – № 2. – С. 31–50.
8. Колодин, А.В. Школа и религия: поиск компромиссов / А.В. Колодин // Культура веры. Путеводитель сомневающих [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://religiocivilis.ru/component/content/article/2-articles/1246-shkola-i-religiya-poisk-kompromissov.html>. – Дата доступа : 15.03.2014.
9. Котляров, И.В. Социологическая модель современного верующего / И.В. Котляров // Проблемы управления. – 2012. – № 2. – С. 118–121.
10. Лебедев, С.Д. Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX–XXI веков: социологический анализ взаимодействия / С.Д. Лебедев ; Федер. агентство по образованию, Белгор. гос. ун-т. – Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2005. – 252 с.

11. Луман, Н. Социальные системы : очерк общ. теории / Н. Луман ; под ред. Н.А. Головина. – СПб. : Наука, 2007. – 641 с.
12. Манхейм, К. Диагноз нашего времени : сборник / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
13. Митрохин, Н.А. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ : доклад / Н.А. Митрохин ; Ин-т гражд. анализа. – М. : СПРОС : КонфОП, 2005. – 79 с.
14. Мчедлов, М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах / М.П. Мчедлов // Социс. – 2006. – № 10. – С. 33–40.
15. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л.Г. Новикова ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : БТН-информ, 2001. – 131 с.
16. Одиноченко, В.А. О проблеме преподавания основ христианской культуры в учреждениях системы образования / В.А. Одиноченко // Религия и общество – 6 : сб. науч. ст. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев, 2011. – С. 197–199.
17. Понкин, И.В. Правовые основы светскости государства и образования / И.В. Понкин. – М. : Про-Пресс, 2003. – 413 с.
18. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 1463 с.
19. Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории / В.В. Старостенко. – Могилев : Изд-во Могилев. гос. ун-та, 2011. – 272 с.
20. Тощенко, Ж.Т. Теократия: фантом и реальность? / Ж.Т. Тощенко – М. : Академия, 2007. – 664 с.
21. Харисова, Л.А. Религиозная культура в содержании общего образования / Л.А. Харисова. – М. : Просвещение, 2002. – 336 с.
22. Шелер, М. Формы знания и общество: сущность и понятие социологии культуры / М. Шелер // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 122–160.
23. Шкурова, Е.В. Развитие межконфессиональных отношений в Республике Беларусь: теоретико-методологический аспект / Е.В. Шкурова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : Право и экономика, 2009. – 207 с.
24. Berger, P.L. The social-reality of religion / P.L. Berger. – London : Faber, 1969. – VIII. – 231 p.
25. Durkheim, É. Education et sociologie / É. Durkheim, M. Debesse, P. Fauconnet. – Paris : Presses univ de France, 2005. – 130 p.
26. Parsons, T. Societies: evolutionary and comparative perspectives / T. Parsons. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1966. – VIII. – 120 p.

Sukhotski N.N. Sociological Categorization of Education and Religion as Social Institutions of Youth Socialization

The topicality of the problem presented in the article is defined by the necessity of searching for scientific approaches to the study of modern forms of relations of social institutes of education and religion, as well as possible spheres and perspectives of their cooperation.

Comparative analysis of basic Belarussian and foreign theoretical approaches to studying relations between education and religion in society is presented in the given article. Methodological background of sociological research of social interaction between secondary educational establishments and religious organizations in youth upbringing in the Republic of Belarus is also outlined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.03.2014

УДК 315.334.3

С.П. Крупнов**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ТРУДНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ**

В статье представлен анализ подходов понятия «гражданское общество». Автор анализирует, как развивалось и видоизменялось представление о гражданском обществе в различные исторические эпохи. В статье показывается, как в процессе своего развития представление о гражданском обществе как о гражданах государства видоизменилось до представления о гражданском обществе либерально-демократической модели. Автором критикуется субъективность и размытость современного понятия «гражданское общество». Автор предлагает свой подход к пониманию и операционализации понятия гражданского общества, основанный на специально разработанной системе социологических индикаторов.

В современном социально-политическом дискурсе сложилось устойчивое представление о том, что наиболее приемлемой формой политического режима является демократия. В теоретическом контексте на современном этапе эту идею наиболее полно охарактеризовал Ф. Фукуяма в своей работе «Конец истории или последний человек», где автор обосновывает мысль, что в процессе социально-экономического развития страны развиваются в направлении становления либерально-демократического государства [1, с. 94]. В подтверждение данного аргумента автор приводит множество примеров современных развитых государств, характеризующихся как либерально-демократические. В итоге, по мнению автора, все больше государств будут трансформироваться в направлении либерально-демократических форм, что в итоге означает конец истории – победу универсальной модели формы правления [1, с. 95].

Следует согласиться, что во многом в конце XX в. социальная реальность совпала с точкой зрения Ф. Фукуямы. Особенно это ярко проявилось в конце 1980-х гг.: тогда вывод о том, что все страны движутся в направлении развития либеральной демократии мог показаться очевидным, однако есть целый ряд оговорок, которые необходимо учитывать. Во-первых, данная модель отождествляет политический режим с идеологией, что, на наш взгляд, не корректно, так как исключает различные вариации социальной системы. Во-вторых, данная модель характерна только для общества в стабильном состоянии. Она формировалась в развитых «западных» странах, в другой среде – постсоветском пространстве – она не сработала. Таким образом, с учетом обозначенных замечаний сложно назвать либеральную демократию конечным или идеальным политическим режимом. Она может быть идеальной лишь в определенное время, для определенной среды, с учетом социо-культурной специфики.

В контексте либерально-демократического дискурса часто используется термин «гражданское общество», который обозначает модель общества, соответствующую модели либерально-демократического государства и, в свою очередь, также понимается как наиболее развитая форма общественной организации. Однако этот термин настолько расплывчат и неоднозначен, что его часто используют в совершенно различных контекстах, что создает путаницу и искажения.

Цель данной статьи – операционализация понятия гражданское общество – обусловливается необходимостью ясного представления сути взаимодействия, противоре-

Научный руководитель – М.А. Безносков, кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; доктор философии в области политических наук (PhD) Аризонского университета

чий, открытых и латентных социальных конфликтов, существующих в социуме, а также между институтами государственной власти и разными социальными группами в современных реалиях постсоветского пространства. Внесение ясности в понимание феномена гражданского общества даст возможность лучше понять реальный корень обозначенных проблем, а также позволит понять суть происходящих процессов.

На современном этапе разные ученые пытаются решить проблему неопределенности понятия гражданского общества. В частности, А. Головастикова и Ю. Дмитриев осуществляют анализ понятия гражданского общества, исследуя теоретические подходы начиная с эпохи Возрождения. Авторы приходят к выводу, что гражданское общество – это «продукт исторического развития человечества, появившийся в период ломки жестких рамок сословно-феодального строя, начала формирования правового государства» [2, с. 27]. В целом можно согласиться с данной точкой зрения, однако, на наш взгляд, авторы зафиксировали не возникновение феномена, а появление текстов, использующих сам термин «гражданское общество».

Другой российский ученый, О.Н. Ганин, исследуя понятие «гражданское общество», приходит к выводу, что это социокультурное пространство, где формируется система негосударственных общественных институтов и отношений, создающих в рамках общепринятых правовых норм возможность и условия каждому человеку в качестве самостоятельного субъекта общественной жизни реализовать свои гражданские права, удовлетворять свои различные материальные и духовные потребности. Сущность гражданского общества определяется мерой индивидуальной свободы, самоценности и самоопределения отдельно взятой личности в обществе, а его содержание – взаимодействием и взаимоотношением относительно независимых друг от друга и от государства индивидов» [3, с. 93]. Достаточно распространенным является представление о том, что гражданское общество – это третий сектор, из чего следует, что оно может быть представлено только НПО. Однако, на наш взгляд, это лишь одна из форм выражения гражданского общества.

Для того чтобы осуществить операционализацию термина «гражданское общество», мы решили провести анализ теоретико-методологических разработок по данной теме. Анализ зарождения и развития понятия гражданского общества даст возможность ясно представить смысл и суть этого понятия в современном дискурсе, а также поможет преодолеть современную проблему размытости и неопределенности данного понятия.

Считается, что термин «гражданское общество» появляется лишь в эпоху Нового времени. Однако многие современные авторы используют данное понятие, ссылаясь на работы более ранних периодов. Так, в трудах античных авторов (Платона, Аристотеля и Цицерона) речь идет об обществе в контексте государства, и, таким образом, прототип модели гражданского общества у античных классиков значительно отличается от более позднего понимания гражданского общества в либерально-демократической традиции. Поскольку общество как таковое не исследуется античными философами, сложно говорить о понятии гражданского общества как таковом, однако в античных работах формулируется целый ряд терминов и понятий, на основании которых складывалась теория гражданского общества [4, с. 108].

Можно выделить ряд ключевых терминов и утверждений, сформулированных в эпоху Античности, которые имеют отношение к теории гражданского общества: верховенство закона, прав и свобод граждан; гражданская активность (включенность граждан в жизнь государства и общества); осознанность гражданами своих действий как элемент развитой демократии; зависимость политической системы от социальной (что можно обозначить как понимание различных форм, элементов социальной структуры); главенствующая роль государственной власти; ценность общего блага; представление о гражданине, среднем классе, государстве как достоянии народа; общность интересов.

Античные авторы не отделяли общество от государства, однако, по их мнению, именно общество (социальная система) определяет форму государственного правления [4, с. 109]. Таким образом, в понимании античных мыслителей государство выступает в роли ключевого механизма в реализации общественных интересов и выражает сущность социальной системы, а общество вне зависимости от формы правления живет по правилам и законам существующего государства и с помощью апелляции к государству (государственной власти) стремится решать и артикулировать свои проблемы.

Античность можно охарактеризовать как первый этап изучения институтов государственной власти, общества и их взаимодействия. На наш взгляд, такая модель взаимодействия институтов государственной власти как главной двигательной силы в государстве и «покорного» общества соответствует определенному (начальному) этапу развития государства, когда общество видит решение всех своих проблем с помощью делегирования полномочий институтам государственной власти. Предложенная античными авторами модель свидетельствует о возможности отсутствия общепринятого представления о неизбежности дихотомии государство – гражданское общество.

Идеи, заложенные в эпоху античности, получили развитие в период средневековья. Философы-теологи делали главный акцент на том, что общество должно основываться на божественных законах и религиозной морали, построенной на духовной (религиозной) основе, противопоставляя его «человеческому граду», основанному на рациональных «человеческих» законах [5, с. 73]. Несмотря на то, что данные утверждения аргументировались Фомой Аквинским и Августином Аврелием, современной концепции гражданского общества приписывается как рациональность и гражданские права, так и духовность, что является одним из противоречий теории гражданского общества. На наш взгляд, в данном аспекте мы выходим на одну из ключевых проблем теории гражданского общества – проблему ценностей, т.е. того, с какой целью создается гражданское общество и чего достигает общество с помощью создания гражданского общества. Философы-теологи данного периода поднимают проблему качественного наполнения социальных отношений. Они по-своему представляют идеальную модель взаимодействия в социуме, существенно отличающуюся от моделей, предложенных в другие периоды. Вплоть до Эпохи Возрождения проблематика, связанная с взаимодействием государства и общества, рассматривается в контексте теологического дискурса.

Следующий период, который можно выделить в развитии теории гражданского общества, является эпоха Нового времени. Этот период можно назвать классическим: именно в это время формулируется понятие гражданского общества, философы и ученые начинают активно использовать это понятие. Одними из первых понятие гражданского общества стали использовать Т. Гоббс и Д. Локк в работах, где гражданское общество употребляется для обозначения *общества в условиях государства* [6, с. 330]. Главный смысл, который вкладывали Гоббс и Локк в понятие «гражданское общество», – это преодоление состояния «войны всех против всех», которое Гоббс и Локк относили к периоду догосударственного существования. Таким образом, в работах данных авторов мы можем выделить один из основных системообразующих элементов понятия гражданского общества – возникновение государства и прописанных законов.

Для эпохи Нового времени характерно использование понятия гражданского общества как обозначение общества в условиях государства. Однако каждый автор по-своему рассматривает и использует данное понятие. Если поначалу Гоббс и Локк по большей части ограничивались чисто формальным использованием этого термина, то в дальнейшем Фергюсон, Кант, Гегель, Маркс и др. данное понятие наполняют новыми смыслами. Более того, эти смыслы могли достаточно сильно отличаться друг от друга. К примеру, Кант под гражданским обществом понимал общество, которое живет по закону, единому для всех, гарантирующему права и свободы гражданина [7, с. 150]. Для

Канта гражданское общество – это общество в условиях правового государства. Характеризуя данное понятие, Кант противопоставляет состояние «войны всех против всех», которое понимается философом как следствие заложенной в природе человека конкуренции, с благом для всех, которое понимается как наивысшая форма развития гражданского общества [7, с. 228]. В работах Канта мы видим существенное изменение в понимании концепции гражданского общества уже как *общества в рамках правового государства*. В свою очередь, Гегель придерживался схожей точки зрения: он также считал, что гражданское общество – это объединение людей в условиях правового государства с целью защиты собственности и личности. Однако Гегель в отличие от Канта считал, что гражданское общество – это общество, в котором каждый индивид стремится к достижению частного интереса, блага для себя.

Следует заметить, что данное положение лежит и в основе потребительского общества, в котором система общественного потребления служит для потребления самого общества. Таким образом, получается, что в данной системе каждый выступает объектом потребления, каждый является средством для другого и рассматривается исключительно с этой точки зрения. Это очень напоминает состояние войны всех против всех, только в более цивилизованной форме и регламентируемой законом. В итоге – рост социальной аномии, дезинтеграция социальных связей и, наконец, распад общества.

В то же время Маркс первоначально использовал понятие «гражданское общество» как характеристику общества в условиях капиталистических отношений в государстве. Для Маркса гражданское общество – любое общество, в котором закрепляется эксплуатация одного класса другим.

В разных трактовках смысла понятия «гражданское общество», на наш взгляд, лежит ключ к его пониманию. Гражданское общество – это не то общество, которое обладает определенными смысловыми характеристиками (в частности, в современном социально-политическом дискурсе под гражданским обществом принято подразумевать либерально-демократическую модель). *Это специфическая форма социальной организации, которая основывается на системе формально прописанных норм и правил, а смысл этих норм и правил формируется исходя из социокультурной среды.* Либеральная демократия является моделью лишь одной формы общественной организации; это определенный набор правил и норм более широкого понятия – гражданское общество. В современных условиях данные рамки обеспечивает государство. Другими словами, гражданское общество – это общество в условиях государства. Основным смыслом данного понятия, на наш взгляд, в том, что каждое общество имеет право на самоопределение, на определение своих собственных норм и правил, в рамках которых оно может существовать. И здесь нет универсальных рецептов.

Каждое общество находится на специфическом этапе своего развития. И данную специфику нельзя подгонять под одну модель. Необходимо искать нейтральные характеристики данного понятия, которые мы предлагаем далее.

В целом в работах ученых Нового времени: Э. Канта, Ф. Гегеля, А. Токвиля, К. Маркса, А. Грамши и других – теория гражданского общества получает свое направление развития в рамках либерально-демократической концепции. Этому также способствует построение авторами идеальных моделей гражданского общества. Однако авторы не учли, что жизнеспособность этих моделей возможна лишь при сочетании определенной социокультурной реальности. Вне этой реальности данные модели не срабатывают и обществу необходимы другие нормы и правила для существования.

Кроме этого, А. Токвиль в работе «Демократия в Америке» делает вывод, что гражданам США свойственно распространять определение американских феноменов на определение сущности феноменов как таковых [8, с. 145]. Им свойственно те образцы социальных институтов, практик, социальной системы, которые граждане США ви-

дят в своей стране, обозначать как феномены в целом. Другими словами, гражданское общество как феномен отождествляется с гражданским обществом в США. Во многом также исходя из этого проявляется одностороннее восприятие современного понятия «гражданское общество».

Одним из поворотных моментов в развитии теории гражданского общества являются работы А. Грамши, в которых он ограничивает гражданское общество до рамок его социально активной части (общественных организаций), что может объясняться тем, что лишь организованная и социально активная часть общества может приводить к социальным потрясениям и воздействовать на остальное общество, поэтому следует считаться только с этой частью общества. Характерным является то, что именно на общественные организации (НПО, НКО) опирается теория гражданского общества в современном дискурсе.

В первой половине XX в. интерес к исследованию в рамках теории гражданского общества практически отсутствует, однако к концу XX в. вновь появляются новые разработки и исследования по этой теме. Данный период можно охарактеризовать как новый этап в исследованиях гражданского общества. В нём теория гражданского общества получила широкое развитие, однако, на наш взгляд, ученые, занимающиеся данной проблематикой, в теоретическом плане разрабатывают только одну модель гражданского общества, а именно, гражданское общество либерально-демократического образца. В практической сфере исследования социальной реальности производятся с точки зрения одной унифицированной модели. В то же время можно отметить существующие попытки выйти за рамки установленной модели понятия гражданского общества.

Эндрю Арато и Джин Коэн считают, что в основе идеи гражданского общества лежат принципы самоорганизации, общественные связи вне рамок авторитарного государства [9, с. 138]. Авторы указывают на то, что в тоталитарной стране СССР гражданское общество было неинституционализировано. Поэтому, с точки зрения авторов, гражданское общество следует понимать как движение и как институт. При этом минимальным критерием наличия гражданского общества, по мнению ученых, является защита частной собственности [9, с. 227]. На наш взгляд, авторы зафиксировали тенденции либерализации и демократизации советского общества. Однако они, как и ряд исследователей гражданского общества, недооценили роли государства как регулятора социальных правил и норм. В целом недооценка социо-культурной специфики, *взаимозависимости общества и государства* приводит к кризисным процессам в обществе, которые характеризуются ростом социальной аномии и социальной дезинтеграции. В итоге, движение гражданского общества (движение в рамках правовых норм), выходя за рамки правовых норм превращается в анархическую массу, что также обуславливается значительным ослаблением институтов государства в реализации своих функций как регулятора процессов на макроуровне. Лишь немногие сообщества, в частности, ряд научных сообществ (на локальном уровне), смогли принять и реализовать часть функций государства посредством самоорганизации.

Еще один современный исследователь гражданского общества американский ученый Джеффри Александер при определении гражданского общества ключевым элементом считает социальную солидарность, определяя гражданское общество как «Мы-сущность» национальной общности в самом глубоком смысле, что означает чувство единения с «каждым членом» этой общности, выходящее за пределы личных обязательств, преданности групповым и сектантским интересам» [10, с. 29]. Автор убежден, что, «хоть либеральное понимание гражданского общества сосредоточено вокруг индивидуального, оно было куда менее индивидуалистическим, чем принято считать» [16, с. 30]. На наш взгляд, в данном случае видно явное противоречие в существующей концепции гражданского общества, которое является выражением ограниченности современной

трактовки гражданского общества. Александер, как и ряд других ученых, указывает на то, что гражданское общество различается на основе различия культур. При этом основополагающими элементами гражданского общества, по мнению ученого, выступают право и гуманность как предельно обобщенные ценности. В этих положениях наглядно прослеживается размытость и субъективность подхода понимания гражданского общества, основанного на представлении его как идеальной модели.

В отличие от современной практики многих ученых (при исследовании гражданского общества) ориентироваться на идеализированную, идеологизированную теоретическую модель гражданского общества мы в своих работах стараемся создать нейтральную теоретическую модель, которая будет удобным инструментом для исследования реальных гражданских обществ. Сейчас же достаточно часто осуществляется анализ обществ с точки зрения существования в них отдельных элементов теоретической модели гражданского общества либерально-демократического образца.

Как отмечал Д. Александер, гражданское общество различается посредством различия культур, только, на наш взгляд, данный фактор (*различие культур*) *более значим при характеристике содержания гражданского общества: именно он является определяющим в гармоничном формировании правил и норм в обществе.*

Также в рамках устоявшейся традиции в понимании гражданского общества дает свое определение этого понятия Ральф Дарендорф. Он утверждает, что определенные фундаментальные ценности носят абсолютный характер: «Не доверяй власти, так как ею можно чудовищно злоупотреблять» [11, с. 138]. В то же время, по мнению ученого, отсутствие эффективных норм и эффективной власти становится угрозой для свободы, которая при этом понимается Дарендорфом как цивилизованная и цивилизующая сила, нуждающаяся в опоре – гражданском обществе. Гражданское общество, по мнению ученого, – это общество, не подконтрольное государству, это равные полномочия, это свобода, в том числе свобода на ошибку; «лучшее гражданское общество – творческий хаос» [11, с. 63].

Такое понимание гражданского общества, на наш взгляд, достаточно размыто и противоречиво. С одной стороны, автор понимает, что без эффективных государственных институтов нет свободы, но это не мешает Дарендорфу говорить о «творческом хаосе» как об идеальном гражданском обществе. Мы считаем, что говорить о «творческом хаосе» более корректно, когда общество достигло достаточно развитых социально-экономических форм. Кроме этого следует помнить о необходимости существования моральных, нравственных норм и границ, в рамках которых этот хаос разрешен.

В целом на современном этапе гражданское общество, которое изначально понималось как общество, живущее по прописанному закону, анализируется сквозь призму соответствия общества нормам либеральной демократии. На наш взгляд, произошла подмена понятия: вместо того, чтобы под гражданским обществом понимать *общество, живущее по закону*, и дать возможность обществу самому определиться, по какому закону жить, под гражданским обществом стали понимать некую модель, уже наполненную смыслом, называемую в современном мире либерально-демократической моделью. Поэтому существует необходимость избавиться от мифов в представлении о гражданском обществе (как в целом, так и в частностях) и при оценке того или иного общества опираться на эмпирические показатели, а не на интуитивное сходство с «западной моделью».

В результате анализа мы видим, как менялось понятие «гражданское общество» на каждом этапе своего развития, как теория гражданского общества приобретала новые качественные характеристики. Мы предлагаем выделить ряд категорий, которые можно использовать как эмпирические индикаторы развитости гражданского общества, а именно:

1. *Уровень принятия обществом правовой системы государства.* Субъективное принятие и поддержка обществом тех правил и норм, которые существуют в государстве.

2. *Соответствие нормативно прописанных правил и норм фактическим правилам и нормам в государстве.* Чем больше общество в своих действиях основывается на правовой системе государства, тем больше оно является гражданским.

С нашей точки зрения, нельзя считать радикальный протест проявлением гражданского общества, так как гражданское общество основывается на законе, и если общество отвергает существующую систему, то оно не является гражданским. Это не отрицает ценности самого общества, но анархичное общество нельзя назвать гражданским, ибо разрушается основной принцип гражданского общества – верховенство права. Гражданское общество при смене политического режима ориентируется на легитимные механизмы, акции и действия в рамках установленной системы; они могут быть направлены на ее изменения, но если эти действия выходят за рамки системы и отвергают ее, значит, это общество не является гражданским.

3. *Степень воздействия гражданского общества на государство.* Имеется в виду, насколько гражданское общество фактически влияет на государство и практики, посредством которых государство принимало решение, основываясь на инициативе гражданского общества. Другими словами, в каком количестве и в каком объеме после протестных акций, обращений граждан, гражданских инициатив государство удовлетворяло запросы гражданского общества.

4. *Социальная активность.*

4.1. *Политическая активность.* Акции протеста, митинги, демонстрации, включенность граждан в политический процесс: чем активнее общество в воздействии на изменения законов, внутреннюю, внешнюю политику, чем больше общество включено (количественно и качественно) в этот процесс, тем больше оно является развитым гражданским обществом. Количество и качество политической активности свидетельствует о силе гражданского общества.

4.2. *Культурная активность.* Формальные сообщества (НПО, НГО, «третий сектор») и неформальные сообщества. Включенность граждан в такого рода сообщества свидетельствует о потенциале гражданского общества. Поэтому чем больше этих сообществ и чем активнее они себя проявляют, тем развитее гражданское общество.

5. *Гражданские ценности.* Общие характеристики, свидетельствующие о развитости гражданского общества: солидарность, патриотизм, уважение к правам и нормам, осознанность жизнедеятельности и т.д.

Эти индикаторы нужно воспринимать в комплексе, так как по отдельности они могут исказить вывод о развитости гражданского общества. К примеру, «уровень принятия обществом правовой системы государства» в сочетании с «социальной активностью» даст более точную картину развитости гражданского общества: эти параметры являются взаимно уравновешивающими. В то же время по отдельности они могут исказить представление о развитости гражданского общества.

Анализируя данные параметры таким образом, мы можем определить уровень развитости гражданского общества. На наш взгляд, наибольшая ценность предложенного для исследования гражданского общества подхода заключается в том, что он позволяет эмпирически проанализировать степень развитости гражданского общества, не несет в себе идеологической составляющей и основывается на формальных показателях.

В дальнейшем мы планируем провести анализ развитости гражданского общества в Украине, а также провести анализ механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в Украине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукуяма, Ф. Конец истории или последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : Издательство АСТ, 2004. – 592 с.
2. Головистикова, А.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. – М. : ЭКСМО, 2005. – 649 с.
3. Ганин, О.Н. Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание / О.Н. Ганин // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 93–94.
4. Крупнов, С.П. Ранние формы гражданского общества и его взаимодействия с государственными институтами в социально-политических концепциях периода античности / С.П. Крупнов // Научная дискуссия: инновации в современном мире. – 2013. – № 15. – С. 102–110.
5. Блаженный, Августин. О граде божьем / Августин Блаженный. – М. : Харвест АСТ, 2000. – 502 с.
6. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
7. Кант, И. Сочинения : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 8. – 423 с.
8. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
9. Джин, Л.К. Гражданское общество и политическая теория / Л.К. Джин, Э. Арато. – М. : Весь мир, 2003. – 784 с.
10. Александер, Д. Парадоксы гражданского общества / Д. Александер // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 27–41.
11. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы / Р. Дарендорф. – М. : Росспэн, 2002. – 289 с.

Krupnov S.P. Notion Evolution about Civil Society: Difficulties in Operationalization of the Concept

The paper presents an analysis of the approaches of «civil society» concept. The author analyzes how the idea of civil society developed and changed in different historical epochs. The paper represents how the idea of civil society as the idea of citizens of the state in the process of the development has evolved to the idea of civil society of liberal-democratic model. The author criticizes the blurring and subjectivity of the modern concept of «civil society». In conclusion, the author offers his approach to the understanding and operationalization of the concept of civil society based on formal indicators.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2013

316.334: 614.2:615.38

*А.А. Кулешов, И.Д. Расолько***ВОЗМОЖНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ДОНОРСТВА КРОВИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Ряд международных организаций (Всемирная организация здравоохранения и Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) призывают все страны обеспечить к 2020 г. получение 100% крови от добровольных безвозмездных доноров. С конца 2013 г. руководством Министерства здравоохранения Республики Беларусь предпринимаются попытки увеличить долю безвозмездных донаций. Однако поскольку сегодня в системе мотивации отсутствует реальная альтернатива платному донорству, постольку успех начатой в стране кампании представляется сомнительным. На основе корреляционного анализа доступных статистических показателей, результатов изучения европейских и мировых ценностей, а также использования материалов ряда собственных социологических исследований показано, насколько сложной является задача, связанная с внедрением безвозмездного донорства. Авторы стоят на позиции отказа от принятия непродуманных управленческих решений, считают необходимым избегать сложных и масштабных реформ, направленных на системные изменения в службе крови – отрасли, стратегически важной для эффективного функционирования всего здравоохранения.

Разработка и внедрение современных рациональных методов активизации донорства, поиск новых подходов к повышению эффективности мероприятий по привлечению донорских кадров и повышение инфекционной безопасности крови и ее компонентов является первостепенной задачей развития трансфузионной медицины во всем мире [1; 2]. Так, еще в 1995 г. ВОЗ декларировала основополагающие принципы системы безопасного переливания крови, базовая триада которой была сформулирована как «безопасный донор – безопасные продукты крови – безопасная гемотрансфузия» [3, с. 5]. По классификации ВОЗ наиболее опасными в плане передачи инфекций являются следующие категории доноров: 1) платные доноры; 2) доноры-родственники (доноры прямого, т.е. адресного, замещения); 3) доноры из групп населения с рискованным поведением; 4) первичные доноры. Три первые категории доноров представляют опасность в связи с возможным наличием у них желания скрыть перенесенные ранее заболевания или опасные контакты, способные привести к заражению инфекциями, которые передаются с кровью [4]. Наиболее дискуссионным является вопрос о необходимости отказа от платного и переход к безвозмездному донорству. Тем не менее Мельбурнская декларация, принятая во Всемирный день донора крови 14 июня 2009 г., призывает страны достичь к 2020 г. стопроцентного добровольного безвозмездного донорства крови [5].

После принятия в 1995 г. в Республике Беларусь закона «О донорстве крови и ее компонентов» о донации как о безвозмездном проявлении альтруизма в нашей стране вспоминали от случая к случаю. Более того, Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 ноября 2011 г. № 1519 законодательно закрепило получение донором оплаты за взятую у него кровь или ее компоненты, привязало размер материальной компенсации к бюджету прожиточного минимума, тем самым обеспечив ее регулярное повышение [6].

Лишь с 2013 г. руководством Министерства здравоохранения и службы крови предпринимаются попытки постепенного внедрения безвозмездного донорства. Так, 1 октября 2013 г. приказом Министерства здравоохранения был утвержден План мероприятий по пропаганде и развитию безвозмездного донорства крови и ее компонентов в Республике Беларусь. 19 декабря 2013 г. министр здравоохранения В.И. Жарко ознакомил Палату представителей с законопроектом «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам донорства крови и ее компонентов». По словам министра, законопроект «определяет основные направления государственной политики в области донорства и устанавливает, что одним из них является пропаганда выполнения донорской функции

на безвозмездной основе» [7]. Еще раньше в преддверии Всемирного дня донора крови министр здравоохранения призвал возродить в стране традиции безвозмездного донорства, которое сосуществовало бы наряду с платным [8]. Позиция министра соответствует стремлению государства к получению качественного и максимально дешевого сырья (каковым в данном случае выступает донорская кровь и ее компоненты).

Внедрение безвозмездного донорства невозможно реализовать одномоментно или даже за короткий срок, а определение путей достижения этой цели не может основываться только на интуиции или волевом решении руководителей: в нашем случае необходимо планомерное накопление достоверных научных данных, их последовательное обобщение и осмысление экспертным сообществом с последующим широким использованием в деятельности администрации. В данной статье мы стремимся показать, что сегодня управленческие решения не могут идти вразрез с реальной жизнью – только таким образом возможно минимизировать риски от реализации непродуманных действий и максимизировать позитивный эффект от реформ в социальной сфере. В этой связи актуализируется необходимость обоснования ценности социологического подхода к информационному сопровождению реформирования службы крови.

Результаты наших исследований (опроса экспертов службы крови, качественно- и количественного исследований мотивационных установок доноров в г. Минске) показывают, что оптимизация донорства является сложной задачей, решение которой практически невозможно без реализации комплекса мер, способных привести к серьезным системным изменениям. И чем масштабнее ожидаемые перемены, тем аккуратнее следует проводить реформы, тем большее значение приобретают методы социологической диагностики. Большинство опрошенных нами в июле–августе 2013 г. экспертов сходятся во мнении, что безвозмездное донорство в Беларуси принципиально возможно, если подходить к решению данной задачи комплексно, последовательно и творчески [9]. Мы убеждены, что эффективное формирование контингента доноров зависит от качества коммуникаций, выстраиваемых между службой крови и населением, которое сегодня не может считаться удовлетворительным.

Материалы проведенных нами в ноябре–декабре 2013 г. групповых и индивидуальных фокусированных интервью с донорами позволяют сделать несколько наиболее важных, по нашему мнению, выводов, которые характеризуют систему мотивации донорства в Республике Беларусь [9]. Некоторые из этих выводов прямо или косвенно подтверждаются данными репрезентативного опроса доноров г. Минска, проведенного авторами в марте 2014 г. при содействии руководства столичной службы крови.

1. В системе мотивации донорской активности в нашей стране практически отсутствует социальное одобрение и признание как механизм формирования позитивной установки на донорство.

2. Существующая система мотивации донорства может быть описана как недостаточно гибкая, направленная в большей степени на удовлетворение материального интереса населения, а не на формирование у донора чувства социальной значимости (таблица 1).

Таблица 1 – Мнение доноров о донорстве

Утверждения о донорстве	Степень согласия, средний балл на шкале 1–5
Донорство в Беларуси – это способ достижения общественного признания и повышения социального статуса.	2,03
Донорство в Беларуси – это источник дополнительного дохода, льгот и гарантий.	3,36

Материальная заинтересованность доноров может быть обусловлена и теми проблемами, с которыми им приходится сталкиваться до, во время и после выполнения донорской функции. Так, 34,1% доноров в Минске встречали противодействие со стороны работодателя в связи с участием в донорстве; у 39,9% возникали трудности на этапе предварительного обследования в поликлинике, у 23,8% – при получении доплаты за использованные выходные дни; 35% опрошенных доноров вовсе встречались с ситуациями, когда они не могли воспользоваться положенными им льготами и гарантиями (последние два показателя рассчитаны от числа непервичных доноров).

3. В мотивации донорской активности недостаточно используется стремление людей к взаимопомощи. Результаты репрезентативного опроса доноров г. Минска позволяют говорить об основных мотивах, впервые побудивших их к донации (таблица 2).

Таблица 2 – Наиболее распространенные мотивы первой кроводачи, %

Мотивы первой кроводачи	Показатель
Желание получить дополнительный доход	60,9
Стремление быть причастным к спасению людей	52,9
Пример родственников, друзей, коллег	42,3
Желание проверить состояние здоровья	31,7
Желание оказать помощь конкретному незнакомому человеку	31,6
Желание получить дополнительный день отдыха	30,2
Любопытство, стремление удовлетворить интерес	26,0
Проведение Дня донора в учреждении, воинской части, на предприятии	18,6
Желание оказать помощь близкому человеку	16,1

В групповых и индивидуальных фокусированных интервью респонденты говорили об отсутствии информации, которая сообщала бы о заинтересованности структур здравоохранения в донорах, о пользе, которую они приносят при лечении больных. Поэтому важно создать условия, наиболее благоприятные для выражения группоцентрических чувств личности через добровольное участие в донорстве. В информационном обществе с этой целью необходимо широко использовать все возможные современные средства массовой коммуникации, направленные на осуществление прямой и обратной связи с населением.

4. Средства массовой информации мало задействованы в формировании позитивного образа донора, практически не участвуют в просвещении населения и в популяризации донорства. Поскольку кровь ассоциируется с жизнью и здоровьем, постольку недостаток информации по вопросам донорства рождает домыслы, которые превращаются в предрассудки и страх.

Семья, будучи наиболее близкой референтной группой для индивида, играет первостепенную роль в социализации личности. Результаты исследования, проведенного ЦСПИ БГУ в 2013 г., показывают, что наибольшим авторитетом для студенческой молодежи Беларуси, помимо собственного мнения, является мнение родителей [10]. В этой связи вызывают тревогу сообщения некоторых опрошенных в групповых и индивидуальных фокусированных интервью молодых людей о неодобрении, выражаемом их родителями, по поводу участия в донорстве. По всей видимости, недостаток достоверной информации о донорстве приводит к широкому распространению заблуждений, которым оказываются подвержены массы людей. Постоянно тиражируемые, эти заблуждения являются существенным препятствием для формирования и реализации позитивной установки на донорство, особенно в молодежной среде. При этом следует помнить,

что позитивная установка на донорство, не будучи сформированной в детстве и юношестве, в дальнейшем может возникать с уменьшающейся вероятностью [11]. В целом результаты репрезентативного опроса доноров в Минске свидетельствуют о том, что с неодобрением участия в донорстве со стороны близких родственников сталкивались 32,3% респондентов; со стороны друзей, знакомых, коллег – 25,3%. Очевидно, что наибольшим авторитетом в вопросах, связанных со здравоохранением, обладают медицинские работники. Именно к их мнению в первую очередь прислушиваются потенциальные и реальные доноры, именно они во многом способны формировать позитивное отношение населения к донорству. Поэтому особую тревогу вызывают отмеченные донорами факты отрицательного отношения медработников к донорству (10,6% доноров встречались с неодобрением участия в донорстве со стороны медицинских работников).

Таким образом, в качестве основной причины негативного отношения к донорству может быть назван дефицит информации, подверженность людей предрассудкам и заблуждениям, рождающим страх и опасение за здоровье донора. Зерна сомнений, подкрепленные «авторитетом» медиков и ближайших родственников, падают на подготовленную недостатком достоверной информации почву, и это приводит к снижению донорской активности населения. Таким образом, возможности средств массовой информации в освещении деятельности службы крови должны быть в полной мере реализованы и по достоинству оценены.

5. Существующая в настоящее время форма взаимоотношений службы крови (как субъекта государства) и населения сведена практически к рыночным отношениям. Сегодня следует вести речь о консервативности осуществляемой государством социальной политики в области донорства: 72% доноров не считают необходимым внедрять безвозмездное донорство в Республике Беларусь. Эта цифра свидетельствует не только о преобладающем отрицательном отношении доноров к перспективе сдавать кровь или ее компоненты бесплатно, но также и о неподготовленности общественного мнения к столь серьезным нововведениям, что должно чрезвычайно затруднить их реализацию.

Тем не менее, как мы уже отмечали выше, внедрение безвозмездного донорства считается стратегическим и перспективным направлением развития службы крови. В этой связи интересно рассмотреть возможные условия, при которых доноры могли бы согласиться сдать кровь или ее компоненты безвозмездно (таблица 3).

Таблица 3 – Условия, при которых безвозмездное донорство наиболее вероятно, %

Условия безвозмездной кроводачи	Показатель
Возникновение чрезвычайных ситуаций (теракта, стихийного бедствия, крупной аварии, военных действий)	60,4
Необходимость дать кровь для близкого человека (родственника, друга)	55,2
Предоставление донору большего числа льгот и гарантий	21,4
Просьба медицинских работников	20,1
Разъяснение причин необходимости безвозмездного донорства	19,1
Сообщение сведений о том, кто является реципиентом	15,1

Очевидно, что денежная компенсация в белорусских реалиях является эффективным методом мотивации донорской активности. Материалы проведенных исследований показывают, что в ситуации, когда отсутствует реальная альтернатива платному донорству, уход от него с неизбежностью приведет к возникновению кризисной ситуации в службе крови. Именно поэтому стратегическим направлением ее реформирования должен стать не принципиальный отказ от платного донорства, а создание большо-

го числа альтернатив, снижающих личную материальную заинтересованность доноров. Преобразование общественного мнения возможно в результате целенаправленной, планомерной и длительной работы, ориентированной на изменение отношения к донорству в целом и к материальному вознаграждению в частности, которое сейчас в большей степени воспринимается как компенсация за затраченные время и усилия. При этом меньше всего доноры согласны с провозглашенным ВОЗ тезисом о пользе и безопасности безвозмездного донорства (таблица 4).

Таблица 4 – Мнения доноров о безвозмездном донорстве

Утверждения о безвозмездном донорстве	Степень согласия, средний балл на шкале 1–5
Деньги, которые получает донор, – это компенсация за потраченные им усилия и время	3,47
Внедрение безвозмездного донорства обусловлено стремлением сэкономить на донорах	3,05
По-настоящему благородным является только безвозмездное донорство	3,01
Внедрение безвозмездного донорства необходимо для повышения качества и безопасности лечения препаратами крови	2,57

Мы видим, что внедрение безвозмездного донорства, избранное руководством Министерства здравоохранения в качестве стратегической цели, неизбежно столкнется со многими препятствиями, в том числе с непониманием со стороны доноров. Однако мы находим подтверждения и тому, что только просветительско-пропагандистская работа неспособна создать благоприятные условия для распространения массового добровольного безвозмездного донорства.

По данным ВОЗ, к 2011 г. 60 стран мира достигли уровня добровольных безвозмездных донаций, равного 99–100% [12]. Сгруппировав эти страны, мы убедились, что показатель донорской активности населения (число донаций крови на 1 000 человек) в них разительно отличается (таблица 5). К слову, в Республике Беларусь сейчас этот показатель равняется 39, что полностью удовлетворяет потребностям национальной системы здравоохранения: наша страна заинтересована в стабильных поставках достаточного количества гемотрансфузионных сред и не может допустить существенного снижения донорской активности населения, которое неизбежно в случае безальтернативного внедрения безвозмездного донорства [8].

Из дальнейшего анализа мы исключили те страны, по которым за 2011 г. не было сведений о доле безвозмездных донаций или о донорской активности населения, а также те страны, по которым мы не смогли получить ясных и полных данных на официальном сайте ВОЗ (например, Вануату, Острова Кука и др.).

ИРЧП, являющийся инструментом межстранового сравнения уровня жизни, рассчитанный для 2011 г. (если не оговорено иное), взят из открытых источников в сети Интернет и также приведен в таблице 5. Даже поверхностный анализ позволяет зафиксировать важное наблюдение: все страны с высоким показателем добровольной безвозмездной донорской активности населения (30 и более донаций крови на 1 000 человек), за исключением Кубы, относятся к странам с очень высоким ИРЧП (в 2011 г. – 0,793 и выше; всего 47 стран). Беларусь в 2011 г. имела ИРЧП, равный 0,756 и занимала 65 позицию в мировом рейтинге. В 2012 г. Беларусь поднялась на 15 позиций и заняла 50

место, существенно приблизившись к странам-лидерам. Тем не менее даже вхождение в группу стран с очень высоким ИРЧП не гарантирует вступления в группу стран с долей добровольных безвозмездных донаций, равной 99–100% (такие страны, как Польша, Греция, ОАЭ, Аргентина, Чили, могут служить подтверждением данного тезиса).

Корреляционный анализ позволил констатировать наличие сильной прямой связи ИРЧП и донорской активности населения в странах с долей добровольных безвозмездных донаций, равной 99–100% (значение коэффициента Спирмана составило 0,833).

Таблица 5 – Страны с долей добровольных безвозмездных донаций, равной 99–100%, ИРЧП и индекс материализма/постматериализма

Страна	Число донаций крови на 1 000 человек	ИРЧП	Индекс материализма/постматериализма
США	30 и более	0,910	0,49
Канада	30 и более	0,908	0,59
Куба	30 и более	0,776	–
Никарагуа	10–19,9	0,589	–
Суринам	10–19,9	0,680	–
ЮАР	10–19,9	0,619	0,35
Свазиленд	10–19,9	0,522	–
Ботсвана	5–9,9	0,633	–
Намибия	10–19,9	0,625	–
Зимбабве	5–9,9	0,376	–
Замбия	5–9,9	0,430	–
Малави	5–9,9	0,400	–
Уганда	5–9,9	0,446	–
Кения	5 и менее	0,509	–
Кот д'Ивуар	5 и менее	0,400	–
Австралия	30 и более	0,929	–
Новая Зеландия	30 и более	0,908	–
Малайзия	20–29,9	0,761	0,37
Бруней	30 и более	0,838	–
Тайланд	20–29,9	0,690*	0,39
КНР	5–9,9	0,687	0,28
Республика Корея	30 и более	0,897	–
КНДР	5–9,9	0,491**	–
Сингапур	20–29,9	0,866	–
Монголия	5–9,9	0,653	–
Япония	30 и более	0,901	–
ОАЭ	10–19,9	0,846	–
Иран	20–29,9	0,707	–
Турция	20–29,9	0,699	0,36
Израиль	30 и более	0,888	–
Латвия	30 и более	0,805	0,38
Эстония	30 и более	0,835	0,37
Финляндия	30 и более	0,882	0,50
Норвегия	30 и более	0,943	0,53
Швеция	30 и более	0,904	0,56

Продолжение таблицы 5

Дания	30 и более	0,895	0,54
Великобритания	30 и более	0,863	0,54
Ирландия	30 и более	0,908	0,36
Исландия	30 и более	0,898	0,49
Румыния	10–19,9	0,781	0,32
Словакия	30 и более	0,834	0,36
Чехия	30 и более	0,865	0,40
Бельгия	30 и более	0,886	0,51
Нидерланды	30 и более	0,910	0,54
Швейцария	30 и более	0,903	0,45
Италия	30 и более	0,874	0,50
Словения	30 и более	0,884	0,46
Хорватия	30 и более	0,796	0,41
Сан-Марино	30 и более	0,944***	–
Франция	30 и более	0,884	0,45
Испания	30 и более	0,878	0,39
Португалия	30 и более	0,809	0,30
Кипр	30 и более	0,840	0,39
Мальта	30 и более	0,832	0,34

* 2013 г.

** 2009 г.

*** 1997 г.

Установленная закономерность позволяет сделать вывод о том, что массовое добровольное безвозмездное донорство обусловлено развитием человеческого потенциала, или качеством жизни: уровнем грамотности населения и ожидаемой продолжительностью обучения, ожидаемой продолжительностью жизни, а также величиной ВНД на душу населения по паритету покупательной способности. Именно последний показатель, отражающий степень материального благополучия населения, играет, по нашему мнению, ключевую роль при формировании контингента добровольных безвозмездных доноров. Для подтверждения своей мысли мы обратились к сформулированной Р. Инглхартom «гипотезе дефицита материальных благ», который убежден, что «на практике приоритеты людей отражают их социально-экономическое положение, в результате чего на субъективном уровне наибольшую ценность для них приобретают самые насущные потребности; способность удовлетворять материальные нужды и физическая защищенность – важнейшие предпосылки выживания; поэтому в условиях нехватки материальных благ люди придают приоритетное значение материалистическим целям, а в ситуации изобилия они с большей вероятностью делают акцент на целях постматериалистических» [13, с. 148–149]. Таким образом, утверждается, что по мере роста экономического благополучия все актуальнее становится и потребность в причастности к «благому делу», в уважении, в интеллектуальном и эстетическом удовлетворении. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и особенности культурного развития страны (или региона), и специфику социализации личности. Тем не менее именно субъективное ощущение защищенности и экономической состоятельности (ценности, связанные с выживанием) позволяет распространиться ценностям, преследующим постматериалистические цели (т.е. связанные с самовыражением).

Используя блок вопросов в социологическом инструментарии, Р. Инглхарт предложил рассчитывать индекс, позволяющий оценить долю «материалистов», «постматериалистов» и представителей смешанного типа ценностного сознания в стране. Индекс, изменяясь от 0 до 1, отображает их соотношение: если индекс принимает значение «0», то 100% населения относится к «материалистам»; если «1», то 100% населения относится к «постматериалистам». На основе результатов мониторинга, проводимого в рамках проектов European Values Survey и World Values Survey [14] (здесь использованы данные 2008–2009 гг.), мы смогли рассчитать индекс материализма/постматериализма для некоторых стран, ранее отобранных в группу с долей добровольных безвозмездных донаций, равной 99–100% (таблица 5). Корреляционный анализ позволил констатировать наличие прямой связи индекса материализма/постматериализма и донорской активности населения в странах с долей добровольных безвозмездных донаций, равной 99–100% (значение коэффициента Спирмана составило 0,544).

Таким образом, отечественная служба крови сегодня нуждается в серьезных преобразованиях, направленных на изменение мотивации донорской активности, на замену откровенной продажи донором собственной крови дарением. Для этого необходимо стремиться к упрощению участия населения в донорстве, усилению одобрения донорства со стороны общества, повышению социального статуса донора, устранению недостатка достоверной информации. Одновременно следует не только избегать сложных и масштабных реформ в службе крови (отрасли, являющейся стратегической для всей системы здравоохранения), но и отказаться от проявлений кампанейщины в управленческой практике. Приведенные в статье результаты исследований и установленные закономерности, описывающие условия распространения массового добровольного безвозмездного донорства, со всей очевидностью показывают, насколько сложной и многомерной является поставленная ВОЗ задача. Избранная Министерством здравоохранения Республики Беларусь в качестве приоритетного направления развития службы крови, она не может быть решена усилиями только сотрудников станций и отделений переливания крови: необходим комплексный и всесторонний подход к реформе донорства с привлечением специалистов разного профиля. Ведь и сама ВОЗ обращает внимание на многосложность препятствий, стоящих на пути внедрения и сохранения массового добровольного безвозмездного донорства, и поэтому призывает разрабатывать и принимать национальные стратегии по содействию добровольной сдаче крови с учетом осуществления длительных, рассчитанных на значительные сроки программ общественного просвещения населения [4; 15]. По нашему мнению, внедрение массового добровольного безвозмездного донорства в Республике Беларусь станет возможным, только если будут сняты препятствия, стоящие на его пути, а также в результате оптимизации работы всей службы крови в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селиванов, Е.А. Современные проблемы донорства в Российской Федерации / Е.А. Селиванов [и др.] // Вестник службы крови России. – 2011. – № 1. – С. 5–14.
2. Красняков, В.К. Совершенствование донорства крови и ее компонентов в Санкт-Петербурге : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.29 / В.К. Красняков. – СПб., 2009. – 94 л.
3. Мигаль, Т.Ф. Организационные принципы формирования контингентов доноров в свете требований государственной стратегии безопасности трансфузионной практики / Т.Ф. Мигаль [и др.] // Актуальные проблемы гематологии и трансфузиологии : сб. науч. тр. к 80-летию гематологической и трансфузиологической служб Респ. Беларусь, Минск, 24–25 мая, 2012 г. – Минск : ГУ «Республиканский научно-практический центр трансфузиологии и медицинских биотехнологий», 2012. – С. 5–8.

4. К стопроцентному добровольному донорству крови. Глобальная стратегия действий // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.who.int/publications/list/9789241599696/ru/>. – Дата доступа : 03.04.2014.

5. ВОЗ выражает признательность молодым донорам крови // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2010/blood_donor_day_20100613/ru/. – Дата доступа : 03.04.2014.

6. О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 июня 2011 г. № 693 // Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11 ноября 2011 года № 1519 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://imedic.biz/?page_id=889. – Дата доступа : 03.04.2014.

7. Добровольное донорство крови планируется развивать в Беларуси // Официальный сайт «БЕЛТА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/society/Dobrovolnoe-donorstvo-krovi-planiruetsja-razvivat-v-Belarusi_i_650644.html. – Дата доступа : 03.04.2014.

8. Минздрав хочет возродить безвозмездное донорство крови // Сеть городских порталов Беларуси «GOVORIM.BY» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://govorim.by/novosti-belarusi/95351-minzdrav-hochet-vozrodit-bezvozmezdnoe-donorstvo-krovi.html>. – Дата доступа : 03.04.2014.

9. Кулешов, А.А. Состояние и перспективы развития донорства крови в Республике Беларусь (промежуточный отчет о НИР) / А.А. Кулешов, И.Д. Расолько // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91856>. – Дата доступа : 03.04.2014.

10. Ротман, Д.Г. Тенденции изменения ценностного сознания студенческой молодежи Республики Беларусь / Д.Г. Ротман, А.В. Посталовский, И.Д. Расолько // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 11. – С. 3–13.

11. Кулешов, А.А. Побуждающие и сдерживающие факторы участия населения Республики Беларусь в донорстве крови и ее компонентов / А.А. Кулешов // Философия и социальные науки. – 2013. – № 2. – С. 79–84.

12. Безопасность крови и ее наличие в мире // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs279/ru/>. – Дата доступа : 03.04.2012.

13. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.

14. European Values Study 1981–2008. – [Electronic resource]. – The Hague, 2011. – Date of access : 04.30.2011.

15. World Values Survey 1981–2008. – [Electronic resource]. – The Hague, 2009. – Mode of access : <http://www.worldvaluesurvey.org>.

16. Предложение об учреждении Всемирного дня донора крови // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.who.int/worldblooddonorday/resources/WHA.A58_38-ru.pdf. – Дата доступа : 03.04.2014.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения,
ВНД – валовый национальный доход,
ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала,

ЦСПИ БГУ – Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета

Kuleshov A.A., Rasolka I.D. Possibility of Introduction of Voluntary Unpaid Blood Donation in the Republic of Belarus: a Sociological Analysis

In 2013 the Ministry of Public Health of Belarus took the strategic policy for the development of voluntary unpaid blood donation. Results of the research, held by the authors in Minsk (expert survey, qualitative and quantitative analysis of the donor activity motivation), indicate some obstacles that will not make it possible to introduce voluntary unpaid blood donation in the country easily and freely. The article shows that there exists a strong link between the quality of life and the level of donor activity among the population in countries with 99–100% voluntary unpaid blood donation. The authors conclude that the introduction of voluntary unpaid blood donation cannot be carried out only by the efforts of the blood service workers.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.04.2014

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д.А. МИГУНА «БЕЛАРУСЬ В ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (НОЯБРЬ 1918 – ИЮНЬ 1941 г.)»

Современный период развития научных исследований в Беларуси проходит в условиях формирования новой государственной идеологии и ревизии устаревших догм, позиций и подходов периода СССР и БССР. Поэтому важно в соответствии с современными требованиями науки комплексно проанализировать все особенности и специфику белорусских аспектов германо-советских отношений в межвоенный период. Национально-государственная идеология, внешняя и внутренняя политика Республики Беларусь основаны на прочном историческом фундаменте. Обстоятельный анализ деятельности белорусских политиков и политологов, освоение их идейного наследия и практического опыта являются насущной потребностью общественных наук.

Перспективы развития международных отношений предполагают глубокое осмысление исторического опыта. В связи с теми политическими изменениями, которые происходят в мире, особую актуальность приобретает книга Д.А. Мигуна.

Монография Д.А. Мигуна «Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 г.)» представляет собой фундаментальное самостоятельное научное исследование германо-советских связей в межвоенный период. Глубина постановки проблемы и научный инструментарий решения, несомненно, делают честь автору. На протяжении всего текста монографии автор демонстрирует эксплицитную эрудицию в тех областях исторической науки, которые обычно мало привлекают внимание исследователей. Автор проводит инкрементальные и кропотливые изыскания, порой по очень частным, но существенным для данного исследования вопросам.

Несомненным достоинством монографии является тщательно подобранный, оформленный и скрупулезно выверенный историографический и источниковедческий материал. Д.А. Мигуном выявлены, синтезированы и обобщены архивные материалы фондов Национального архива Республики Беларусь, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, касающиеся данной тематики. Личные контакты автора с историками ФРГ и Российской Федерации позволили ему исследовать большой массив западногерманской и российской литературы и исторических источников по данной проблеме.

Результаты проведенного исследования, выводы, положения, документы и фактический материал представляют большой интерес для исторической науки Беларуси, создают предпосылки для дальнейшей, более углубленной разработки данной проблемы. Они могут быть использованы при создании обобщающих трудов как по истории внешнеполитических связей Беларуси, так и по истории внешней политики Германии.

Практическая значимость исследования заключается в системных выводах по определению места и роли белорусского феномена в германо-советских отношениях в период с ноября 1918 г. по июнь 1941 г. Выявление особенностей потенциала связей и отношений позволяет глубоко обосновать структуры принятия решений, связанных с взаимодействием Республики Беларусь и Германии в настоящее время, прогнозировать их социально-политические последствия; способствовать повышению национальной безопасности, развитию международных отношений, в том числе и многосторонних в рамках наднациональных и региональных структур.

Результаты монографического исследования представляют интерес для ученых, действующих политиков, государственных служащих.

Материалы монографии могут быть использованы при изучении истории внешней политики Германии в школах, гимназиях, лицеях, средних специальных и высших учебных заведениях Республики Беларусь и Германии, при подготовке лекционных курсов, учебников и учебных пособий по истории внешней политики Германии.

Результаты исследования могут использоваться:

– органами государственного управления (Администрацией Президента Республики Беларусь, Советом Безопасности, Министерством иностранных дел, Национальным собранием Республики Беларусь) при разработке стратегии и тактики взаимодействия с Германией в настоящее время, формировании привлекательного имиджа Беларуси и рекламы белорусской модели развития в Германии;

– высшими учебными заведениями при преподавании дисциплин «История Беларуси», «Внешняя политика Республики Беларусь», «Международные отношения», «Политология», «Геополитика», «Основы идеологии белорусского государства».

Социально-экономическая значимость данной работы состоит в уменьшении финансовых затрат, выделяемых на проведение научных изысканий в данном направлении.

Безусловно, в монографии имеются и кое-какие небольшие промахи, которые в целом не влияют на высокую оценку качества работы, выполненной Д.А. Мигуном.

Вывод. Работа Д.А. Мигуна основана на длительных и глубоких изысканиях и представляет собой образец серьезного научного исследования, содержащего немало открытий и привлекающего внимание исследователей в Беларуси и за рубежом.

***Решетников С.В.**, заведующий кафедрой политологии
юридического факультета Белорусского государственного
университета, доктор политических наук, профессор*

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Анупрыенка С.П. – доктар філасофскіх навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Аўраменка В.А. – аспірантка кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Бабосава К.С. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Бабосаў Я.М. – акадэмік НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар, галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Белаусава Н.Б. – кандыдат палітычных навук, кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры міжнароднай інфармацыі Інстытута міжнародных зносін Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі

Бяляева А.В. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дарэнская В.Н. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі культуры і культуралогіі Усходнеўкраінскага нацыянальнага ўніверсітэта імя У. Даля (г. Луганск)

Касцючкоў А.М. – старшы выкладчык кафедры філасофіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава

Клімовіч Г.У. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Крупноў С.П. – аспірант кафедры палітычнай сацыялогіі Харкаўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя В.Н. Каразіна (Украіна)

Куляшоў А.А. – магістр сацыялогіі, малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтра сацыялагічных і палітычных даследаванняў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лагуноўская А.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Расолька І.Д. – магістр сацыялогіі, малодшы навуковы супрацоўнік Цэнтра сацыялагічных і палітычных даследаванняў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Ротар Н.Ю. – доктар палітычных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і дзяржаўнага кіравання Чарнавіцкага нацыянальнага ўніверсітэта імя Ю. Фядзьковіча (Украіна)

Сакалоўская М.Р. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Сухоцкі М.М. – вядучы спецыяліст Інфармацыйна-аналітычнага цэнтра пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь

Сцепановіч В.А. – кандыдат філасофскіх навук, прафесар, прафесар кафедры тэорыі бяспекі Прыродазнаўча-гуманітарнага ўніверсітэта ў Седльцы (Рэспубліка Польшча)

Фралова В.М. – кандыдат палітычных навук, дацэнт кафедры міжнароднай інфармацыі Інстытута міжнародных зносін Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі

Храмцова Ф.І. – доктар палітычных навук, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Філіяла Расійскага дзяржаўнага сацыяльнага ўніверсітэта ў г. Мінску

Шаўчук Д.М. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры культуралогіі і філасофіі Нацыянальнага ўніверсітэта «Астрожская акадэмія», дактарант Інстытута вышэйшай адукацыі Нацыянальнай акадэміі педагагічных навук Украіны

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінары;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам;

выраўноўванне па левым краі);

- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай

старонцы артыкула ўнізе;

➤ асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);

- спіс літаратуры;

➤ рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

➤ звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);

➤ выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;

➤ рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;

- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 23.05.2014. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,83. Ул.-выд. арк. 16,0.

Тыраж 100 экз. Заказ № 239.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.